Снѣгурочка

повѣсть

Л. А. Чарской

Изданіе т-ва М. О. Вольфъ

1853
1888
MOB

Л. А. ЧАРСКАЯ

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.
Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 3-е. Ц. 3 р.

КНЯЖНА ДЖАВАХА.
Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 3-е. Ц. 3 р.

ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.
Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд. 3-е. Ц. 3 р.

ВТОРАЯ НИНА.
Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. 3 р.

ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО.
Повѣсть для юношества, съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р.

ЗА ЧТО?
Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ илл. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. 3 р.

БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.
Повѣсть для юнош., съ иллюстр. И. Гурьева. Ц. 3 р.

ЛѢСОВИЧКА.
Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро. Ц. 3 р.

ГАЗАВАТЪ.
Историческая повѣсть, съ илл. І. І. Смукровича. Изд. 2-е. Ц. 3 р. 50 к.

ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ.
Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Ц. 3 р. 50 к.

СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.
Истор. пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Ц. 3 р. 50 к.

ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.
Историч. повѣсть, съ иллюстр. худ. С. Панова. Ц. 3 р. 50 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ.
Историческій разсказъ, съ илл. А. Бальдингера. Ц. 1 р. 25 к.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ.
Историческій романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.
Историческая повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера. Ц. 1 р. 50 к.

ГОЛУБАЯ ВОЛНА.
Стихи и пѣсни для юношества.

ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. В. Симакова. Ц. 2 р. 50 к.

ЗАПИСКИ СИРОТКИ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго. Ц. 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова. Ц. 2 р. 50 к.

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера. Ц. 2 р. 50 к.

СИБИРОЧКА.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. Гурьева.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера.

СЧАСТЛИВЧИКЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. худ. И. Гурьева.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ.
Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова. Ц. 60 к.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ.
Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к.

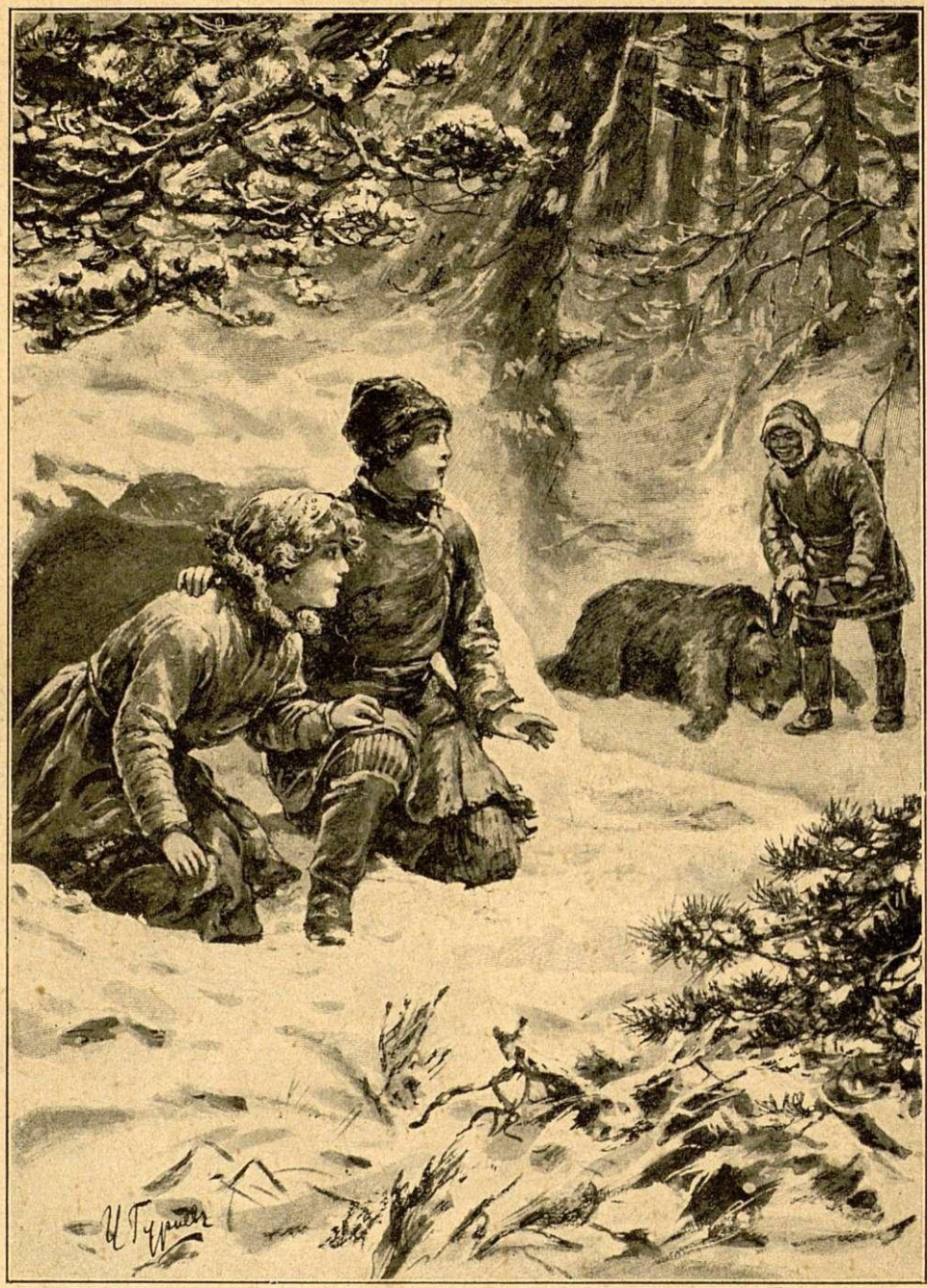
СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.
Съ рис. В. Мельникова, З. Шапиро и др. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА.
Разсказъ для малютокъ, съ хром. карт. А. Гейера. Ц. 1 р. 50 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА.
Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Ц. 45 к.

ВОВИКЪ.
Полу-быль, полу-сказка, съ илл. барона Демерта.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ.
Разсказы для маленьк. дѣтей, съ хром. карт. Изд. 2-е. Ц. 90 к.



На мѣстѣ страшнаго чудовища появилось что-то необычайное...

СИБИРОЧКА

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 12 рисунками И. Гурьева

ИЗДАНІЕ
ТОВАРИЩЕСТВА М·О·ВОЛЬФЪ
• С·ПЕТЕРБУРГЪ • МОСКВА •

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ · Вас· Остр· 16 линія соб· домъ

Дорогой своей сестренкѣ Наташѣ

эту повѣсть посвящаетъ

старшая сестра.

ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ.

ЧТО БЫЛО ДЕВЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Что было девять лѣтъ назадъ.

—ВОЛКИ! Волки! Спасайтесь!

Этотъ отчаянный крикъ вырвался изъ груди ямщика, сидѣвшаго на козлахъ большихъ крытыхъ саней и правившаго парой быстрыхъ лошадокъ.

И ямщикъ задергалъ вожжами, стараясь изо всѣхъ силъ принудить коней бѣжать возможно скорѣе.

Была ночь, вылъ вѣтеръ, метелица плясала въ лѣсу, наметая цѣлыя горы снѣга. Луна чуть свѣтила сквозь эту движущуюся пелену.

Изъ саней высунулась голова господина, одѣтаго въ высокую соболью шапку и теплую шубу.

— Волки!—испуганно произнесъ онъ.—Гдѣ? Можетъ быть, далеко?—и тотчасъ же съ легкимъ крикомъ ужаса отпрянулъ назадъ въ возокъ: нѣсколько десятковъ огней съ бѣшеной быстротой подвигались къ санямъ.

Господинъ сразу догадался, что это были глаза волковъ. Они сверкали, какъ яркіе фонари. Ихъ было много, много.

Господинъ поблѣднѣлъ и дрожащимъ голосомъ обратился къ сидящей подлѣ него пожилой женщинѣ, укутанной въ теплые платки поверхъ широкой лисьей шубы:

— Няня! Опасность очень велика...—ронялъ онъ трепещущими губами,—на насъ нападаютъ волки... У меня нѣтъ оружія съ собою, чтобы отбиваться отъ нихъ... На спасенье надежды почти нѣтъ... Надо спасти, по крайней мѣрѣ, ребенка... Во что бы то ни стало спасти!.. Не умирать же вмѣстѣ съ нами ни въ чемъ неповинной крошкѣ!.. Дайте мнѣ мою дорогую!.. Я закутаю ее хорошенько и постараюсь какъ-нибудь укрыть ее отъ хищниковъ... На коней надежды мало... имъ не уйти отъ врага... Во всякомъ случаѣ, мы поѣдемъ одни... Авось удастся намъ добраться до какого-нибудь жилья... Но ребенка я не хочу подвергать этой опасности... Попытаюсь спасти его болѣе вѣрнымъ способомъ...

Тутъ голосъ путника оборвался. Онъ схватилъ изъ рукъ рыдающей няньки закутанную въ мѣхъ малюсенькую дѣвочку и быстро выскочилъ изъ саней со своей легкой ношей. Близъ дороги росло дерево. Къ нему то и подошелъ путникъ съ ребенкомъ, сбросилъ съ себя шубу, завернулъ въ нее малютку, безмятежно спавшую крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ, снялъ широкій кожаный поясъ, подпоясывавшій его теплую оленью куртку, благословилъ, нѣжно поцѣловалъ ребенка и привязалъ его къ дереву при помощи ремня, который и обвилъ вокругъ ствола дуба.

Путникъ съ ребенкомъ подошелъ къ дереву.

— Если мнѣ суждено спастись, я вернусь съ разсвѣтомъ сюда за тобою, моя крошечка,—произнесъ онъ потрясеннымъ голосомъ.—Если же я стану добычею хищныхъ волковъ, добрые люди, проѣзжая утромъ по этой дорогѣ, найдутъ и пріютятъ тебя. Во всякомъ случаѣ, до тебя волки не доберутся... Господь съ тобою! Прощай, моя крошка! Въ руки Бога предаю тебя!

Спустя минуту онъ стоялъ уже опять у саней. Женщина, оставшаяся тамъ, рыдала навзрыдъ и громко молилась. Ямщикъ сурово молчалъ. Кони бились и храпѣли, чуя смертельную опасность...

Всѣ понимали отлично, и люди, и животныя, что отъ волковъ имъ не было спасенья... А тѣ, между тѣмъ, все приближались и приближались съ горящими, какъ фонари, глазами, уже издали щелкая зубами, какъ бы предвкушая заранѣе побѣду надъ обреченными смерти людьми.

Лошади бросились было впередъ, но снѣжные сугробы, метель и вихрь мѣшали ихъ бѣгу. Пронзительно и страшно прозвучалъ надъ лѣсомъ протяжный волчій вой... Звѣри оцѣпили сани, подвигавшіяся убійственно медленно по наметеннымъ сугробамъ снѣга, и вдругъ ринулись всею стаею на коней...

* * *

Начинало уже свѣтать, когда въ лѣсу прогремѣлъ выстрѣлъ. За нимъ прозвучалъ другой, третій...

Это съ десятокъ крестьянъ-охотниковъ, услыша далеко за лѣсомъ волчій вой и крики погибающихъ, спѣшили къ

нимъ на помощь... Волки, почуя приближающихся къ нимъ вооруженныхъ людей, мгновенно разбѣжались.

Охотники поспѣшили къ мѣсту нападенія и увидѣли ужасную картину. Обѣ лошади были съѣдены до костей. Ямщикъ и женщина со знаками жестокихъ укусовъ лежали мертвые на снѣгу. Немного поодаль, въ сторонѣ отъ нихъ, находился со слабыми признаками жизни молодой человѣкъ въ оленьей дорожной курткѣ и собольей шапкѣ, съѣхавшей на лобъ. Онъ тяжело дышалъ. Укусы волковъ не миновали несчастнаго. Изъ рукъ и ногъ путника ручьемъ лилась кровь. Онъ былъ безъ чувствъ. Охотники подняли его и понесли къ себѣ въ поселокъ, который отстоялъ версты на двѣ отъ проѣзжей лѣсной дороги.

Тамъ они привели незнакомца въ чувство, подкрѣпили его силы виномъ, обмыли и забинтовали его раны.

Когда незнакомецъ пришелъ въ себя, его первыми словами было:

— Моя дочь... моя дѣвочка... Она осталась въ лѣсу... Я привязалъ ее къ дереву у дороги, чтобы волки не могли ее достать... Ради всего святого, найдите ее, принесите сюда... Я богатъ и щедро награжу васъ за это..

Охотники кинулись въ лѣсъ, обыскали всѣ лѣсныя дороги и тропинки, но нигдѣ не могли найти ребенка. Вмѣсто него они принесли въ поселокъ мертвую женщину и ямщика. Дитя же исчезло изъ лѣса безслѣдно.

Отецъ исчезнувшей дѣвочки, узнавъ ужасную вѣсть о томъ, что его дѣвочки не нашли, впалъ опять въ безчувственное состояніе...

▫ ▫ ▫

— „Надо отъ него узнать, кто онъ, и извѣстить его родныхъ, что онъ лежитъ у насъ и опасно боленъ“,— рѣшили охотники.

Но больной не въ состояніи былъ отвѣчать на вопросы. Онъ бредилъ, метался, говорилъ про свою исчезнувшую дѣвочку, — но кто онъ, откуда и гдѣ его родственники отъ него нельзя было добиться.

Тогда охотники стали искать въ карманахъ его платья какой-либо записки. И вотъ, въ карманѣ дорожной куртки больного была найдена порядочная сумма денегъ, его паспортъ, бумаги и нѣсколько писемъ его друзей. Изъ бумагъ охотники узнали, что это былъ очень богатый и знатный баринъ. Изъ нѣкоторыхъ писемъ выяснилось, что онъ овдовѣлъ недавно и ѣхалъ изъ Петербурга со своей маленькой дочкой и ея кормилицей-нянькой въ Сибирь къ одному пригласившему его другу. Адресъ этого друга и письмо отъ него имѣлись въ карманѣ больного, и этому то другу и написали добрые люди о томъ, гдѣ и въ какомъ положеніи находится его товарищъ.

Другъ пріѣхалъ черезъ нѣсколько дней въ поселокъ и ухаживалъ за больнымъ товарищемъ съ нѣжностью родного брата. Молодость и силы взяли свое, и больной

поправился настолько, что могъ уѣхать отъ пріютившихъ его людей.

Онъ щедро наградилъ своихъ спасителей-охотниковъ и, съ растерзаннымъ сердцемъ, обыскавъ предварительно всѣ окрестныя селенія, надѣясь найти дочь, уѣхалъ, оплакивая свою малютку, которую считалъ погибшей.

* * *

Малютка-дѣвочка не погибла, однако. Въ то самое утро, когда охотники спасли ея отца, она проснулась и, не встрѣтя любящаго лица своей няни-кормилицы, начала громко и горько плакать.

Этотъ плачъ былъ услышанъ старикомъ-птицеловомъ, который разставлялъ въ лѣсу силки для птицъ. Старикъ жилъ исключительно на деньги, выручаемыя отъ продажи дичи, которую и ловилъ силками въ лѣсахъ. Онъ былъ очень удивленъ, услыша дѣтскій голосъ посреди лѣса, и еще болѣе удивился, увидя прелестнаго бѣлокураго крохотнаго ребенка, закутаннаго въ дорогую шубу и подвѣшеннаго къ дереву на ремнѣ.

— Ахъ, ты, крошечка ненаглядная! Самъ Господь видно тебя на моемъ пути посылаетъ!—произнесъ старикъ и, осторожно отвязавъ ребенка, нѣжно поцѣловалъ его.

Дѣвочка, увидя доброе, ласковое лицо чужого человѣка, притихла и перестала плакать. Старикъ сталъ нѣжно баюкать ее, и дѣвочка вскорѣ опять заснула.

Старикъ-птицеловъ былъ одинокъ. Его единственная дочь, съ которой онъ проживалъ со смерти жены все

послѣднее время въ Сибири, вышла нѣсколько лѣтъ тому назадъ замужъ и уѣхала съ мужемъ въ Петербургъ. Скучно стало старику Михайлычу безъ дочери.

— Вотъ славно то! Вторую дочку Господь мнѣ послалъ. Только крошечку то какую!—радовался Михайлычъ и понесъ къ себѣ свою живую находку.

Въ дальнемъ селеніи старый птицеловъ снималъ маленькую избушку у зажиточнаго сибиряка-хозяина. Сюда то онъ и принесъ малютку. О томъ, что у ребенка есть родители, которые его ищутъ, старикъ не думалъ. Онъ понялъ одно, что ребенка покинули, поручивъ его Богу и добрымъ людямъ. О нападеніи волковъ на путниковъ онъ ничего не слышалъ, такъ какъ жилъ совсѣмъ въ противоположной сторонѣ отъ охотничьяго поселка.

Придя домой, Михайлычъ раскуталъ дѣвочку, ища какой-нибудь записки, объясняющей ея таинственное появленіе въ лѣсу. Но такой записки не находилось, и кромѣ теплой дорогой мужской шубы, мѣхового пальтеца ребенка и краснаго платья, свидѣтельствовавшихъ о роскоши и богатствѣ, старикъ Михайлычъ замѣтилъ лишь на шеѣ дѣвочки небольшой крестикъ на золотой цѣпочкѣ. Короткая надпись на этомъ крестикѣ гласила: „*Спаси, Господи, рабу твою Александру*“. Такимъ образомъ Михайлычъ узналъ, какъ звали дѣвочку. Но онъ самъ прозвалъ ее иначе.

— Пускай ужъ ты Сибирочкой зваться будешь,— рѣшилъ онъ, цѣлуя ребенка,—потому, нашелъ я тебя

въ самой глуши Сибири. И буду я любить тебя, богоданная моя внучка Сибирочка, какъ родную, выращу тебя, научу грамотѣ и молитвамъ и не отдамъ никому, никому...

Боясь, чтобы отъ него не отняли его пріемыша, Михайлычъ въ то же утро скрылся изъ поселка. Въ ближайшемъ городкѣ онъ продалъ шубу, къ которую былъ закутанъ ребенокъ, а на вырученныя деньги уѣхалъ подальше, въ самую глушь сибирскихъ далекихъ губерній и поселился въ селеніи, гдѣ никто не зналъ ни его самого, ни его пріемной внучки.

ЧАСТЬ I.

ВЪ ГЛУШИ СИБИРИ.

ГЛАВА I.

Дѣдушка и внучка.

— ХОЛОДНО, дѣдушка, холодно!

И маленькая дѣвочка лѣтъ девяти прижалась дрожащимъ худенькимъ тѣльцемъ къ высокому тощему старику, строгавшему какія то палочки.

На маленькой дѣвочкѣ были надѣты ветхое платье и такое же пальтишко, и не пальтишко вѣрнѣе, а старый тулупчикъ, едва доходившій ей до колѣнъ. Изъ-подъ платка, надѣтаго на голову, выбивались бѣлокурые волосы дѣвочки, вьющіеся крупными кольцами вокругъ блѣднаго, худенькаго личика съ большими, ясными, синими глазами.

— Холодно, дѣдушка, холодно!—еще разъ проговорила дѣвочка и еще тѣснѣе прижалась къ дѣду.

Старикъ былъ очень худъ и высокъ ростомъ. Желтая, какъ воскъ, кожа морщинилась на его высохшемъ лицѣ. Выцвѣтшіе отъ старости глаза были тусклы. Ка-

кой то убогій, порыжѣвшій отъ времени полушубокъ покрывалъ его изсохшее старческое тѣло. Въ небольшой тѣсной избѣ-чуланѣ, гдѣ находились старикъ и дѣвочка, было холодно, темно и неуютно. Единственное окошко, занесенное снѣгомъ, давало мало свѣта. Къ тому же проказникъ-морозъ прихотливо разрисовалъ его узорами; окно все заледенѣло и вслѣдствіе этого еще менѣе пропускало свѣта въ чуланъ. Кромѣ чернаго стола и печки, которую, Богъ знаетъ какъ давно, не топили, какъ слѣдуетъ, да охапки соломы, брошенной въ уголъ и безпорядочно прикрытой какимъ то тряпьемъ, въ чуланѣ ничего не было.

Дѣдушка и внучка сидѣли, тѣсно прижавшись другъ къ другу, дрожа отъ холода. Дѣдушка поминутно кашлялъ, хватаясь за грудь, и такъ тяжело дышалъ, что дѣвочкѣ иногда казалось, вотъ-вотъ онъ сейчасъ задохнется.

А за оконцемъ чулана, между тѣмъ, бушевалъ вѣтеръ и метелица кружила хлопья снѣга вдоль улицы небольшого селенія.

— У-у-у!—пронзительно завывалъ вѣтеръ.

— У-у-у!—вторила ему зловѣщимъ голосомъ метель.

Отъ этихъ страшныхъ завываній дрожала крошечная темная избушка, дрожала бѣлокурая дѣвочка и, казалось, сильнѣе кашлялъ высокій, худой старикъ.

— Дѣдушка! Если бы затопить печурку?..—вдругъ нерѣшительнымъ робкимъ голосомъ освѣдомилась дѣвочка.

— Хворосту больше нѣту, Сибирочка... Весь намедни хворостъ то вышелъ. И ѣда, и хворостъ... Больше ничего у насъ нѣтъ.

И говоря это, старикъ закашлялся такъ сильно, что дѣвочкѣ стало страшно за него. Потомъ онъ ближе, тѣснѣе прижалъ ребенка къ себѣ и, разстегнувъ полушубокъ, прикрылъ его полою своей теплой одежды. Минуты двѣ оба молчали. Дѣдушка строгалъ свои палочки, дѣвочка зябко куталась въ полу его мѣховой одежды. .

А холодъ дѣлался все чувствительнѣе. Стужа дѣлала свое дѣло, и въ маленькомъ чуланчикѣ почти невозможно было сидѣть.

Дѣдушка давно понялъ это и рѣшился дѣйствовать, несмотря на стужу и мятель.

— Слушай, Сибирочка, я пойду въ лѣсъ... Наберу хворосту, да кстати и силки посмотрю, не попался ли въ нихъ какой-нибудь шустрый зайчишка. Вотъ то пиръ мы тогда зададимъ съ тобою! А?—проговорилъ онъ, силясь улыбнуться.—Вѣдь ты, чай, проголодалась, моя дѣвчурка? Чай, кушать то тебѣ хочется?

— Хочется, дѣдушка,—прошептала конфузливо дѣвочка.

— Ну, вотъ! Ну, вотъ и отлично!—засуетился старикъ,—пойду въ лѣсъ... Посмотрю силки... найду въ нихъ звѣрька или птичку... И хворосту наберу... Печку затопимъ... Дичь зажаримъ... то-то будетъ славно, Сибирочка!

И суетясь и покашливая, дѣдушка дрожащими руками снялъ съ гвоздя какую то рваную шубейку, нацѣпилъ ее на себя, накрылъ голову старой бараньей шапкой и, перекрестивъ и поцѣловавъ Сибирочку, открылъ было дверь избушки или, вѣрнѣе, своего чулана, стоявшаго на самомъ краю поселка.

Метель, стужа и вѣтеръ, все это разомъ ворвалось съ улицы въ избушку. Сибирочка вздрогнула всѣмъ тѣломъ и отъ холода, и отъ страха. Ей почему то особенно жутко было оставаться сегодня одной. Она соскочила со своего мѣста, бросилась слѣдомъ за старикомъ и, схвативъ его за руку, зашептала:

— Не оставляй меня одну, не оставляй, дѣдушка! Мнѣ такъ страшно одной! Возьми меня съ собою!—и все сильнѣе и сильнѣе сжимала пальцы дѣдушкиной руки.

— Да вѣдь замерзнешь въ лѣсу, глупышка!—произнесъ старикъ,—вѣдь стужа то, гляди, энъ какая!

— Ничего, дѣдушка! Ничего, миленькій! Я валенки надѣну и платокъ большой!—молила старика дѣвочка.

Валенки и платокъ были единственное богатство Сибирочки.

Старикъ колебался немного. Очень ужъ холодно было на дворѣ. Но встрѣтивши жалобно-грустный взоръ синихъ глазенокъ, онъ махнулъ рукою и сказалъ:

— Инъ, ладно, пойдемъ, большеглазая! Быть по твоему... Одѣнься платкомъ только поладнѣе, да валенки напяль...

Сибирочка даже подпрыгнула отъ радости. Спѣшно укутавшись, она за руку съ дѣдомъ вышла изъ избушки.

ГЛАВА II.

Подъ свистъ вѣтра и пѣснь метели.—Неожиданное горе.

ВЪ избушкѣ-чуланѣ, оказалось, было куда темнѣе, нежели на улицѣ. Короткій зимній день еще далеко не погасалъ, когда старый Михайлычъ вмѣстѣ съ внучкой, миновавъ опушку, углубились въ чащу лѣса, отстоявшаго въ какой-нибудь верстѣ отъ селенія.

Это былъ огромный густой лѣсъ или тайга, какъ называютъ такіе лѣса въ Сибири. Деревья, какъ огромные великаны, сторожили здѣсь свои владѣнія. Здѣсь были и дубы, и клены, и столѣтніе кедры. Они росли такъ близко другъ къ другу, что образовывали одну непроходимую сплошную стѣну своими широкими огромными стволами. Черезъ эту стѣну трудно, почти невозможно было пройти непривычному человѣку. Но старый Михайлычъ, долгое время прожившій въ Сибири, вблизи такой непроходимой тайги, отлично, какъ свои пять пальцевъ, зналъ всѣ ходы и выходы изъ нея.

Дѣдушка жилъ и питался на счетъ этой тайги. Онъ разставлялъ силки и капканы, и попадавшихся въ нихъ

лѣсныхъ звѣрей и птицъ частью продавалъ въ ближайшемъ городѣ на ярмаркѣ, частью оставлялъ для себя и внучки. Онъ самъ устраивалъ капканы и силки, самъ строгалъ для нихъ палочки и плелъ веревки длинными зимними днями и вечерами, когда пурга *) и стужа не позволяли ему выйти на промыселъ въ лѣсъ. Работая такимъ образомъ, онъ не забывалъ и своей маленькой внучки. Онъ выучилъ читать и писать малютку, выучилъ ее считать немного, выучилъ молитвамъ да священной исторіи, словомъ, всему тому, что зналъ самъ. Ихъ жизнь текла тихо и мирно долгое время, до тѣхъ поръ, пока однажды старикъ Михайлычъ не простудился на охотѣ и не слегъ въ постель. Онъ проболѣлъ долго и, не поправившись окончательно, съ жесточайшимъ кашлемъ сталъ выходить снова на промыселъ.

Съ этого дня болѣзнь съ ужасной силой и быстротой стала подтачивать желѣзное здоровье старика-птицелова. Онъ кашлялъ и задыхался, чувствуя сильнѣйшую боль въ груди, особенно въ тѣ дни, когда приходилось выходить на промыселъ въ тяжелую ненастную погоду.

Сегодня была такая именно непогода. Но оставаться долѣе въ избушкѣ безъ ѣды и топлива дѣдушка считалъ болѣе невозможнымъ ради своей любимицы.

— Авось, поутихнетъ метелица!—вслухъ говорилъ Михайлычъ, углубляясь все дальше и дальше въ лѣсъ.

---

*) Метель.

Метелица, дѣйствительно, утихла мало-по-малу, но зато морозъ съ каждымъ часомъ крѣпчалъ все больше и больше. Сибирочка все сильнѣе и сильнѣе дрожала подъ своимъ теплымъ платкомъ, который однако отнюдь не грѣлъ ея закоченѣвшіе члены. Уже дѣдушка раскаивался въ томъ, что взялъ внучку съ собою. Чтобы добраться до того мѣста, гдѣ были разставлены силки, приходилось идти по узкой, протоптанной путниками дорожкѣ, на которую метелица намела не мало снѣгу. Въ лѣсу начинало темнѣть. Ноги вязли въ снѣгу, вѣтеръ и стужа забирались подъ ветхія одеженки и немилосердно щипали тѣло. Но возвращаться назадъ безъ дичи и хвороста было немыслимо. Въ холодной избушкѣ вѣдь не осталось ни ѣды, ни топлива...

Съ трудомъ передвигая ноги, они доплелись до того мѣста, гдѣ дѣдушка имѣлъ обыкновеніе разставлять силки.

Увы! Они были пусты! Ни одна лѣсная птица не попалась въ ловушку. Должно быть непогода напугала и ее. То же было и съ капканами. Лѣсные звѣрьки очевидно попрятались по своимъ норкамъ отъ стужи и метели.

— Дѣлать нечего, давай собирать хворостъ, Сибирочка,—произнесъ уныло дѣдушка, со всѣхъ сторонъ осмотрѣвъ пустые капканы и силки.—Не везетъ намъ съ тобою нынче!—съ тяжелымъ вздохомъ заключилъ старикъ и тутъ же принялся за трудную работу.

Сибирочка бросилась помогать ему. Ея маленькія ручонки проворно хватали сухія вѣтки валежника и старые сучья, валявшіеся тамъ и сямъ на сугробахъ. Увлеченная своей работой, наклоняясь поминутно, разогрѣвшаяся отъ частаго и быстраго движенія, Сибирочка разомъ повеселѣла. Къ тому же у нея была своя маленькая тайна, которая радовала ее: утромъ отъ завтрака ей удалось спрятать для дѣдушки порядочную краюшку хлѣба, которой она и рѣшила угостить бѣднаго больного старика передъ тѣмъ, какъ ложиться спать.

— А дѣдушка то и не знаетъ, не подозрѣваетъ, что у насъ есть чѣмъ поужинать!—радовалась Сибирочка и еще усерднѣе принималась за работу.

Вдругъ тяжелый стонъ достигъ до ея слуха. Сибирочка вздрогнула и обернулась въ ту сторону, гдѣ она оставила своего спутника.

Тяжелое зрѣлище представилось ея глазамъ: дѣдушка уже не собиралъ хворостъ, а, какъ то странно согнувшись, сидѣлъ, прислонясь къ стволу стараго дуба. Онъ былъ очень блѣденъ, кашлялъ и задыхался, а изо рта его лилась тонкая струя крови.

— Дѣдушка, милый дѣдушка!—внѣ себя вскричала дѣвочка и со всѣхъ ногъ бросилась къ старику.

Старикъ-птицеловъ хотѣлъ сказать что то и не могъ. Онъ протянулъ впередъ руки на встрѣчу Сибирочкѣ и замеръ, глядя на нее печальными глазами. Дѣвочка схватила дѣдушкины руки и съ плачемъ упала къ его ногамъ.

— Дѣдушка! Милый! Дорогой дѣдушка!—лепетала Сибирочка, не зная, что сдѣлать, что предпринять.

— Сибирочка... дѣточка...—послышалось хриплымъ стономъ изъ груди дѣдушки...—плохо мнѣ... умираю я... бѣдняжечка моя... родименькая... одна ты сиротинкой останешься... Господь призываетъ къ себѣ твоего больного дѣдушку... Но Господь тебя не оставитъ... Помни одно, Сибирочка... какъ только я умру, сейчасъ же къ дочкѣ моей, къ Аннушкѣ, въ Питеръ городъ отправься... Добрые люди помогутъ... Адресъ ты знаешь, я тебѣ не разъ говорилъ... Христовымъ именемъ какъ-нибудь проберешься туда... Аннушка тебя не оставитъ... Я ей часто писалъ о тебѣ...

Старикъ замолкъ на минуту, потомъ, поднявъ затуманенные глаза къ небу, произнесъ громко:

— Господи, помилуй сироту! Не оставь ее, Господи... Прощай, Сибирочка! Прощай, желанная, помираю я... Душно мнѣ... не вмоготу...—почти захлебываясь, все тише и тише лепеталъ старикъ и все ниже и ниже склонялся на сугробъ, блѣдный, съ тускнѣющими, широко раскрытыми, глазами.

Сибирочка была внѣ себя отъ горя и испуга.

Она цѣловала холодѣющія руки дѣдушки, поддерживала его голову, прижималась къ нему, стараясь отогрѣть умирающаго своимъ тоненькимъ, худенькимъ тѣльцемъ.

И дѣдушка въ послѣдній мигъ своей жизни почуялъ это. Его тускнѣющіе глаза широко раскрылись,

слабые старческіе пальцы легонько пожали маленькую ручку Сибирочки и, глубоко вздохнувъ, дѣдушка повалился на снѣгъ...

Громко рыдая, Сибирочка обвила шею дѣдушки своими слабыми ручками...

ГЛАВА III.

Сибирочка хочетъ спасти дѣдушку.

ПРОШЛО не мало времени, ночь уже спустилась на землю, когда Сибирочка пришла въ себя. Ея блѣдное худенькое личико еще больше осунулось и поблѣднѣло. Огромные синіе глаза вспухли и покраснѣли отъ слезъ.

Тѣло мертваго старика, распростертое на снѣгу, начало холодѣть и коченѣть понемногу. И сама Сибирочка закоченѣла и захолодѣла, оставаясь около часу безъ движенія подлѣ своего мертваго дѣдушки. Морозъ дѣлался все крѣпче, все упорнѣе; подъ его студеною ласкою руки и ноги Сибирочки совсѣмъ онѣмѣли. Лицо и тѣло кололо и рѣзало, какъ ножомъ.

Первою сознательною мыслью Сибирочки было бѣжать по знакомой дорогѣ въ селеніе, созвать людей, чтобы они пришли и унесли куда-нибудь въ теплую избу ея бѣднаго дѣдушку, котораго Сибирочка никакъ не хотѣла считать умершимъ.

Сибирочка кинулась бѣжать со всѣхъ ногъ...

Она его горячо любила, хотя знала, что дѣдушка ей не родной дѣдъ, и что нашелъ онъ ее въ лѣсу лѣтъ девять назадъ привязанной на ремнѣ къ дубу. Этотъ разсказъ часто повторялъ своей названной внучкѣ старикъ и говорилъ при этомъ: — „Ты знатная сиротка, Сибирочка, очень знатная. Нашелъ я тебя въ шубѣ важной, и бѣльишко, и платьишко самыя что ни на есть графскія были. Поди, ты еще графовъ какихъ дитя!“ — шутилъ онъ.

Такія шутки не трогали Сибирочку. Ей было рѣшительно все равно, графское ли, княжеское ли она дитя-сиротка. Она знала и любила одного дѣдушку и боялась подумать даже о разлукѣ съ нимъ. И вдругъ, теперь, ея дѣдушкѣ такъ худо, что онъ упалъ безъ чувствъ!.. Что съ нимъ, съ дорогимъ, милымъ? Ей казалось, что ея дѣдушка такъ сильно ослабъ, что лишился сознанія, но что его еще можно спасти.

— Только бы добѣжать до селенія, а тамъ дѣдушку спасутъ... спасутъ непремѣнно!.. — рѣшила Сибирочка и, заботливо укрывъ мертвеца своимъ большимъ платкомъ, поцѣловавъ его холодную щеку, она въ одномъ рваномъ тулупчикѣ, вся исщипанная стужею и морозомъ, кинулась бѣжать со всѣхъ ногъ по тайгѣ.

Злая ночь сыграла скверную шутку надъ бѣдной маленькой дѣвочкой. Она окутала такою темнотою тайгу, что ни зги не стало видно.

Сибирочка уже не бѣжала, а плелась теперь кое-какъ на удачу. Закоченѣвшія ножонки едва несли ее.

— Скоро, скоро дойду до опушки... а тамъ и до селенія рукой подать,—подбодряла сама себя дѣвочка, съ невольнымъ страхомъ впиваясь глазами въ обступившую ее со всѣхъ сторонъ тьму.

Она не замѣтила даже, что въ темнотѣ она ошиблась тропою и, вмѣсто того, чтобы идти къ опушкѣ, свернула въ сторону отъ нея и теперь удалялась вглубь тайги все дальше и дальше, въ глухой зеленый лѣсъ.

Все труднѣе и труднѣе становилось идти Сибирочкѣ. Она едва плелась, переступая ногами въ высокомъ снѣгу и путаясь по колѣни въ сугробахъ. Но она все еще надѣялась, все вѣрила, что тропинка, ведущая на опушку, находится гдѣ то здѣсь, по близости, и что стоитъ ей только напрячь силенки и она выберется на нее.

Внезапно, близко, близко, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дѣвочки зашуршало что то...

— Медвѣдь!—вихремъ пронеслось въ мысляхъ Сибирочки, и она рванулась въ сторону, но зацѣпила ногой за корень дерева и полетѣла прямо въ холодный снѣжный сугробъ.

ГЛАВА IV.

Четыре мохнатыхъ звѣря.

СИБИРОЧКА лежала едва дыша, не будучи въ силахъ шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Совсѣмъ близко, почти рядомъ съ нею, копошилось что то мохнатое и большое, хрустѣло тяжелыми ногами по сучьямъ и вѣтвямъ деревьевъ.

Одинъ сплошной ужасъ наполнилъ душу Сибирочки.

— Медвѣдь, непремѣнно медвѣдь!—повторяла тихо дѣвочка, наблюдая, какъ какое то огромное чудовище приближалось къ ней.

Луна выплыла изъ-за облаковъ, и при ея блѣдномъ свѣтѣ Сибирочка къ ужасу своему разглядѣла не одно, а нѣсколько чудовищъ, которыя какъ будто подкрадывались къ ней съ четырехъ сторонъ. Крикъ ужаса сорвался съ губъ Сибирочки и замеръ вдали. Она закрыла лицо руками, чтобы не видѣть надвигавшейся къ ней съ каждою минутою смерти.

Точно озадаченныя этимъ крикомъ, чудовища остановились на минуту, словно выжидая.

— Ребенокъ здѣсь, въ лѣсу!—услышала близко подлѣ себя человѣческій голосъ Сибирочка.

Быстро открывъ лицо, Сибирочка увидѣла стоявшаго надъ ней какого то высокаго, въ мѣховомъ кафтанѣ че-

ловѣка. Этотъ то кафтанъ и высокая мохнатая шапка дѣлали его очень похожимъ на лѣсного звѣря, и немудрено, что испуганная на смерть Сибирочка приняла его за медвѣдя. Къ нему подошли еще трое такихъ же мохнатыхъ, благодаря ихъ теплымъ, мѣхомъ наружу, одеждамъ, людей. Эти были поменьше ростомъ, но показались Сибирочкѣ не менѣе страшными, нежели первый, при слабомъ лунномъ сіяніи. Всѣ четверо склонились надъ дѣвочкой, почти потерявшей сознаніе въ этотъ мигъ.

— Что за притча! Какъ такъ дѣвчонка одна-одинешенька попала въ лѣсъ?—произнесъ старшій изъ четверыхъ, лицо котораго поражало своимъ жестокимъ, почти свирѣпымъ выраженіемъ. Космы сѣдыхъ волосъ торчали у него изъ-подъ мохнатой шапки. Всклокоченная сѣдая же борода и масса морщинъ дѣлали еще болѣе непривѣтливымъ его, и безъ того жестокое, лицо.

Трое другихъ людей казались много моложе.

Одинъ же былъ почти мальчикъ, лѣтъ 14 на видъ. У него было блѣдное личико, тонкія красивыя черты и большіе умные глаза, поражавшіе сразу своимъ открытымъ и смѣлымъ выраженіемъ.

Двое другихъ смотрѣли сурово и жестоко, такъ же, какъ и старшій. У нихъ, правда, лица были благообразнѣе, не было на нихъ всклокоченныхъ бородъ и морщинъ, но глаза, сверкающіе изъ-подъ шапокъ, надвинутыхъ чуть ли не на самыя брови, отталкивали своимъ злобнымъ выраженіемъ.

Старшій путникъ, за плечами котораго висѣло ружье, подошелъ къ Сибирочкѣ, нагнулся, поднялъ ее съ сугроба и чуть живую встряхнулъ изо всей силы и поставилъ прямо передъ собою.

— Кто ты, дѣвочка, и какъ попала сюда?—спросилъ онъ ее хриплымъ голосомъ.

Онѣмѣвшій отъ холода и пережитыхъ волненій языкъ Сибирочки отказывался служить.

Однако, она собрала всѣ свои силы и отвѣчала тихо, чуть слышно:

— Дѣдушка тамъ на снѣгу остался... мой дѣдушка... птицеловъ Михайлычъ, изъ сосѣдняго селенія... Пожалуйста, возьмите его къ себѣ... отогрѣйте... Онъ очень боленъ... Ради Бога, помогите ему... Онъ такъ кашлялъ... а потомъ... упалъ... прямо въ снѣгъ... Ахъ, Господи! вѣдь онъ умретъ... если... если вы не поможете ему!—и она горько заплакала, вспомнивъ о томъ, въ какомъ положеніи остался на снѣгу ея дѣдушка.

— Не смѣй хныкать!—сурово оборвалъ ее сердитый старикъ.—Терпѣть не могу, когда хнычутъ. Говори толкомъ, гдѣ оставила старика?

Сибирочка, испуганная строгимъ окрикомъ, начала снова пояснять. Она оставила дѣда близко отъ опушки, надо идти туда прямо, потомъ налѣво, потомъ направо.

— Какъ тутъ разберешь, что болтаетъ эта дѣвчонка!—окончательно вышелъ изъ себя старшій изъ мужчинъ.—Ну, да ладно! Мы сами доберемся до ста-

рика... А ты, Андрей,—обратился онъ къ самому молоденькому изъ спутниковъ,—возьми дѣвочку и отведи ее въ нашу лѣсную нору. Да смотри, гляди въ оба, чтобы она случайно не удрала. Дѣвчонка можетъ пригодиться намъ въ дѣлѣ. Ты, вишь, какъ выросъ, для сбора милостыни не годишься больше. Такому большому дурню никто не будетъ подавать, а она какъ разъ для этого пригодится,—и старикъ угрюмо взглянулъ на черноглазаго мальчика, который смѣло выдержалъ его взглядъ.

Черноглазый мальчикъ взялъ за руку Сибирочку и тихо шепнулъ ей:—„пойдемъ со мною!“

Его глаза смотрѣли такъ ласково, а голосъ звучалъ такъ дружелюбно, что Сибирочкѣ нечего было бояться его. Она довѣрчиво протянула ему руку и, слабо передвигая окоченѣвшими ножонками, поплелась за нимъ.

Старикъ и его два спутника направились въ ту сторону, куда указывала имъ Сибирочка, гдѣ, по ея мнѣнію, находился теперь ея больной дѣдъ.

ГЛАВА V.

Молоденькій благодѣтель.—Лѣсная нора.

— Ты, можетъ быть, очень устала и не можешь идти? Путь еще далекъ, а ты едва передвигаешь ноги. Давай, я понесу тебя. Такъ мы доберемся скорѣе,—послышался надъ ухомъ Сибирочки тотъ же дружескій голосъ.

И не успѣла дѣвочка отвѣтить что-либо, какъ черноглазый мальчикъ подхватилъ ее на руки и понесъ.

— Ну, вотъ видишь, какъ хорошо теперь! Хорошо вѣдь тебѣ, неправда ли?—спрашивалъ онъ, ласково поглядывая ей въ лицо своими добрыми, честными глазами.

— Очень хорошо,—согласилась дѣвочка.—А вотъ если бы дѣдушку поскорѣе нашли и привели въ чувство, тогда бы я была такъ рада, такъ рада!—лепетала она.

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ, только крѣпче прижалъ ее къ своей груди и зашагалъ быстрѣе по черной тайгѣ.

Черезъ полчаса довольно быстрой ходьбы, онъ, запыхавшійся и уставшій, остановился и весело проговорилъ, спуская съ рукъ Сибирочку:

— Ну, вотъ мы и дома!

— Какъ дома?—изумленно проронила она,—да вѣдь мы пришли въ самую чащу тайги.

— Ну, да, въ самую чащу тайги. Здѣсь и есть лѣсная нора—нашъ домъ.

Сибирочка не безъ страха оглянулась кругомъ. При слабомъ сіяніи мѣсяца она могла разсмотрѣть столѣтніе дубы и кедры, со всѣхъ сторонъ тѣсно окружавшіе крохотную полянку. На этой полянкѣ, тутъ и тамъ, торчали изъ-подъ снѣга черные пни, прикрытые сверху снѣжною шапкой и свидѣтельствовавшіе о томъ, что здѣсь была когда то совсѣмъ непроходимая глухая чаща. Почти вровень съ землею, вся занесенная снѣгомъ,

стояла маленькая избушка. Крѣпкая дубовая дверь ея находилась почти подъ землею. Къ ней спускались нѣсколько ступеней, очевидно наскоро сколоченныхъ изъ досокъ.

Андрей, такъ звали спутника Сибирочки, сунулъ руку въ карманъ и вытащилъ изъ него огромный ключъ и потайной фонарикъ. Фонарикъ онъ зажегъ при помощи спичекъ, нашедшихся также у него въ карманѣ шубы, а ключомъ открылъ дверь, жалобно и пронзительно заскрипѣвшую на ржавыхъ петляхъ. Потомъ протянулъ руку Сибирочкѣ и свелъ ее внизъ по самодѣльнымъ ступенькамъ. Дѣвочка очутилась посреди небольшой, но теплой горницы съ лавками вдоль стѣнъ, съ грубо сколоченнымъ столомъ передъ этими лавками и съ большой русской печью въ углу.

Теплomъ и уютомъ пахнуло разомъ на иззябшую, измученную Сибирочку. Послѣ долгихъ мучительныхъ скитаній и немилосердной стужи эта теплая избушка, почти врытая въ землю, показалась ей чуть ли не роскошнымъ дворцомъ!

Ея ноги подкашивались отъ слабости и усталости. Глаза ея слипались. Она едва добрела до лавки и совсѣмъ обезсиленная упала на нее.

— Бѣдняжка, погоди спать немного,—проговорилъ ея спутникъ,—я дамъ тебѣ хлѣба и немного мяса.

Хлѣба и мяса! Объ этомъ до сихъ поръ не смѣла мечтать Сибирочка съ той минуты, какъ увидѣла пу-

стые дѣдушкины силки. А она была такъ голодна, такъ голодна, бѣдняжка!

— Вотъ, кушай на здоровье... Только скорѣе, ради Бога, а то придутъ наши и, чего добраго, отнимутъ еще!—съ озабоченнымъ видомъ говорилъ Андрей, протягивая дѣвочкѣ большой ломоть хлѣба съ кускомъ жареной дичи.

У Сибирочки глаза разгорѣлись при видѣ лакомаго съѣстного. Она взяла хлѣбъ изъ рукъ мальчика и стала съ жадностью ѣсть. Но вдругъ, словно вспомнивъ что то, разломила свою порцію на двѣ равныя части и, передавая одну изъ нихъ мальчику, пробормотала:

— Дай это дѣдушкѣ, когда его приведутъ, онъ тоже голоденъ, бѣдный!

Когда все до крошки было уничтожено дѣвочкой, она снова почувствовала убійственную усталость во всемъ тѣлѣ. Сонъ сковывалъ отягощенныя вѣки. Сладкая истома разлилась по всѣмъ членамъ. Она упала бѣлокурой, со свѣсившимися съ нея кудрями, головкой на столъ и въ тотъ же мигъ погрузилась въ сладкое забытье.

Черноглазый Андрей неслышно приблизился къ спящей. Онъ осторожно поднялъ ее на руки и понесъ въ маленькую каморку-боковушку, находившуюся подлѣ первой горницы избы.

— Бѣдная дѣвочка,—прошепталъ онъ тихо, укладывая Сибирочку на полъ, поверхъ стараго тулупа, ва-

лявшагося здѣсь, и заботливо подпихивая ей подъ голову подушку въ довольно таки нечистоплотной ситцевой наволочкѣ.—Бѣдная крошка, если бы ты знала, куда попала, въ чье страшное гнѣздо забросила тебя судьба, не спала бы ты такъ безмятежно и крѣпко, бѣдная маленькая дѣвочка!

ГЛАВА VI.

Сладкій сонъ и горькое пробужденіе.

СИБИРОЧКА спала и ей снились сладкіе сны. Ей чудилось, что снова стоитъ красное лѣто, сверкаетъ и палитъ жаромъ свѣтлый іюньскій денекъ. А въ тайгѣ такъ прохладно и хорошо! Тѣнь густолиственныхъ деревьевъ такъ славно защищаетъ отъ назойливыхъ лучей солнышка! По вѣтвямъ прыгаютъ бѣлки, рыженькія и пушистыя обитательницы лѣса. Дѣдушка давно обѣщался поймать и подарить своей Сибирочкѣ такого маленькаго хорошенькаго рыженькаго звѣрька. А кругомъ цвѣтовъ то, цвѣтовъ сколько! Чего, чего только нѣтъ: и брусника, и кукушкины слезки, и богородичная травка пестрѣетъ...

Затихла тайга и словно улыбается ей. И дѣдушка улыбается тоже. Дѣдушка такъ счастливъ, что сегодня хорошій уловъ дичи. Вонъ сколько рябчиковъ и тетеревей набѣжало въ разставленные силки. Глупенькіе!

Прельстились зерномъ, которое разсыпалъ для нихъ въ ловушкахъ дѣдушка!

Какъ жаль, что у дѣдушки нѣтъ ни ружья, ни денегъ, чтобы купить его, а то какой же онъ безъ ружья охотникъ? Впрочемъ, и безъ ружья имъ дичи довольно...

А солнце уже заглядываетъ въ темную чащу, уже золотитъ верхушки кедровъ и дубовъ... Вонъ прыгаетъ опять съ вѣтки на вѣтку шалунья бѣлка... Вонъ спускается... Вотъ бы поймать!..

И Сибирочка кидается опрометью вдогонку за пушистымъ звѣрькомъ. Но что это? Бѣлка не боится дѣвочки, не бѣжитъ отъ нея... Она сама поджидаетъ ее и, чуть только приблизилась къ ней Сибирочка,—скокъ!—бѣлка очутилась у нея на плечѣ. Вскочила и впилась неожиданно острыми зубками въ тѣло испуганной дѣвочки.

— У-у, сердитая бѣлочка! Зачѣмъ ты такъ кусаешь плечо?—негодуетъ Сибирочка на звѣрька.—Ой, пусти, больно же; больно мнѣ!

Но бѣлка и ухомъ не ведетъ. Ея зубы впиваются все глубже, все сильнѣе въ плечо Сибирочки.

— Больно, больно!—уже кричитъ въ голосъ дитя,—пусти, гадкая, злая бѣлка! Пусти меня!

И просыпается, вся взволнованная отъ своего тревожнаго сна.

Ея плечо ноетъ нестерпимо, но не отъ укуса маленькихъ зубковъ звѣрька. Нѣтъ! Сильные, крѣпкіе, какъ желѣзные когти, пальцы впились въ него. Страшный,

сердитый старикъ, знакомый уже Сибирочкѣ по ночной встрѣчѣ, стоитъ надъ нею и, больно схвативъ ее за плечо, теребитъ ее изо всѣхъ силъ.

— Встанешь ли ты, наконецъ, лѣнтяйка! Сколько времени не могу добудиться. Ишь, разоспалась, какъ барыня!.. Вставай сейчасъ!—грубо и рѣзко звучалъ надъ нею его хриплый голосъ.

Какъ встрепанная вскочила на ноги Сибирочка, не понимая въ первую минуту, гдѣ она находится и что произошло съ нею. Но мало-по-малу сознаніе вернулось къ ней, она вспомнила все: и дѣдушку, обмершаго на снѣгу, и страшныхъ мохнатыхъ людей, и все то, что приключилось съ нею вчерашнимъ днемъ и вечеромъ въ тайгѣ. И ей стало разомъ жутко и тоскливо.

— Гдѣ мой дѣдушка? Куда вы дѣли моего дѣдушку?—громко плача крикнула она.

— Молчать!..—прогремѣлъ надъ нею свирѣпый голосъ.—Если ты не замолчишь сейчасъ же, я...

Тутъ глаза страшнаго старика такъ злобно сверкнули изъ-подъ нависшихъ бровей, что Сибирочка задрожала всѣмъ тѣломъ.

Страшный же старикъ, видя, что дѣвочка замерла отъ ужаса, нѣсколько понизивъ голосъ, снова сказалъ:

— Мы всѣ уйдемъ отсюда на работу, а ты изволь сготовить намъ поѣсть. Вотъ тамъ крупа и соль въ горшечкахъ... Хлѣбъ найдешь въ ящикѣ стола. Дичи нѣтъ подъ рукою. Дичь будемъ ѣсть завтра, а пока сваришь

намъ кашу, да получше, смотри, не то быть тебѣ наказанной съ перваго же дня... А про дѣдку твоего ты забудь... Дѣдко твоій померъ... Мы его и схоронили въ лѣсу. Къ дѣдкѣ тебѣ не воротиться уже больше, какъ ты не реви... Я тебя оставляю у насъ въ лѣсной норѣ. Ты на меня и на сыновей моихъ стряпать будешь, стирать, полы мыть, убирать избу нашу, а то и иначе поработаешь на насъ... Гляди же, чтобъ ни крику, ни реву не слышно было. Да какъ звать то тебя?

— Сибирочкой!—всхлипывая, прошептала дѣвочка, которую вѣсть о смерти дѣда поразила, какъ громъ.

— Диковинно что то!—захохоталъ грубымъ голосомъ старикъ.

— Дѣдушка такъ звалъ меня,—отвѣтила дѣвочка.

— Ну, а имя то есть у тебя какое, христіанское?—спросилъ опять старикъ.

— Имя мое Шура, только дѣдушка никогда меня такъ не называлъ,—еще тише роняла сквозь слезы дѣвочка.

— Ну, ладно! Шурка—такъ Шурка! Такъ и будемъ звать. Ну, такъ помни же, Шурка, чтобы какъ солнышко поднялось, значитъ, была бы у меня каша да щи разогрѣты, вотъ въ томъ котелкѣ. Да чтобы слезъ не было, а не то живо плеткой осушу!.. Эй, сынки, маршъ на работу, нечего вамъ лежебочничать, не праздникъ сегодня,—пріоткрывъ дверь изъ боковушки въ горницу, крикнулъ старикъ, обращаясь къ сыновьямъ.

— Идемъ, батюшка!—отозвались сиплые голоса оттуда.

И оба парня, которыхъ Сибирочка при тускломъ свѣтѣ маленькой керосиновой лампы могла теперь разглядѣть вполнѣ, появились на порогѣ.

— Хорошенькая дѣвочка,—произнесъ старшій изъ нихъ, коренастый и сильный, но некрасивый юноша лѣтъ двадцати семи.

— Такая то много милостыни насбираетъ. Больно жалостливъ народъ къ такимъ смазливенькимъ ребятамъ,—подхватилъ его братъ, такой же рыжій, весноватый, некрасивый, какъ и первый, только годомъ или двумя помоложе его.

— Ну, вотъ и пошлемъ, когда малость пообвыкнетъ съ нами! Все же заработокъ лишній... Не даромъ же хлѣбомъ кормить эту дармоѣдку, — вставилъ свое замѣчаніе старикъ.

И всѣ трое, переговариваясь и пересмѣиваясь между собою, вышли изъ землянки, плотно закрыли за собою двери и два раза повернули за собою ключъ въ замкѣ.

Сибирочка осталась одна-одинешенька въ чужой и жуткой ей обстановкѣ. Но ни страха, ни ужаса не было теперь въ ея душѣ. Ея бѣдное маленькое сердце замирало отъ горя. Только сейчасъ она убѣдилась, поняла вполнѣ, что ея дѣдушка умеръ, что его уже зарыли въ могилку, и что никогда, никогда не увидитъ она больше своего добраго старичка...

Слезы брызнули изъ ея глазъ, и она глухо зарыдала, упавъ на лавку.

ГЛАВА VII.

Голосъ изъ-подъ земли.—Тайна раскрывается.

ДОЛГО плакала Сибирочка. Потомъ ея слезы стали стихать. Горе, вырвавшееся наружу, было слишкомъ велико, чтобы было можно выплакать его слезами. Къ тому же дѣвочка вспомнила во-время, что ея дѣдушка не разъ наказывалъ ей не плакать о немъ послѣ его смерти, а то ему было бы больно видѣть горе Сибирочки оттуда, съ небесъ, куда Богъ взялъ теперь успокоившуюся душу старика.

— Лучше помолюсь за моего голубчика дѣду... Помолюсь Боженькѣ, чтобы Онъ помогъ мнѣ поскорѣе соединиться съ нимъ!—рѣшила Сибирочка и, замѣтивъ крошечный образокъ въ переднемъ углу землянки, быстро опустилась на колѣни передъ нимъ.

— Господи! Боженька! Добрый, ласковый Боженька!—шептала она,—возьми меня къ себѣ тоже!.. Возьми, какъ дѣду! Не оставляй меня здѣсь одну со злымъ старикомъ и его дѣтьми! Добрый, ласковый Боженька, пожалуйста, сдѣлай такъ, чтобы я умерла и поскорѣе увидѣла дѣдушку у Тебя на небѣ!.. Пожалуйста, Боженька, миленькій, дорогой!

Сибирочка молилась горячо. Слезы капали у нея изъ глазъ, скатывались внизъ и уходили въ земляной полъ избушки.

Послѣ молитвы она почувствовала себя много лучше и бодрѣе. Дѣвочка уже не сомнѣвалась, что Господь услышитъ ея просьбу и возьметъ ее, какъ дѣдушку, на небо скоро, скоро...

Бодро поднялась она съ колѣнъ и принялась за работу. Работа не могла испугать дѣвочку, которая привыкла хозяйничать въ избушкѣ дѣда. Прежде всего надо было растопить печь. Хворостъ лежалъ въ углу темныхъ маленькихъ сѣней, которыя она разглядѣла еще вчера ночью. Сибирочка храбро вступила въ маленькія сѣни, широко раскрывъ дверь землянки, и замерла отъ неожиданности и страха на порогѣ ихъ.

Прямо изъ-подъ пола, изъ-подъ ногъ дѣвочки послышался стонъ, тихій и протяжный.

Стонъ прозвучалъ разъ... другой.. третій... Слѣдомъ затѣмъ еще и еще...

Сибирочка, блѣдная, какъ смерть, словно приросла къ мѣсту, боясь пошевелиться.

Опять простоналъ кто то, еще внятнѣе на этотъ разъ. Теперь уже Сибирочка не сомнѣвалась больше: кто то находится подъ ея ногами, подъ поломъ сѣней. Голосъ выходилъ оттуда. Это былъ тихій, чуть слышный, жалобный голосъ, который точно молилъ о пощадѣ. Сибирочка, вся дрожа, блѣдная и взволнованная, кинулась обратно въ землянку, схватила жестяную лампочку, горѣвшую тамъ, и вернулась съ нею обратно. Высоко поднявъ лампу надъ головой, она освѣтила сѣни.

Прямо у ея ногъ находился четырехугольный квадратъ изъ досокъ, какъ бы врытый въ землю. Сибирочка нагнулась надъ этимъ досчатымъ квадратомъ и увидѣла придѣланное къ нему кольцо. Она схватилась за это кольцо своей слабой ручонкой и потянула его на себя изо всѣхъ силъ. Неожиданно четырехугольный досчатый квадратъ подался кверху, какъ крышка съ ящика, образуя сбоку темное отверстіе внизъ.

Въ ту же минуту стоны раздались слышнѣе и, прежде чѣмъ Сибирочка могла сообразить что-либо, передъ ней откуда то снизу появилось блѣдное лицо и большіе впалые глаза, смотрѣвшіе на нее страдальческимъ взглядомъ.

Она узнала сразу и это лицо, и эти глаза.

Передъ ней былъ тотъ самый мальчикъ Андрей, который такъ заботливо отнесся къ ней вчера ночью и котораго она искала и не нашла сегодня утромъ въ лѣсной норѣ.

— Ты ли это? Что съ тобою? Почему ты стонешь, Андрюша?—съ испугомъ и волненіемъ спрашивала она его.

— Ахъ, они избили меня... за то... что я не позволилъ имъ сдѣлать одно злое дѣло,—проговорилъ глухимъ голосомъ мальчикъ.—Ахъ, дѣвочка, если бы ты знала только, какъ они били меня, какъ мучили!.. Если бы ты знала! Они требовали, чтобы я помогъ имъ въ ихъ гнусномъ поступкѣ, а я не хотѣлъ, я спорилъ...

отговаривалъ ихъ и вотъ... они приколотили меня и бросили сюда... въ холодный подвалъ... Здѣсь темно, какъ въ могилѣ... здѣсь бѣгаютъ крысы по моимъ колѣнамъ и у меня нѣтъ силъ даже прогнать ихъ... У меня все тѣло болитъ и ноетъ... Ахъ, если бы можно было спастись отсюда, изъ лѣсной норы! Уйти совсѣмъ или умереть!—и Андрей снова застоналъ тяжелымъ страдальческимъ стономъ.

— Выходи же, выходи отсюда!—торопила его Сибирочка,—я посвѣчу въ подполье... Ахъ, бѣдный, бѣдный ты мой!

— Но если я выйду, они изобьютъ меня до полусмерти. Я не вынесу больше этой муки. Мое тѣло и такъ все въ ранахъ и рубцахъ... Во рту все пересохло... и нѣтъ больше силъ у меня,—произнесъ тѣмъ же вымученнымъ голосомъ несчастный.

— Они не скоро еще вернутся,—торопливо срывалось съ губъ Сибирочки.—Постой, я принесу тебѣ воды... ты подкрѣпишься немного и потомъ вылѣзешь изъ этой ужасной дыры...

И говоря это, она живо вернулась въ землянку, почерпнула тамъ изъ кадки, пріютившейся въ углу, ковшомъ воды и подала этотъ ковшъ мальчику. Тотъ съ жадностью схватилъ его и выпилъ до дна.

Вода, дѣйствительно, подбодрила Андрюшу. Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, поднялся во весь ростъ, при чемъ его блѣдное личико очутилось наравнѣ съ

Откуда-то снизу появилось блёдное лицо...

поломъ сѣней; затѣмъ, захвативъ края ямы руками, поднялся на нихъ и черезъ минуту сидѣлъ уже на полу подлѣ Сибирочки.

— Знаешь ли ты,—началъ онъ сразу, безъ всякихъ объясненій и разспросовъ,—куда ты попала?

— Не знаю!—тихо отвѣчала Сибирочка и подняла на мальчика широко раскрытый, вопрошающій взглядъ.

— И я не зналъ тоже. До сегодняшней ночи не зналъ. Они никогда не говорили мнѣ, кто они и откуда пришли и зачѣмъ скрываются въ тайгѣ. Они встрѣтили меня какъ то на опушкѣ лѣса года два тому назадъ и предложили поселиться съ ними. У меня только что умеръ тогда отецъ, оставившій меня круглымъ сиротою. Отецъ былъ лодочникомъ, онъ перевозилъ людей на большой рѣкѣ съ берега на берегъ... А я учился въ школѣ. Когда умеръ отецъ, пришлось бросить школу и идти искать работы. Вотъ они и предложили мнѣ работу—сначала собирать милостыню для нихъ по церквамъ въ ближайшихъ слободахъ и селеніяхъ да готовить имъ обѣдъ и чистить землянку. Такую работу еще можно было выносить, но сегодня ночью я узналъ, кто они такіе: они приказали мнѣ помогать имъ въ такомъ страшномъ дѣлѣ, при одной мысли о которомъ можно сойти съ ума...—дрожащимъ голосомъ закончилъ Андрюша.

— Что же они приказали тебѣ и кто они такіе?—почти съ ужасомъ прошептала Сибирочка, широко раскрывая свои и безъ того большіе глаза.

— Они приказали мнѣ,—прежнимъ, чуть слышнымъ шопотомъ продолжалъ Андрюша, и его тонкое личико стало совсѣмъ блѣднымъ,—они приказали мнѣ идти съ ними завтрашнюю ночь на работу...

— На какую работу?—такъ же тихо спросила Сибирочка.

Андрюша вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и, еще болѣе блѣднѣя и измѣняясь въ лицѣ, проговорилъ чуть слышно:

— Здѣсь, видишь, далеко отъ желѣзной дороги, очень далеко. И, чтобы попасть на поѣздъ близкимъ путемъ изъ ближайшаго имѣнія купцовъ-лѣсопромышленниковъ Гандуровыхъ, надо ѣхать глухой тайгой. Вотъ „они“ и узнали, что этой ночью самъ купецъ Гандуровъ будетъ возвращаться съ деньгами къ себѣ въ имѣніе, и рѣшили покончить съ нимъ...

— Какъ покончить?—не поняла Сибирочка своего новаго друга.

— Рѣшили убить купца...

— Убить?!..

— Да. Вѣдь эти люди не кто иные, какъ лѣсные бродяги, бѣглые каторжники, скрывшіеся изъ тюрьмы... Они не одного человѣка обворовали и убили на своемъ вѣку. Ихъ поймали, судили и сослали сюда въ Сибирь, на каторжныя работы, а они бѣжали въ тайгу и поселились въ ней... Ихъ всюду ищутъ и не могутъ найти. Это отецъ съ двумя сыновьями. Ихъ зовутъ: старика—

Иванъ Палецъ; старшій его сынъ—по прозвищу Зубъ, а младшій—Косточка... Вотъ къ какимъ злодѣямъ забросила насъ судьба,—дрожащимъ голосомъ закончилъ свой разсказъ Андрюша.

— Но отчего же ты не убѣжалъ отъ нихъ?—потрясенная и взволнованная его разсказомъ, спрашивала дѣвочка.

— Я только этою ночью узналъ, что они за люди,—продолжалъ Андрюша.—Я думалъ, что это просто лѣсные охотники, звѣроловы и птицеловы, и жилъ у нихъ потому, что мнѣ некуда было дѣться. А сегодня ночью, когда они нашли тебя на мое мѣсто и ты будешь на нихъ работать, какъ я работалъ до сихъ поръ по дому и по хозяйству, они не захотѣли больше скрываться отъ меня и рѣшили приручить и меня къ ихъ страшной работѣ—грабить и убивать людей. И уже сегодня они велѣли мнѣ пробраться въ лѣсное имѣніе купца Гандурова и узнать тамъ хорошенько, одинъ ли онъ ѣдетъ домой изъ города и много ли денегъ онъ везетъ съ собою и какою дорогою поѣдетъ онъ по лѣсу... Чтобы я не могъ убѣжать или выдать ихъ, со мною пойдетъ Косточка и не отступитъ отъ меня ни на шагъ... Потомъ мы вернемся къ лѣсной норѣ, а ночью... ночью...

Тутъ голосъ Андрюши прервался и онъ не кончилъ своей фразы. Все лицо его изображало теперь одну сплошную муку ужаса. Сибирочка дрожала, какъ былинка, съ головы до ногъ.

— Надо спасти несчастнаго купца!—шептала она, схвативъ за руку своего новаго друга.

— Да, надо спасти! И я придумалъ, какъ это сдѣлать!—рѣшительнымъ голосомъ подтвердилъ онъ и, помолчавъ немного, прибавилъ:

— Это сдѣлаешь ты!

— Я?—вскричала Сибирочка изумленно.

— Ну, да, ты... Ты сейчасъ же проберешься въ селеніе, найдешь домъ урядника и разскажешь ему все, а онъ отрядитъ людей въ лѣсъ, прежде чѣмъ на купца Гандурова будетъ сдѣлано нападеніе. Я бы могъ самъ пойти въ поселокъ, но это можетъ возбудить „ихъ“ подозрѣніе. Если же убѣжишь ты,—будетъ лучше. Мы разобьемъ окошко въ землянкѣ и ты вылѣзешь черезъ него... Но только раньше я сяду снова въ подвалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, чтобы они не подумали о томъ, что я послалъ тебя. Только тебѣ придется самой провести сюда урядника и его людей, потому что лѣсная нора такъ ловко спрятана въ лѣсу, что ее трудно найти. Тебѣ же я дамъ мѣшокъ старыхъ кедровыхъ шишекъ, и отъ времени до времени ты будешь сажать шишки въ снѣгъ и по нимъ вы найдете обратную дорогу, конечно, если ночью не поднимется пурга и луна будетъ сіять, какъ и вчера, свѣтло и ясно. Но я увѣренъ, что такъ и будетъ, потому что дѣло идетъ о спасеніи человѣка и Господь поможетъ намъ,—съ увѣренностью въ голосѣ произнесъ Андрюша.

— Да, Господь поможетъ намъ,—подтвердила и Сибирочка,—и мнѣ почему то кажется, что все должно кончиться хорошо!

— Но ты должна идти, даже бѣжать, очень скоро... Берегись опоздать... Можетъ быть, они убьютъ купца прежде, нежели ты сюда вернешься съ помощью,—произнесъ чуть слышно мальчикъ.

— О!—могла только проговорить Сибирочка,—я побѣгу сейчасъ же, и добрый Боженька да молитва покойнаго дѣдушки помогутъ мнѣ...

Андрюша одобрительно кивнулъ ей головой.

— Вотъ мѣшокъ съ шишками,—произнесъ онъ, протягивая дѣвочкѣ плотно увязанный узелъ.—Помни, что каждые десять шаговъ ты будешь сажать по одной шишкѣ въ снѣгъ. А теперь—разъ, два, три! Сейчасъ я покончу съ окошкомъ.

И, отбѣжавъ немного, онъ со всего размаха вскочилъ на лавку и изо всей силы ударилъ кулакомъ по крошечному оконцу избы. Стекло съ жалобнымъ дзиньканьемъ разлетѣлось вдребезги. Изъ раненой руки Андрюши брызнула кровь, но онъ не обратилъ на это вниманія.

— Теперь я спущусь въ подполье и до самаго ихъ прихода не выйду оттуда,—срывающимся голосомъ говорилъ онъ,—пусть думаютъ, что я не виновенъ въ твоемъ бѣгствѣ. А то, пожалуй, измѣнятъ свой планъ на новый, изъ страха быть выданными мною черезъ тебя. Ну, съ Богомъ. Прощай!

И онъ смѣло прыгнулъ въ зіявшую въ полу яму.

— Закрой меня крышкой!—послышался черезъ минуту его голосъ оттуда.

Сибирочка поспѣшила къ нему и не безъ усилія исполнила желаніе своего новаго друга. Потомъ, съ трудомъ опустивъ надъ нимъ четырехугольную доску съ кольцомъ, она крикнула ему „прощай!“—и, взобравшись на лавку, вылѣзла въ оконце. Это было совсѣмъ не трудно сдѣлать, потому что дѣвочка была очень мала, а оконце землянки могло съ успѣхомъ пропустить такую крошечную фигурку. Къ тому же съ наружной стороны окно приходилось вровень съ землею, и Сибирочка очутилась на свободѣ легче, нежели сама могла предполагать.

Истово перекрестившись на небо нѣсколько разъ подрядъ, она бросилась бѣжать съ возможною скоростью по узенькой, чуть замѣтной для глазъ, тропинкѣ. Помня наказъ Андрюши, дѣвочка не забывала черезъ каждые десять шаговъ втыкать по кедровой шишкѣ въ рыхлый снѣгъ, по одну сторону тропинки, не убавляя шаговъ. Между тѣмъ, разсвѣтъ уже начинался и день всходилъ надъ тайгой. Выскочили изъ своихъ норокъ пушные звѣрьки и любопытными глазками провожали дѣвочку.

А Сибирочка все скорѣе и скорѣе бѣжала впередъ, дрожа отъ страха при одной мысли, что она можетъ опоздать сюда обратно къ ночи. Волненіе и усталость

давали себя знать дѣвочкѣ все сильнѣе и сильнѣе. Маленькія ножки подкашивались каждую минуту, грудь дышала тяжелѣе, сердечко неровно билось въ груди. Сибирочка буквально падала отъ усталости.

— Что будетъ, если я не дойду во-время!.. Они убьютъ несчастнаго купца!—вихремъ пронеслась жуткая мысль въ головѣ дѣвочки, и, не обращая вниманія на то, что ея ноги нестерпимо болѣли и ныли, она съ рѣдкой стойкостью подвигалась впередъ такъ быстро, насколько позволяли силы.

Вотъ наконецъ мелькнулъ просвѣтъ въ деревьяхъ. Слава Богу, это опушка лѣса... Скоро конецъ ему... а отъ опушки до селенія рукой подать...

— Ну, еще! Ну, еще! Сибирочка, подкрѣпись немного и ты у цѣли!—ободряла сама себя дѣвочка и теперь уже, не обращая вниманія на то, что сучья деревьевъ рвутъ ея платье и шубенку и больно царапаютъ ея лицо, она неслась со всѣхъ ногъ къ опушкѣ лѣса.

ГЛАВА VIII.

Сибирочка исполняетъ трудное порученіе.

Урядникъ Степанъ Артемьевичъ Алмазинъ собирался соснуть послѣ дневного чая, когда ему сказали, что маленькая дѣвочка желаетъ говорить съ нимъ по важному дѣлу.

— Какая еще дѣвочка?—недовольнымъ голосомъ

проворчалъ Алмазинъ и велѣлъ ввести въ горницу непрошенную гостью.

— Ахъ, это ты, Сибирочка!—сразу узнавъ внучку стараго птицелова, произнесъ онъ.—Что же твой дѣдушка? Ужъ не боленъ ли? Зачѣмъ ты пожаловала ко мнѣ одна?

Урядникъ говорилъ очень ласково съ дѣвочкой, которую любилъ за ея привѣтливость и миловидность. Онъ часто встрѣчалъ ее вмѣстѣ съ дѣдушкой и всегда хорошо относился къ Михайлычу и его внучкѣ. Теперь онъ очень удивился, увидя дѣвочку одну. Всѣ привыкли видѣть стараго птицелова и его внучку всегда неразлучными, вмѣстѣ.

Напоминаніе о дѣдушкѣ больно, больно рѣзнуло исходившее горемъ сердце Сибирочки. Она громко зарыдала.

— О чемъ плачешь, дѣвочка? Говори толкомъ... Что съ дѣдкой приключилось?—тотчасъ же спросилъ Степанъ Артемьевичъ, но Сибирочка рыдала навзрыдъ и не могла ничего отвѣтить. Ея маленькое сердце теперь такъ и рвалось отъ тоски. Она впервые почувствовала здѣсь, въ своемъ селеніи, всю тяжесть своего горя. Не было больше ея дѣдушки, и никогда, никогда она, Сибирочка, не увидится уже съ нимъ!

Вдругъ мысль о купцѣ, котораго надо было спасти во что бы то ни стало, какъ молнія, промелькнула въ ея головкѣ. И, захлебываясь отъ слезъ, дѣвочка тутъ

же стала взволнованно передавать все, что случилось въ теченіе полсутокъ въ тайгѣ съ нею и съ дѣдомъ. Какъ они пошли за дичью и за хворостомъ, какъ упалъ дѣдушка, какъ захватили ее къ себѣ лѣсные бродяги и какъ она узнала о томъ страшномъ дѣлѣ, которое затѣвали они.

Урядникъ слушалъ внимательно, и лицо его принимало все болѣе и болѣе взволнованное и озабоченное выраженіе. Когда же, разсказавъ все, Сибирочка стихла и только тихо всхлипывала о своемъ горѣ, Степанъ Артемьевичъ погладилъ ее по головкѣ и ласково сказалъ:

— Ты хорошая дѣвочка, Сибирочка. Ты спасла жизнь купцу Гандурову, и не только ему одному: эти бѣглые каторжники надѣлали бы еще много бѣдъ, убили бы многихъ людей. Мы ихъ давно разыскиваемъ и никакъ не подозрѣвали, что они поселились въ ближайшей отъ насъ тайгѣ... Ты получишь награду, Сибирочка, и отъ начальства, и отъ купца Гандурова, которому ты спасла жизнь! А теперь отдохни хорошенько, чтобы проводить насъ въ тайгу... Подкрѣпи свои силы. Моя жена накормитъ тебя. Ты пришла какъ разъ во-время, потому что купецъ Гандуровъ остановился у меня, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, раньше чѣмъ пуститься снова въ дорогу.

И, говоря это, урядникъ погладилъ бѣлокурую головку Сибирочки, восторгаясь смѣлостью малютки.

Дѣвочка однако отказалась отъ ѣды. Она знала, что медлить было нельзя. Хотя теперь смертельная опасность уже не грозила купцу Гандурову, но злодѣи могли догадаться, въ чемъ дѣло, и жестоко избить, а можетъ статься, и убить Андрюшу за то, что онъ помогъ намѣченной ими жертвѣ ускользнуть изъ ихъ рукъ.

Поэтому она не была въ силахъ ѣсть и спать и все торопила Алмазина спѣшить съ людьми въ тайгу. Урядникъ и самъ сознавалъ, что необходимо было, какъ можно скорѣе, поймать злодѣевъ.

Вскорѣ Сибирочку позвали въ гостиную Алмазина, гдѣ находился самъ купецъ Гандуровъ, уже узнавшій о грозившей ему опасности.

— Ты хорошая, самоотверженная дѣвочка,—произнесъ онъ, ласково обнимая появившуюся передъ нимъ Сибирочку,—ты избавила отъ большого горя мою семью, крошка, и за это я позабочусь о тебѣ и дамъ тебѣ денегъ, чтобы ты могла безбѣдно существовать всю свою жизнь. Вѣдь ты сирота?

— Да, сирота,—произнесла Сибирочка, и опять при одномъ намекѣ на то, что она одна-одинешенька осталась теперь на свѣтѣ, слезы хлынули у нея изъ глазъ.

— Не горюй,—произнесъ Гандуровъ,—я возьму тебя въ домъ къ себѣ и буду заботиться о тебѣ, какъ о родной дочери.

— И объ Андрюшѣ тоже! Возьмите къ себѣ и Андрюшу! Вѣдь это онъ научилъ меня спасти васъ.

Безъ него вы бы погибли навѣрное!—проговорила Сибирочка и стала разсказывать купцу, кто такой былъ Андрюша.

— Ладно, возьмемъ и Андрюшу!—согласился тотъ,—и о немъ позабочусь и ему хорошо будетъ. А теперь надо ѣхать ловить разбойниковъ,—произнесъ онъ, поднимаясь съ мѣста, съ довольной улыбкой, безъ тѣни тревоги.

Дѣйствительно, надо было спѣшить. Въ какой-нибудь часъ времени урядникъ набралъ себѣ помощниковъ и раздѣлилъ ихъ на два отряда. Часть хорошо вооруженныхъ людей онъ усадилъ въ тройку купца и приказалъ имъ тихонько ѣхать по проѣзжему лѣсному пути, а самъ, взявъ съ собой человѣкъ десять, вмѣстѣ съ Гандуровымъ и съ Сибирочкой пустился въ путь пѣшкомъ къ лѣсной норѣ, въ самую глубь тайги.

Дѣвочка шла впереди, указывая дорогу маленькому отряду. Мѣсяцъ вышелъ на небо и хотя слабо, но все же освѣщалъ путь. Шишки, разбросанныя Сибирочкою тамъ и тутъ по снѣгу, указывали куда надо было идти. Дорога, по которой ѣхала тройка съ вооруженными людьми, была недалеко. До пѣшихъ путниковъ долеталъ и звонъ колокольчиковъ, и фырканье коней.

Отрядъ все глубже и глубже уходилъ въ тайгу. Наконецъ гдѣ то далеко блеснула маленькая точка огонька.

— Это лѣсная нора!—прошептала Сибирочка, и сердце ея сильно забилось.

Маленькій отрядъ остановился. Урядникъ приказалъ людямъ, прячась за деревьями, медленно подвигаться къ самому логовищу бродягъ... Мѣсяцъ какъ разъ въ это время спрятался за тучу, и въ лѣсу стало темно, какъ въ могилѣ.

Сибирочка стояла подлѣ купца Гандурова. Сначала все было тихо. Сердце Сибирочки то билось, то замирало въ груди... Она боялась теперь, чтобы вмѣстѣ со злодѣями не схватили по ошибкѣ Андрюшу и не причинили бы мальчику какого-нибудь вреда. Она надумала уже было пробраться къ лѣсной норѣ и поискать тамъ мальчика, и съ этою цѣлью отошла незамѣтно отъ Гандурова, около котораго находилась все время, какъ вдругъ кто то неожиданно и сильно схватилъ ее за плечо.

— Это я! Я—Андрюша,—услышала она взволнованный шопотъ надъ своимъ ухомъ.—Ты сдѣлала все, все, что я тебѣ говорилъ?—тѣмъ же тревожнымъ шопотомъ освѣдомился онъ.

— Все!

— И урядникъ съ людьми изъ селенія здѣсь?

— Здѣсь!

Едва успѣла Сибирочка отвѣтить это, какъ оглушительный выстрѣлъ нарушилъ мертвую тишину тайги. За нимъ другой... третій... Кто то побѣжалъ въ чащу, кто-то, тяжело хрипя, повалился на землю. И въ тотъ же мигъ прозвучалъ въ тишинѣ громкій голосъ уряд-

ника:—„Держите разбойниковъ, ребята! Держите ихъ!“— Свѣтъ фонарей, скрытыхъ подъ полушубками до настоящей минуты, разомъ освѣтилъ лѣсную чащу.

Теперь Сибирочка уже ясно видѣла, какъ десятокъ людей окружалъ Ивана Пальца и его сыновей. Послѣдніе ножами и топорами всячески отбивались отъ хорошо вооруженныхъ людей. Завязалась упорная борьба. Наконецъ старый бродяга и его младшій сынъ окончательно выбились изъ силъ. Продолжалъ бороться и защищаться одинъ только Зубъ, потомъ вдругъ сдѣлалъ ловкій прыжокъ и, увернувшись съ быстротою кошки, бросился въ чащу.

— Держи! Держи его!—кричалъ не своимъ голосомъ урядникъ, но бродяга былъ уже далеко. Размахивая огромнымъ ножомъ и бросая проклятія и угрозы, онъ бѣжалъ теперь прямо на Андрюшу и Сибирочку, притаившихся за стволомъ огромнаго дуба.

— Онъ увидитъ насъ! Что намъ дѣлать?!—прошептала внѣ себя дѣвочка, прижимаясь къ своему новому другу и какъ бы ища у него защиты. Но послѣдній уже не медлилъ.

Бродяга бѣжалъ прямо на нихъ, отрѣзавъ имъ путь къ маленькому отряду.

Онъ уже успѣлъ замѣтить притаившихся за деревомъ дѣтей. На минуту онъ остановился. По его страшному лицу проскользнула бѣшеная, злая улыбка. Онъ понялъ, кто донесъ на него, его отца и брата въ селе-

ніе, кто выдалъ ихъ съ головой и привелъ сюда вооруженный ружьями отрядъ.

— Ага, такъ вотъ ты какъ!—крикнулъ онъ бѣшено на всю тайгу и бросился на Андрюшу.

Но тотъ ожидалъ, казалось, намѣченнаго удара. Онъ схватилъ Сибирочку за руку и въ нѣсколько скачковъ очутился съ нею въ темнотѣ за группою огромныхъ кедровъ, куда уже не проникалъ свѣтъ фонарей.

Здѣсь онъ быстро опустился на колѣни.

— Садись ко мнѣ на спину!—произнесъ онъ, и когда Сибирочка, не медля ни минуты, исполнила его приказаніе, онъ вскочилъ снова на ноги и метнулся съ дѣвочкою на спинѣ въ самую чащу тайги.

Однако бродяга Зубъ не отставалъ въ погонѣ за ними. Въ темнотѣ слышно было его тяжелое дыханіе и хрустъ сухого валежника подъ его ногами. Онъ бѣжалъ почти по пятамъ дѣтей... Только темнота ночи раздѣляла теперь ихъ другъ отъ друга... Сердце Андрюши колотилось въ груди, какъ подстрѣленная птица... Упади онъ сейчасъ, и острый ножъ Зуба покончилъ бы съ нимъ и съ бѣдной, ни въ чемъ неповинной, Сибирочкой. Зная это, мальчикъ все прибавлялъ ходу, хотя усталыя ноги болѣли нестерпимо, а спина мучительно ныла подъ тяжестью непривычной ей ноши. Къ тому же вѣтви деревьевъ больно хлестали его по лицу. Онъ бился изъ послѣднихъ силъ. А страшный Зубъ все

еще не отставалъ отъ маленькихъ бѣглецовъ. Это чувствовала Сибирочка, свернувшаяся въ комочекъ на спинѣ своего друга. Въ головѣ Сибирочки гнѣздилась теперь только одна мысль:

„Пусть бѣжитъ и спасается одинъ Андрюша: пусть броситъ ее въ снѣгъ... Съ нею, все равно, ему невозможно спастись... Слишкомъ тяжело ему бѣдному бѣжать съ такою тяжелою ношей на спинѣ!“ И прильнувъ губами къ уху мальчика, она зашептала ему, прерываясь на каждомъ словѣ:

— Брось меня, Андрюша... Брось... Бѣги одинъ... авось онъ не замѣтитъ меня... Спасайся самъ, милый! Оставь меня... Я только мѣшаю тебѣ...

— Молчи!—хриплымъ звукомъ вырвалось изъ груди мальчика,—вмѣстѣ спасемся или умремъ!—и напрягая послѣднія силы, онъ бросился, какъ безумный, впередъ и въ ту же минуту съ глухимъ стономъ вмѣстѣ съ Сибирочкой повалился на сугробъ снѣга.

ГЛАВА IX.

Ни хода, ни выхода.

Что то холодное коснулось лица Сибирочки и почти одновременно она услышала чье то тяжелое дыханіе совсѣмъ близко отъ себя.

Мѣсяцъ скрылся за тучу и въ окружающей темнотѣ не видно было ничего. Сибирочка протянула руку

впередъ и чуть не вскрикнула во весь голосъ: ея пальцы коснулись неподвижнаго лица Андрюши, по которому струилось что то теплое и липкое, какъ клей.

Она вытянула другую руку и сильно ударилась о нѣчто твердое, какъ камень. Теперъ дѣвочка поняла все. Въ отчаянной поспѣшности бѣга Андрюша наткнулся на дерево, выросшее посреди тропинки и, ударившись объ него головой, упалъ, обливаясь кровью, въ сугробъ, въ то время какъ преслѣдовавшій ихъ Зубъ пробѣжалъ далѣе.

Ужасъ сковалъ сердце Сибирочки. Что, если умеръ Андрюша? Что, если онъ, какъ и дѣдушка, не поднимется съ сугроба больше никогда, никогда, и она останется одна-одинешенька въ этой страшной тайгѣ, гдѣ бродятъ медвѣди и волки и гдѣ находится еще болѣе страшный врагъ, взбѣшенный и готовый расправиться съ ними своимъ огромнымъ ножомъ бродяга! Но всѣ страхи Сибирочки, весь ужасъ одиночества покрывались ея тоскою по Андрюшѣ, котораго она, несмотря на короткое знакомство, успѣла горячо полюбить.

Въ несчастіяхъ люди сходятся скорѣе и ближе. Ей казалось, что она знаетъ мальчика давно, давно... Она взяла его за руку. Рука осталась неподвижною въ ея маленькой ручонкѣ. Мальчикъ былъ безъ чувствъ. Должно быть, онъ сильно поранилъ себѣ голову о стволъ дерева.

Тогда Сибирочка вспомнила, какъ дѣдушка лечилъ

ее отъ ушиба въ зимнее время. Онъ бралъ снѣгу и растиралъ имъ пострадавшее мѣсто. То же самое сдѣлала со своимъ другомъ и дѣвочка. Она схватила цѣлыя пригорши снѣга и стала усердно прикладывать его къ раненой головѣ Андрюши. Мало-по-малу кровь перестала сочиться изъ лба, и мальчикъ началъ проявлять кой-какіе признаки жизни. Съ его губъ сорвался первый стонъ, за нимъ другой, третій...

— Гдѣ я? Что со мною?—спросилъ онъ слабымъ голосомъ, окончательно приходя въ себя.

— Андрюша! милый! Ты живъ?! Живъ! Слава Богу!—радостно прошептала Сибирочка, цѣлуя и обнимая мальчика, все еще безсильно распростертаго на снѣгу.

— Живъ, только у меня сильно голова болитъ... Но я могу двигаться дальше,—стараясь говорить бодрымъ голосомъ, произнесъ онъ.—А гдѣ Зубъ? Или его утомила погоня и онъ отсталъ отъ насъ?

— Нѣтъ, онъ пробѣжалъ мимо, теперь онъ находится впереди насъ. Намъ надо идти поскорѣе къ лѣсной норѣ, гдѣ остались люди, а то онъ вернется сюда и найдетъ насъ,—взволнованнымъ голосомъ пояснила дѣвочка.—Но ты не можешь идти,—добавила она, опасливо вглядываясь въ бѣлѣющее передъ нею во мракѣ лицо ея друга.

— О, я попытаюсь!—послышался отвѣтъ въ темнотѣ, и Андрюша сдѣлалъ усиліе, чтобы подняться.

— Давай твою ручонку. Пойдемъ, держась за руки, а то мы потеряемъ другъ друга... Видишь, какая здѣсь темнота,—произнесъ онъ, съ трудомъ поднимаясь на ноги.

Сибирочка молча протянула ему руку, ощупью нашла его пальцы, и, тѣсно прижавшись другъ къ другу, дѣти повернули назадъ и пошли по тому направленію, гдѣ, какъ имъ казалось, они оставили урядника и людей.

ГЛАВА X.

Въ пещерѣ подъ снѣгомъ.

— НѢТЪ, я не могу идти больше. Голова болитъ все сильнѣе... А здѣсь оставаться нельзя... Звать на помощь тоже нельзя—Зубъ услышитъ и прибѣжитъ сюда раздѣлаться съ нами, прежде нежели подоспѣютъ сюда люди,—съ отчаяніемъ въ голосѣ произнесъ Андрюша и, помолчавъ немного прибавилъ уже значительно бодрѣе:

— Вотъ, что я придумалъ: мы выроемъ ямку въ снѣгу, въ родѣ звѣриной норки, заполземъ въ нее и до утра отдохнемъ въ ней хорошенько, а утромъ при свѣтѣ увидимъ, гдѣ мы находимся и какъ намъ пройти до селенія,—уже совсѣмъ бодро заключилъ онъ свою рѣчь.

И прежде нежели Сибирочка могла одобрить его планъ, Андрюша уже ощупью, въ темнотѣ, принялся за работу. Яму въ сугробѣ пришлось рыть руками, за неимѣніемъ лопатъ. Сибирочка, какъ умѣла и могла, принялась помогать своему другу. Вскорѣ въ рыхломъ снѣгу появилась глубокая нора, и дѣти могли укрыться въ ней и уснуть въ ожиданіи утра. Они такъ и сдѣлали, не медля больше ни минуты. Усталость и пережитыя волненія помогли имъ забыться и, прижавшись другъ къ другу, они уснули крѣпкимъ сномъ въ своей самодѣльной спальнѣ...

* * *

Миновала ночь. Наступило утро. Проснулась и ожила старая тайга. Бѣлочка шаловливо запрыгала по вѣтвямъ огромныхъ дубовъ. Какой то пушистый звѣрекъ высунулъ изъ дупла дерева свою острую подвижную мордочку. Гдѣ то прозвучалъ вдалекѣ унылый крикъ хищной птицы.

Отъ этого крика первый проснулся Андрей. Онъ вылѣзъ изъ своей снѣжной пещерки и не безъ изумленія оглянулся кругомъ. Въ его лицѣ отразились испугъ и тревога. Онъ хорошо зналъ мѣстность, окружавшую Лѣсную нору. Хорошо зналъ прилегавшую къ жилищу лѣсныхъ бродягъ тайгу, зналъ по крайней мѣрѣ верстъ на десять кругомъ. Но здѣсь онъ еще не бывалъ ни разу. Мѣстность казалась ему совсѣмъ незнакомой и

дикой. Деревья разрослись здѣсь такъ густо кругомъ, что въ лѣсу было сумрачно какъ въ могилѣ. Иногда, сплетаясь вѣтвями, они образовывали непроходимую стѣну и только у корней ихъ оставалось небольшое отверстіе, которое можно было миновать, не иначе какъ только пригнувшись чуть-ли не къ самой землѣ. Невольное смущеніе охватило душу мальчика. Здѣсь, въ этой непроходимой чащѣ, что могли подѣлать безъ крова и пищи онъ и ввѣренная его попеченію самой судьбой маленькая дѣвочка?

Андрюша подошелъ къ самодѣльной пещеркѣ и заглянулъ въ нее. Въ ней, подложивъ худенькую ручонку подъ голову, безмятежнымъ сномъ сладко спала Сибирочка. Бѣлокурые волосы, выбившись изъ-подъ платка, обрамляли ея личико, бѣлое и нѣжное, какъ фарфоръ.

— Бѣдная маленькая дѣвочка!—прошепталъ Андрюша,—что ждетъ тебя!... Голодная смерть въ дикой тайгѣ. Бѣдная маленькая дѣвочка! Какъ мнѣ жаль тебя!— онъ нагнулся къ спящей и крѣпко поцѣловалъ ее. Сибирочка проснулась и недоумѣвающе открыла свои большіе синіе глаза.

Она съ минуту не понимала ничего. Потомъ оглянулась кругомъ и сильно испугалась, увидя незнакомую мѣстность.

— Мы заблудились! Да!—со страхомъ прошептала она.

Андрюша хотѣлъ отвѣтить своей маленькой подругѣ, но чьи то тяжелые шаги, раздавшіеся въ эту минуту,

заставили его замереть на мѣстѣ. Шаги приближались съ каждой минутой, дѣлаясь все слышнѣе и слышнѣе...

— Это Зубъ!—прошептала въ тоскѣ и страхѣ Сибирочка, замирая отъ страха.

— Да!—беззвучно проронилъ мальчикъ и прижалъ дѣвочку къ себѣ, заслонилъ ее собою, готовый защищать ее до послѣдней возможности своими безоружными, но сильными руками.

И оба широко раскрытыми взорами впились въ чащу. Шумъ шаговъ приближался. Къ нему присоединился теперь хрустъ ломаемыхъ вѣтвей и какое то жуткое сопѣніе.

— Это Зубъ!.. Теперь онъ уже не дастъ пощады и убьетъ насъ сію же минуту!—прошептала дѣвочка, и ея поблѣднѣвшее личико выражало теперь одинъ неизъяснимый сплошной ужасъ.

Андрюша не сказалъ ни слова. Его грудь бурно вздымалась. Черные глаза сверкали. Онъ рѣшилъ, что теперь имъ не миновать мести Зуба, но онъ хотѣлъ только одного: спасти во что бы то ни стало бѣдную маленькую дѣвочку, довѣрчиво припавшую подъ его защиту.

Онъ думалъ: „Зубъ ударитъ меня своимъ ножомъ, я упаду навзничь на пещеру и прикрою собой Сибирочку, и онъ ея не увидитъ. Не увидитъ ни за что... Такимъ образомъ она будетъ спасена“.

Между тѣмъ шаги были уже совсѣмъ близко. Кто то съ остервенѣніемъ пробивалъ себѣ путь, бѣшено ломая сучья и вѣтки по дорогѣ. Вотъ они затрещали неистово, раздвинулись, и огромный бурый медвѣдь выскочилъ изъ чащи и очутился въ двухъ шагахъ отъ онѣмѣвшихъ отъ ужаса дѣтей.

ГЛАВА XI.

Неожиданность за неожиданностью.

—О! — простонала Сибирочка и закрыла лицо руками.

Медвѣдь повернулъ голову, увидѣлъ дѣтей и неожиданно поднялся на заднія лапы. Оглушительный ревъ вырвался изъ его могучаго тѣла. Тутъ только дѣти увидѣли зіявшую рану въ боку медвѣдя и тянувшуюся по его слѣду на снѣгу кровавую полоску.

Глаза звѣря были налиты кровью, пасть широко раскрыта. Казалось, полученная рана привела въ бѣшенство страшное чудовище и, издавая страшное рычанье, оно готово было уже кинуться на неожиданнаго и безпомощнаго врага. Въ одну минуту Андрюша сообразилъ, что отъ разъяреннаго лѣсного чудовища нѣтъ спасенія.

Если смерть подъ ножомъ лѣсного бродяги была ужасна, то вдвое ужаснѣе казалась она въ когтяхъ страшнаго медвѣдя.

Андрюша взглянулъ на Сибирочку. Она была бѣлѣе снѣга и вся трепетала какъ птичка, прижавшись къ нему. Если бы у мальчика было какое-нибудь оружіе, онъ, не задумываясь ни на минуту, кинулся бы на четвероногаго врага. Но увы! Оружія не было у Андрюши—значитъ не было и спасенія. Онъ крѣпко обнялъ дѣвочку и, прислонивъ ея головку къ своей груди, старался заслонить отъ нея ужаснаго звѣря.

Раненый медвѣдь съ тѣмъ же жуткимъ рычаньемъ и съ налитыми кровью глазами двинулся впередъ. Его дыханіе и хрипъ, выходившій изъ горла, теперь обдавали головы дѣтей... Огромныя лапы съ острыми когтями, выходившими изъ-подъ мохнатой шкуры, направились къ нимъ. Съ дикимъ ревомъ чудовище пригнулось къ землѣ и...

Что то просвистѣло въ воздухѣ и изо всей силы впилось въ голову звѣря. Дикій оглушительный ревъ прорѣзалъ тишину тайги. Обливаясь кровью, медвѣдь съ шумомъ рухнулъ навзничь, обагряя алыми пятнами снѣгъ кругомъ себя. На мѣстѣ страшнаго чудовища передъ изумленными дѣтьми появилось что то странное, необычайное, чего еще не встрѣчали ни Андрюша, ни его маленькая спутница никогда за все время ихъ коротенькой жизни.

ГЛАВА XII.

Получеловѣкъ-полузвѣрь съ добрымъ сердцемъ.

КЪ изумленнымъ дѣтямъ, у входа въ ихъ пещерку, подошло небольшого роста круглолицое существо, все съ головы до ногъ зашитое въ звѣриную шкуру. На странномъ существѣ была мѣховая куртка, плотно обхватывающая его спину и грудь, длинные штаны, узкіе, словно трубки, изъ того же мѣха, невысокіе сапоги изъ шкуры какого то желтаго звѣрька и мѣховой колпакъ, надвинутый на самыя брови, изъподъ которыхъ, поблескивая, сверкали маленькіе, косо разставленные, но отнюдь не злые глазки. Плоскій, приплюснутый носъ, толстыя губы и румяныя, лоснящіяся щеки,—все это такъ и дышало не то недоумѣніемъ, не то любопытствомъ.

Странное существо смотрѣло во всѣ глаза на дѣтей. Дѣти—на странное существо. Потомъ маленькіе глазки звѣроподобнаго, благодаря его шкурамъ, человѣчка сузились. Лицо расплылось въ широчайшую улыбку. Прищелкнувъ языкомъ странное существо проговорило ломанымъ русскимъ языкомъ.

— Твоя, здравствуй!—и закивало мѣховымъ колпакомъ впередъ и назадъ, вправо и влѣво.

— Здравствуйте!—едва приходя въ себя отъ изу-

мленія, произнесъ Андрюша,—это вы убили медвѣдя?—тотчасъ же сдѣлалъ онъ вопросъ.

— Моя убилъ,—опять закивалъ и заморгалъ глазами маленькій человѣчекъ,—моя убилъ. Нымза убилъ. Великій шайтанъ *) помогъ Нымзѣ. Лѣсной хозяинъ **) пришелъ на чумъ ***) къ Нымзѣ, барана взялъ, рыбы взялъ и въ лѣсъ ушелъ. Нымза за нимъ... Въ тайгѣ догонялъ, стрѣлу пускалъ. Не долетала стрѣла... Другая пускалъ... не долетала... топоромъ башка рубилъ, пополамъ башка... Померъ лѣсной хозяинъ!

— Убитъ,—согласился Андрюша.

— Хорошо убитъ. Не встанетъ. Шкуру моя въ городъ къ русскимъ понесетъ. Мясо коптить на шолѣ будетъ моя и твоя угоститъ. Поди на чумъ къ Нымзѣ, твоя у Нымзы въ гостяхъ будетъ!

И странное существо ободряюще похлопало по плечу Андрюшу.

— Спасибо, что въ гости зовешь... Я и эта маленькая дѣвочка устали и голодны... Накорми насъ у тебя на чумѣ... Ты вѣдь живешь близко?—попросилъ онъ страннаго человѣчка.

— Моя близко, ошень-ошень близко живетъ, въ тайгѣ живетъ. Моя—остякъ. Нымза—остякъ, лѣто рыба ловитъ, зимой звѣря бьетъ. Моя давно въ тайгѣ живетъ...

---

*) Такъ остяки въ Сибири называютъ своего Бога.

**) Медвѣдь.

***) Изба, жилище у остяковъ,—племени, населяющаго глубь Сибири.

Одна живетъ... Шкуры носитъ продавать на русскія городъ... Нымза—остякъ, но русскихъ любитъ, хоть великому шайтану и лѣснымъ духамъ молится. Русскимъ Нымза первый другъ. Вотъ убилъ лѣсного хозяина Нымза; моя—лапы себѣ беретъ, твоя—голову отдастъ, сердце и печенку, все самое, ухъ, вкусная другу отдастъ Нымза!

— Спасибо тебѣ. Сведи насъ къ себѣ, голубчикъ. Дѣвочка устала и голодна, и я тоже,—попросилъ Андрюша.

— Твоя сестра?—ткнулъ безцеремонно остякъ пальцемъ въ Сибирочку.

— Нѣтъ. Сиротка, чужая. Помоги намъ. А я тебѣ съ медвѣдемъ управиться помогу.

— Спасибо. Моя согласна. Вотъ бери ножъ. Не попорть только шкура. Гляди, какъ моя работать будетъ,— и говоря это, остякъ быстро вытащилъ острый ножъ изъ своего мѣхового сапога. Оттуда торчали еще деревянныя стрѣлы съ мѣдными острыми наконечниками, похожими на маленькіе кинжалы. Лукъ болтался на спинѣ охотника. Ружья у него не было, только кривой топорикъ былъ воткнутъ за поясомъ. Медвѣдь лежалъ неподвижно съ другимъ такимъ острымъ топорикомъ, ловко раздвоившимъ ему черепъ.

Нымза подошелъ къ убитому звѣрю и началъ съ того, что вынулъ у него топорикъ изъ головы. Черная кровь брызнула изъ раны. Нымза бросился на колѣни, приникъ къ головѣ медвѣдя и съ жадностью сталъ пить теплую кровь.

Сибирочка съ ужасомъ и отвращеніемъ смотрѣла на Нымзу. Она не встрѣчала еще охотниковъ-остяковъ и не знала ихъ обычаевъ и вкусовъ.

Между тѣмъ Нымза разрѣзалъ ножомъ подъ брюхомъ медвѣдя его теплую шкуру и приказалъ Андрюшѣ надрѣзать лапы. Когда мальчикъ сдѣлалъ это, охотникъ безъ труда снялъ шкуру съ дымившейся еще туши медвѣдя. Потомъ своимъ острымъ топорикомъ отрѣзалъ ему голову и четыре лапы, одну за другой. Затѣмъ изрубилъ тушу звѣря на четыре куска и, приложивъ палецъ къ губамъ, пронзительно свистнулъ.

Опять затрещали сучья и хворостъ, и легкій на этотъ разъ шумъ пронесся поблизости. Прошла еще минута, другая, и изъ чащи выскочила огромная мохнатая собака, очень похожая на медвѣдя, запряженная въ низкія розвальни-сани, въ два аршина длины.

Обыкновенно у остяковъ бываютъ только маленькія, худенькія собаки—лайки. Но собака остяка была совершенно особенная, изъ породы большихъ, сильныхъ охотничьихъ собакъ, которыя только рѣдко встрѣчаются на далекомъ сѣверѣ. Увидя дѣтей, собака вся ощетинилась было, и ея кровью налитые глаза со злобою покосились на нихъ, а огромные клыки оскалились, но Нымза произнесъ какое то слово по-остяцки, и страшный песъ тотчасъ же притихъ. Теперь онъ только облизывался и косился на лежавшіе куски мяса на снѣгу.

— Лунъ почуялъ вкусное мясо... Лунъ кушать хо-

четъ, — сказалъ Нымза, снова сморщивъ свое плоское, приплюснутое лицо въ улыбку, и похлопалъ собаку по ея всклокоченной шерсти. Та лизнула его руку и умильно завиляла хвостомъ.

— Моя добычу сейчасъ класть станетъ. Пускай Лунъ везетъ на путь... Твоя помогай...—коротко ронялъ Нымза, обращаясь къ Андрюшѣ и, схвативъ самый большой кусокъ медвѣжьей туши, положилъ его въ сани. Андрюша послѣдовалъ его примѣру. Когда послѣдняя лапа мертваго и разрубленнаго на части звѣря очутилась на розвальняхъ, Нымза снялъ съ себя кожаный поясъ и пристегнулъ имъ куски къ санямъ. Потомъ онъ щелкнулъ языкомъ, какъ то особенно громко свистнулъ, и Лунъ, взявшись съ мѣста, двинулся въ путь, волоча за собой сани вглубь тайги.

— Экъ хороша! Хороша собака у Нымзы! — прищелкнулъ снова языкомъ остякъ,—а сейчасъ моя домой идетъ и твоя тоже, и онъ тоже!—снова безцеремонно тыкалъ пальцемъ Нымза то въ сторону Сибирочки, то Андрюши.

Андрюша ласково кивнулъ ему головою. Онъ былъ радъ какому бы то ни было отдыху и покою для себя и своей спутницы и, взявъ за руку дѣвочку, бодро зашагалъ вмѣстѣ съ нею за гостепріимнымъ охотникомъ къ его жилищу.

ГЛАВА XIII.

Въ чумѣ Нымзы —Пиршество.—Изъ огня да въ полымя.

—МОЯ чумъ близка! — изрѣдка ронялъ шедшій впереди дѣтей остякъ. — Сейчасъ тамъ будемъ.

Дѣйствительно, вскорѣ мелькнулъ просвѣтъ за деревьями, и небольшая поляна, сбѣгающая скатомъ къ лѣсному озеру, покрытому теперь толстымъ льдомъ и запушенному снѣгомъ, представилась взорамъ дѣтей. На самомъ берегу лѣсного озера стояло остроконечное остяцкое жилище, книзу широкое, кверху узкое, заканчивающееся шестомъ. Оно было сплетено изъ палокъ, покрытыхъ звѣриными шкурами. Изъ небольшого отверстія вверху струился дымокъ. Остякъ распахнулъ спущенную до пола шкуру какого то звѣря, и дѣти вошли въ открывшееся имъ отверстіе въ чумѣ. Посреди чума былъ устроенъ шолъ (такъ называютъ остяки очагъ, родъ печурки); въ немъ тлѣли уголья и слабо догоралъ маленькій синій огонекъ. На земляномъ полу чума лежали кошмы, то есть куски войлока и шкуры оленя и дикой козы, служившія заодно и постелью, и сидѣньемъ. Незатѣйливая деревянная и глиняная посуда вмѣстѣ съ принадлежностями охоты, кривымъ ножомъ, топоромъ и не то копьемъ, не то багромъ, висѣла на стѣнѣ чума.

Тутъ же въ углу лежала и рыбачья сѣть, а на небольшой подставкѣ, въ родѣ полочки, находилась чья то, высѣченная изъ камня, безобразная голова съ огромнымъ ртомъ и торчащими ушами.

Андрюша понялъ сразу, что это былъ идолъ, домашній божокъ хозяина, которому онъ молился, какъ и многіе другіе остяки-язычники.

— Садись, гостемъ Нымзы будешь,—произнесъ любезно остякъ и усадилъ обоихъ дѣтей на мягкія кошмы. Потомъ онъ выскочилъ на минуту изъ чума, распрегъ Луна и вернулся въ сопровожденіи собаки въ жилище, съ трудомъ таща на спинѣ огромный кусокъ медвѣжатины.

Сибирочка невольно попятилась при видѣ огромнаго пса, подошедшаго къ ней.

— Твоя не бойся... Пускай твоя не бойся,—заикивалъ и заулыбался остякъ, — Лунъ не тронетъ. Лунъ умный, не ѣстъ человѣка.

Дѣйствительно, Лунъ обнюхалъ ноги незнакомыхъ еще ему гостей и преспокойно улегся около дѣвочки, не сводя съ хозяина умильнаго взгляда и тихо повиливая хвостомъ. Нымза растопилъ, между тѣмъ, шолъ, бросивъ въ него сухой травы и валежника, и когда веселый огонекъ запылалъ въ чумѣ, онъ воткнулъ на желѣзный шестъ кусокъ медвѣжатины и прикрѣпилъ его надъ огнемъ.

Вскорѣ вкусный запахъ жаркого распространился по

всему жилищу. Проголодавшіяся дѣти съ восторгомъ помышляли о вкусномъ кускѣ медвѣжьяго мяса.

Лунъ тоже изъявлялъ нѣкоторое нетерпѣніе. Умный песъ былъ, очевидно, убѣжденъ, что хозяинъ не забудетъ угостить и его.

Жаркое наконецъ поспѣло. Нымза разрѣзалъ его на куски, посыпалъ солью, но прежде чѣмъ приступить къ пиршеству, снова выскочилъ изъ чума и на этотъ разъ вернулся очень медленно и торжественно, неся въ рукахъ голову медвѣдя. Внеся ее въ жилище, онъ положилъ голову на полочку рядомъ со своимъ божкомъ-идоломъ и, присѣвъ на корточки передъ нимъ, зашепталъ что то по-остяцки и, просидѣвъ съ минуту, вернулся къ шолу.

— Теперь моя знаетъ, лѣсной хозяинъ не серчаетъ на Нымзу... Я сказалъ ему, что только голодъ и нужда заставили Нымзу-охотника покончить съ нимъ! Великій духъ заступится за меня,—довольно улыбаясь пояснилъ онъ дѣтямъ и роздалъ имъ горячіе медвѣжьи куски. Луну онъ бросилъ внутренности убитой добычи, и песъ съ жадностью принялся за нихъ.

Андрюша вспомнилъ, что его покойный отецъ, знавшій отлично нравы инородцевъ, разсказывалъ ему, что медвѣдь или „лѣсной хозяинъ“, какъ его прозываютъ остяки, почитается у нихъ священнымъ и хотя его разрѣшено убивать, но не иначе, какъ по совершеніи нѣкоторыхъ обрядовъ.

Впрочемъ, Андрюшѣ не пришлось долго думать. Голодъ, измучившій порядкомъ дѣтей, заставилъ ихъ уйти всѣми мыслями въ ѣду. Куски опаленной огнемъ и копотью полусырой медвѣжатины показались имъ такимъ необычайно вкуснымъ блюдомъ, какого ни тотъ, ни другая, казалось, не ѣли никогда!

Лунъ вполнѣ раздѣлялъ ихъ мнѣніе и съ рѣдкимъ аппетитомъ уничтожалъ свою порцію, тутъ же рядомъ. Но вдругъ онъ оставилъ ѣду, навострилъ уши и, глухо зарычавъ, поднялся съ мѣста. Шерсть ощетинилась на немъ, глаза налились кровью.

— Кто то пробирается къ чуму, Лунъ чуетъ,—шопотомъ пояснилъ Нымза и въ свою очередь приподнялся съ кошмы, на которой сидѣлъ съ жирнымъ кускомъ медвѣжьяго мяса въ рукахъ.

Дѣти перестали ѣсть и испуганно переглянулись. Андрюша вскочилъ первый. За нимъ поднялась Сибирочка.

— Что, если это Зубъ разыскалъ насъ? Надо бѣжать...—прошепталъ мальчикъ и, схвативъ за руку свою маленькую подругу, ринулся съ нею къ порогу остяцкаго жилища.

Въ тотъ же мигъ съ отчаяннымъ крикомъ дѣти отпрянули назадъ въ глубину чума.

На порогѣ домика Нымзы стоялъ Зубъ.

ГЛАВА XIV.

Нымза предатель и Нымза другъ.

— А ГА, попались! Вотъ они гдѣ, голубчики! — прогремѣлъ страшнымъ голосомъ лѣсной бродяга.

Его глаза, налитые кровью, его всклокоченные рыжіе волосы и блѣдное, перекошенное отъ злобы лицо— все это было ужасно.

Сибирочка схватила дрожащими пальцами руку Андрюши и такъ и замерла на мѣстѣ, впившись глазами, полными ужаса, въ страшное лицо своего врага. Лунъ при видѣ непрошеннаго гостя ощетинился еще больше, выгнулъ спину и прилегъ къ землѣ, глухо рыча, поглядывая на пришельца и готовясь прыгнуть на него по первому приказанію своего хозяина. Но Нымза цыкнулъ на Луна и пошелъ навстрѣчу Зубу.

— Твоя что надо?—спросилъ онъ, не безъ любопытства оглядывая его.

— Вотъ ихъ мнѣ надо, ребятъ этихъ, на расправу мнѣ они нужны, — грозно потрясая кулаками, грубо крикнулъ Зубъ.

— Она моя гость и она тоже,—не безъ достоинства произнесъ остякъ, попеременно тыча пальцами то на Андрюшу, то на Сибирочку,—и твоя гость тоже

будетъ; садись на кошма и ѣшь! — неожиданно заключилъ онъ добродушно, похлопавъ по плечу бродягу и, отдѣливъ съ прута при помощи ножа еще кусокъ мяса, передалъ его Зубу. Тотъ съ жадностью схватилъ кусокъ и принялся ѣсть, забывъ все въ мірѣ. Нѣсколько минутъ въ чумѣ раздавалось только громкое чавканье усиленно жующихъ челюстей. Зубъ, казалось, былъ очень голоденъ и забылъ на время и свою вражду къ дѣтямъ, и задуманную имъ месть.

Но это лишь такъ казалось. Едва имъ былъ проглоченъ послѣдній кусокъ, какъ онъ, съ бѣшенно засверкавшими глазами, заоралъ во весь голосъ:

— Эй, ты, остяцкая образина! Не думаешь ли ты, что кускомъ мяса тебѣ удастся задобрить меня и я оставлю этихъ ребятъ въ покоѣ? Нѣтъ, братъ, шалишь! Я расправлюсь съ ними по-свойски... Дай мнѣ ихъ увести отсюда, а не то...—тутъ онъ быстро сунулъ руку за голенище сапога и, вытащивъ оттуда огромный кривой ножъ, уже знакомый дѣтямъ, съ угрозой поднялъ его.

Нымза очень хладнокровно взглянулъ на страшное оружіе, потомъ на дѣтей и спросилъ Зуба, чуть усмѣхнувшись своими раскосыми глазами:

— Не пугай, братъ русскій, Нымзу... Моя не боится... На лѣсного хозяина пошелъ, не боится, твоя ножъ тоже не боится. Лучше толкомъ говори, за что ножомъ грозишь дѣтямъ?..

— Они сдѣлали такъ, что моего отца и брата забрали, чуть не убили ихъ, въ тюрьму посадили... И меня бы посадили въ тюрьму, да я вырвался и убѣжалъ. Мы ихъ съ отцомъ и братомъ, бездомныхъ сиротъ, пріютили, хлѣбомъ ихъ кормили, за своихъ родныхъ держали, а они, злодѣи, на насъ же напали, честныхъ людей... Убить ихъ мало, вотъ что!—глухо, хрипло и злобно вырвалось изъ устъ бродяги.

— Ты лжешь, Зубъ! Ты лжешь! — крикнулъ внѣ себѣ Андрюша и, весь дрожа отъ негодованія, выскочилъ впередъ. Его глаза горѣли, щеки пылали. Онъ весь трепеталъ отъ гнѣва, злобы и негодованія.—Ты лжешь! — крикнулъ онъ еще разъ, — не мы злодѣи, а ты и твой отецъ съ братомъ хотѣли погубить человѣка, а мы...

Андрюша не договорилъ. Какъ лютый тигръ Зубъ бросился на него, пригнулъ его къ землѣ и навалился на него всѣмъ тѣломъ. Казалось, еще минута, и отъ несчастнаго мальчика не останется и слѣда.

Сибирочка съ плачемъ кинулась къ бродягѣ и рыдая молила его пощадить ея маленькаго друга.

Зубъ былъ внѣ себѣ отъ бѣшенства и злобы. Онъ не смѣлъ на глазахъ Нымзы покончить съ мальчикомъ и въ то же время не могъ снести смѣлой выходки ребенка.

— Стой, пріятель, стой! Моя говорить хочетъ,— неожиданно ударяя его по плечу, произнесъ остякъ,—

твоя мальчонка наказать хочетъ, такъ пусть твоя накажетъ, я помогу твоя... Моя съ твоя мальчонка свяжетъ и на санки положитъ... И дѣвушка тоже... Лунъ въ санки впряжетъ... Твоя съ ними сядетъ и на русская городъ повезетъ. Тамъ русская начальникъ судить будетъ и наказанъ будетъ, кто виноватъ... Ладно моя говоритъ?—спросилъ онъ въ заключеніе.

— Ладно говоритъ!—усмѣхнулся Зубъ и, мгновенно поднявшись съ пола, освободилъ Андрюшу.

Тотъ всталъ съ угрюмо потупленными глазами. Онъ понялъ, что взрослому, сильному бродягѣ легко справиться съ нимъ, съ мальчикомъ, едва достигшимъ четырнадцати лѣтъ. А тутъ еще Нымза предлагаетъ помощь его врагу... Предатель Нымза!

А Нымза уже несъ веревки и крѣпко скрутилъ ими руки и ноги Андрюши.

— Твоя не сердись, пріятель, — добродушно лепеталъ остякъ,—твоя связать надо, не то убѣжишь твоя... И она связать тоже...—указалъ онъ на Сибирочку,—и въ санки положить обоихъ надо... И Лунъ запречь... Она,—ткнулъ онъ пальцемъ въ Зуба, — на русскій городъ твоя повезетъ... Тамъ тебя русскій начальникъ судить будетъ...

Схвативъ связаннаго по рукамъ и ногамъ Андрюшу поперекъ тѣла, Нымза вынесъ его изъ чума и положилъ въ санки, поставленныя подъ навѣсомъ, сдѣланнымъ изъ хвороста и вѣтвей.

Безсильный и взбѣшенный, несчастный Андрюша лежалъ на саняхъ, не будучи въ состояніи двинуть ни рукой, ни ногой.

„Все кончено, — холодѣя отъ ужаса подумалъ мальчикъ, — злодѣю Зубу удалось увѣрить остяка, что мы сдѣлали какое то зло, что мы виновны и насъ надо судить. И Нымза предалъ насъ бродягѣ. Конечно, Зубъ не повезетъ насъ въ селенье, а завезетъ въ тайгу и тамъ безжалостно зарѣжетъ своимъ огромнымъ ножомъ. А Нымза и не подозрѣваетъ этого; онъ вѣдь не знаетъ, кто такой Зубъ. Что же дѣлать теперь?“

Эти мысли вихремъ проносились въ головѣ мальчика и рвали ему сердце.

Нымза, между тѣмъ, лепеча что то по-остяцки, торопливо вернулся въ чумъ. Вскорѣ Андрюша увидѣлъ его вышедшимъ оттуда съ Сибирочкой на рукахъ. Дѣвочка была связана тоже по рукамъ и ногамъ. На ея блѣдномъ личикѣ былъ написанъ смертельный ужасъ.

— Нымза... послушай, Нымза... Онъ налгалъ тебѣ... онъ виноватъ, а не мы... онъ бѣглый преступникъ и злодѣй... Освободи насъ... во имя Бога, Нымза! — прошепталъ Андрюша, вкладывая въ свой голосъ самую горячую мольбу.

Но Нымза не слушалъ его. Онъ молча положилъ дѣвочку подлѣ на санки, потомъ свистнулъ Луна, который и появился изъ чума въ тотъ же мигъ. Такъ же молча остякъ сталъ впрягать въ сани свою большую

собаку, вовсе не глядя на дѣтей. Казалось, точно ему было стыдно встрѣчаться глазами со взорами своихъ жертвъ. Онъ торопливо покончилъ работу и поспѣшилъ обратно въ чумъ.

Вскорѣ оттуда послышался его голосъ, говорившій Зубу:

— Твоя можетъ отдыхать... Твоя спи спокойно... Ребята не ушелъ... Веревки крѣпкій... А отдохнетъ твоя... ѣхать можетъ... Лунъ дорога знаетъ... Лунъ уменъ... больно уменъ собака...

— Ладно, усну, притомился я!—послышался въ отвѣтъ грубый голосъ Зуба и за нимъ послѣдовалъ сладкій зѣвокъ. Должно быть вкусный обѣдъ и теплота чума разморили бродягу и его теперь клонило ко сну. Вскорѣ голоса въ чумѣ затихли и оттуда послышался одинъ только храпъ. Воспользовавшись этимъ, Андрюша тихо проговорилъ бодрымъ голосомъ на-ухо своей маленькой подругѣ:

— Не бойся ничего. Онъ не посмѣетъ сдѣлать намъ зла!—и въ то же время съ горечью подумалъ про себя: „Врядъ-ли онъ завезетъ насъ далеко... Вѣрнѣе онъ убьетъ насъ тутъ же поблизости чума... Какъ онъ обманулъ довѣрчиваго Нымзу!.. Ну, что-жъ! Когда-нибудь надо умирать... Жаль только Шуру. Она еще такъ мала и не видѣла жизни... Бѣдное дитя!“

Онъ съ усиліемъ повернулъ голову въ сторону дѣвочки, желая еще разъ ободрить ее, и увидѣлъ, что

она лежитъ безъ движенія. Сибирочка, очевидно, либо, не подозрѣвая всей страшной опасности, уснула, несмотря на неудобное положеніе въ саняхъ, либо, напротивъ, отъ пережитыхъ волненій лишилась чувствъ.

Короткій зимній день клонился къ закату. Было не позднѣе 3 — 4 часовъ, а уже сумерки сгущались въ тайгѣ. Поднимался рѣзкій вѣтеръ. Деревья зашумѣли кругомъ. Запряженный въ сани Лунъ дремалъ стоя. Андрюша тоже закрылъ глаза, стараясь забыться.

Вдругъ чье то легкое прикосновеніе къ его плечу разомъ вернуло мальчика къ дѣйствительности.

Передъ нимъ въ сумеркахъ сгущавшагося ранняго вечера стоялъ Нымза.

Въ его рукахъ блестѣло что то. Андрюша вглядѣлся попристальнѣе въ этотъ блестящій предметъ и увидѣлъ, что это былъ ножъ, тотъ самый ножъ, при помощи котораго остякъ нѣсколько часовъ тому назадъ на глазахъ Андрюши такъ ловко сдиралъ шкуру съ медвѣдя.

Страшная мысль промелькнула въ головѣ Андрюши.— „А вдругъ Нымза пришелъ убить ихъ, чтобы сдѣлать пріятное Зубу?

Холодный потъ проступилъ на лбу мальчика, сердце перестало биться.

Остякъ наклонился надъ лежащимъ и поднялъ руку.

Андрюша невольно закрылъ глаза, шепча молитву. Что то холодное коснулось его руки... и когда онъ снова

поднялъ вѣки, — веревки, связывавшія его ноги и руки, а также и Сибирочки, были уже въ рукахъ Нымзы.

Послѣдній наклонился къ самому уху мальчика и, широко улыбаясь своимъ плоскимъ, широкимъ, какъ луна, лицомъ, заговорилъ быстро, быстро:

— Нымза — твоя пріятель... Нымза — твоя другъ... Нымза знаетъ, что тамъ (онъ указалъ рукою по направленію чума) спитъ злодѣй... Злодѣй хотѣла убить твоя и дѣвушка, но моя спасла. Моя рѣшилъ: надо связать и положить ваша въ санки, надо, чтобы злодѣй видалъ, какъ ему помогаютъ, и уснулъ спокойно... А теперь вотъ что: бери вожжи... Твоя поѣдетъ. Лунъ повезетъ. Лунъ дорогу знаетъ на русскій поселокъ. Тамъ машина ходитъ. Машина на Тобольскъ пойдетъ... Съ Тобольска на русскій землю дальше можно поѣхать... Ну, твоя прощай... Дѣвушка прощай тоже... Счастлива дорога... На поселкѣ Лунъ пошли обратно... Онъ ужъ самъ дорогу знаетъ. А моя злодѣю скажетъ: „убѣжали оба и Лунъ украли“. Вотъ хорошо! Прощай!

И охваченный радостнымъ оживленіемъ, добрый остякъ погладилъ по головѣ Андрюшу, потомъ Сибирочку, недоумѣвающе, спросонья таращившую глазенки. Затѣмъ, попробовавъ упряжь на Лунѣ, обнялъ его лохматую голову и долго шепталъ ему что то по-остяцки прямо въ мохнатое ухо.

Лунъ точно понялъ, что ему шепнулъ его хозяинъ, разомъ взялъ съ мѣста, какъ встрепанный, и, не хуже

любого коня, помчался вскачь, унося привязанныя къ нему санки съ двумя дѣтьми.

Андрюша оглянулся назадъ: ему хотѣлось поблагодарить великодушнаго Нымзу, хотѣлось выразить ему все, что онъ чувствовалъ къ своему спасителю въ эту минуту; но когда онъ посмотрѣлъ назадъ, ни чума, ни Нымзы уже не было видно. Одна глухая тайга шумѣла позади него.

ГЛАВА XV.

Пурга.—Новая опасность.—У цѣли.

—Какой онъ добрый! Какой великодушный! Онъ не побоялся даже дать намъ все свое богатство: и Луна, и санки,—говорилъ Андрюша Сибирочкѣ, предварительно разсказавъ дѣвочкѣ про поступокъ Нымзы. И тутъ же онъ смолкъ смущенно, вспомнивъ, какъ заподозрилъ благороднаго остяка въ сообщничествѣ съ бродягой Зубомъ, какъ онъ испугался его ножа, когда тотъ пришелъ этимъ ножомъ перерѣзать веревки и дать имъ свободу...

Лунъ, между тѣмъ, не убавлялъ ходу, несмотря на то, что ночь сгущалась и въ тайгѣ воцарялась постепенно полная тьма. Онъ, со свойственной охотничьей собакѣ чуткостью, отлично выбиралъ дорогу, минуя деревья, выраставшія на каждомъ шагу, какъ огромные черные призраки.

Но вотъ неожиданно поднялся вѣтеръ, затрещали вершины великановъ-дубовъ, посыпались старые, гнилые сучья. Поднялась мятель-пурга и закружилась по тайгѣ, вырывая снѣжныя хлопья и носясь съ ними по лѣсу.

— Какое несчастье!—произнесъ Андрюша,—теперь намъ вдвое труднѣе добраться до поселка. Пурга разыгралась не на шутку, и бѣдному Луну будетъ очень тяжело везти насъ.

— Да,—согласилась Сибирочка,—и потомъ ты не чувствуешь, что страшно холодно стало въ лѣсу?

Дѣйствительно, стужа усилилась настолько, что даже привыкшимъ къ студеному климату сѣвера дѣтямъ она становилась все же не подъ силу. Морозъ крѣпчалъ съ каждымъ часомъ. Съ каждой минутой усиливался вѣтеръ. Все быстрѣе и быстрѣе кружила пурга. Ея злобный свистъ и дикій хохотъ жуткими, чудовищными голосами наполняли лѣсъ...

Дрожа всѣмъ тѣломъ, прозябшія дѣти жались другъ къ другу, стуча и лязгая зубами.

— Скорѣе бы, скорѣе добраться до жилья... Лунъ, голубчикъ, выручай изъ бѣды, родимый!—уже не опасаясь испугать свою маленькую спутницу вслухъ говорилъ Андрюша.

Скрывать было нечего теперь. Сибирочка не хуже мальчика понимала грозившую имъ опасность. Замерзнуть въ лѣсу и быть заживо погребенными пургой! О, какое новое страшное испытаніе посылала имъ судьба.

— О, если бы добраться только до поселка! — говорила она, съ мольбою складывая онѣмѣвшія ручонки и поднимая къ темному небу молящіе глаза, — только бы выбраться изъ этой ужасной тайги, доѣхать до „машины“... Мы никогда не вернемся сюда больше... Мы уѣдемъ въ Петербургъ, Андрюша, къ тетѣ Аннушкѣ, какъ велѣлъ дѣдушка... Попросимъ добрыхъ людей дать намъ на дорогу и уѣдемъ,—еле ворочая языкомъ роняла она.

— Нѣтъ, нѣтъ, просить не надо... На дорогу намъ съ тобою хватитъ денегъ,—также съ трудомъ отвѣчалъ Андрюша.—Покойный отецъ оставилъ мнѣ немного денегъ, умирая. Я ношу ихъ всегда съ собой... Онѣ зашиты въ подкладкѣ моей куртки. Я такъ боялся, чтобы Палецъ съ сыновьями не отняли ихъ у меня. Намъ хватитъ этихъ денегъ на дорогу... Лишь бы добраться до поселка. Отъ него рукой подать до машины, а тамъ въ Тобольскъ, оттуда въ Петербургъ къ твоей теткѣ! Да... да!

— А ты поѣдешь со мною?—робко произнесъ подъ ухомъ Андрюши трепещущій, охрипшій голосокъ.—Поѣдешь тоже къ тетѣ Аннушкѣ?

Андрюша крѣпко обнялъ дѣвочку.

— Я съ тобой никогда не разстанусь, Шура! Ты будешь моей маленькой сестренкой. Отнынѣ я всегда останусь твоимъ защитникомъ и другомъ. Вѣдь мы оба сироты и оба одиноки... Самъ Господь свелъ насъ съ

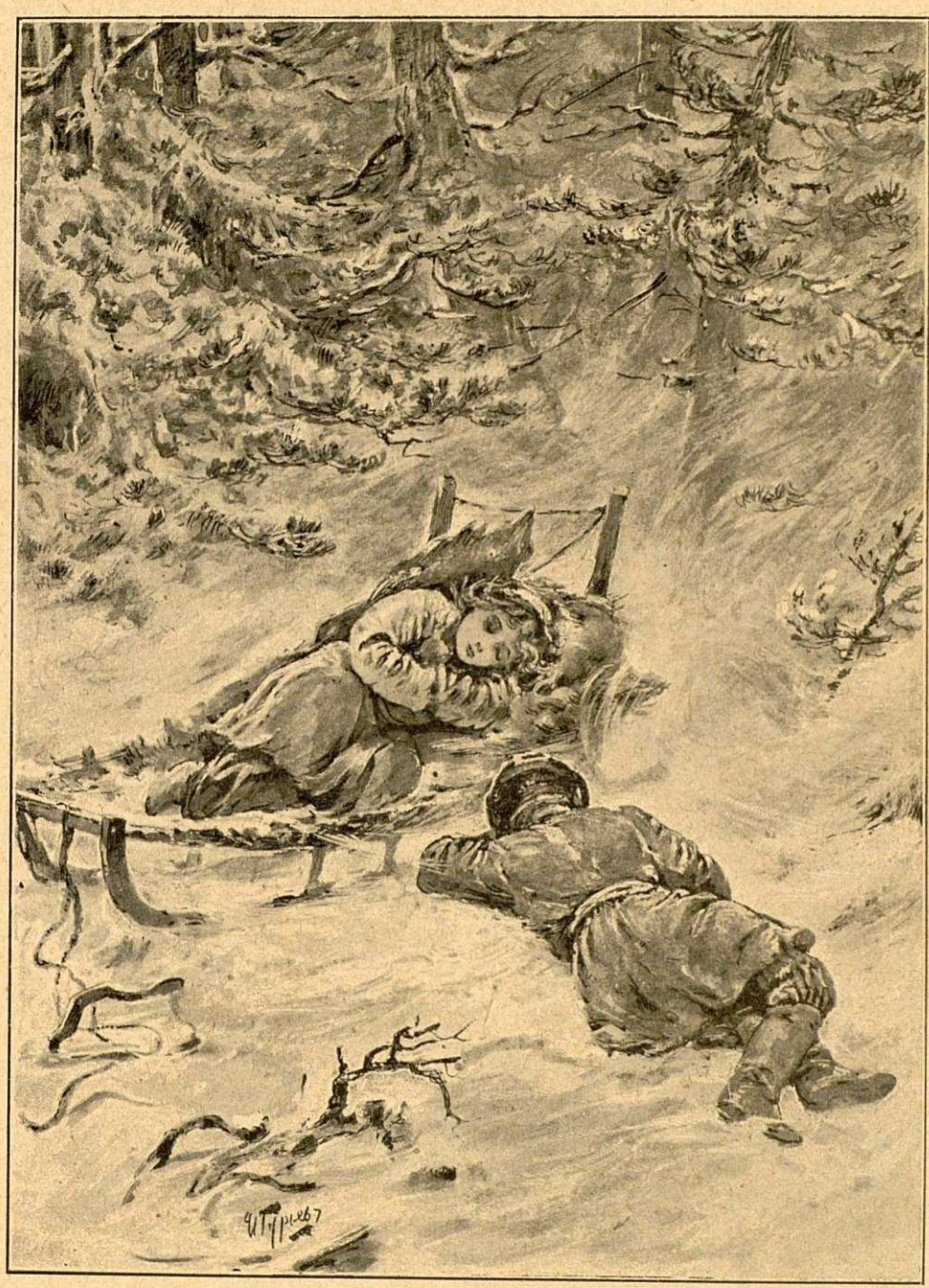
тобой, — рѣшительно проговорилъ мальчикъ и ласково взглянулъ въ посинѣвшее отъ стужи личико своей спутницы.

Между тѣмъ Лунъ невольно замедлялъ все больше и больше шагъ. Пурга свирѣпо наскакивала на несчастное животное, хлопья снѣга слѣпили ему глаза, вѣтеръ, бросаясь подъ ноги, мѣшалъ бѣжать впередъ. Пѣна комками катилась изо рта коня-собаки. Онъ едва передвигалъ ноги. Его шагъ становился все медленнѣе и медленнѣе теперь. Наконецъ онъ остановился совсѣмъ и, силясь оглянуться на дѣтей, громко, протяжно завылъ. Андрюша весь встрепенулся, точно очнувшись отъ тяжелаго сна.

— Я знаю, что дѣлать, — стараясь говорить бодро, произнесъ онъ, лязгая зубами.—Я отпрягу Луна и пущу его одного. Привяжу только къ его шеѣ мой поясъ. Онъ доберется до поселка и приведетъ къ намъ людей... Они успѣютъ найти насъ, пока мы не земерзнемъ! Неправда ли, Шура?

— Дѣлай, что знаешь. Ты такой умный и большой! — прошептала дѣвочка, сонливо склоняя на плечо Андрюши свою отяжелѣвшую головку.

Мальчикъ, съ трудомъ двигая закоченѣвшими ногами, вылѣзъ изъ саней и трясущимися, холодными, какъ ледъ, скрюченными пальцами сталъ отвязывать веревочную упряжь Луна. Потомъ онъ ласково обнялъ одной рукой умную собаку, другою съ трудомъ отсте-



Обезсиленный мальчикъ упалъ на снѣгъ рядомъ со своей маленькой подругой...

гнулъ на себѣ поясъ и перекинулъ какъ ошейникъ черезъ голову животнаго. Умный песъ понялъ, казалось, чего отъ него хотѣли. Онъ ласково взвизгнулъ, лизнулъ руку Андрюши, въ которомъ чуялъ теперь своего временнаго хозяина и, блеснувъ въ темнотѣ глазами, съ громкимъ лаемъ исчезъ за деревьями тайги.

Андрюша медленно вернулся къ санямъ. Его тѣло ныло, разбитое стужей. Глаза слипались, голова кружилась и всѣ мысли путались въ ней. Онъ взглянулъ на Сибирочку, лежавшую неподвижно на санкахъ. Во тьмѣ наступающей ночи ея лицо смутно бѣлѣло. Онъ притронулся къ нему рукою. Оно было холодно и неподвижно.

— Замерзла! — воплемъ вырвалось изъ груди мальчика.—Замерзла! Оттереть ее надо снѣгомъ... надо отогрѣть во что бы то ни стало! — лепеталъ онъ коснѣющимъ языкомъ и нагнулся къ ней исполнить свое намѣреніе... Но тутъ въ головѣ у него вдругъ зазвенѣло, страшная сонливость сковала все существо, и мальчикъ, обезсиленный, упалъ на снѣгъ рядомъ съ своей маленькой подругой.

А пурга попрежнему все шумѣла, все бѣсилась и громко свистѣла надъ головами двухъ замерзающихъ дѣтей...

ЧАСТЬ II.

МАЛЕНЬКАЯ УКРОТИТЕЛЬНИЦА ЛЬВОВЪ.

ГЛАВА I.

Въ огромномъ городѣ.

— ПЕТЕРБУРГЪ! Пріѣхали!

— Уже пріѣхали, дяденька?!

— А ты бы еще хотѣлъ ѣхать, мальчуганъ?

И высокій плечистый кондукторъ, добродушно ухмыляясь, похлопалъ по плечу Андрюшу.

— Никакъ коротокъ путь отъ Тобольска показался тебѣ, паренекъ?—прибавилъ онъ съ ласковымъ смѣхомъ.

Путь отъ Тобольска до Петербурга не могъ, ни въ какомъ случаѣ, уставшимъ и измученнымъ за дорогу дѣтямъ показаться короткимъ. Добродушный кондукторъ шутилъ, говоря это; но ни Андрюша, ни Сибирочка, пріютившіеся въ уголкѣ вагона, не могли отвѣчать шуткой на шутку. Чужой, незнакомый имъ городъ, мелькавшій вдалекѣ огромными домами, церквами, высокими трубами фабрикъ и заводовъ, все это было такъ мало знакомо, такъ чуждо для дѣтей, выросшихъ въ

тишинѣ дремучей тайги и маленькихъ крестьянскихъ поселковъ! Къ тому же они ѣхали не только въ чужой городъ, но и въ чужую семью, въ семью какой то тети Аннушки, которую Сибирочка знала только по разсказамъ покойнаго дѣда, да по ея рѣдкимъ письмамъ изъ Петербурга, а Андрюша и вовсе не зналъ этой тети.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ съ той минуты, какъ замерзшихъ до полусмерти дѣтей отыскалъ умница Лунъ, приведшій за собою толпу людей изъ селенія. Въ это селеніе остякъ Нымза частенько возилъ на продажу рыбу и звѣрей, и въ поселкѣ хорошо знали коня-собаку лѣсного охотника. Завидя Луна съ привязаннымъ на его шеѣ поясомъ, обитатели селенія рѣшили, что Нымза погибаетъ гдѣ-нибудь въ тайгѣ, сбившись съ дороги, и съ фонарями кинулись его разыскивать въ лѣсу. Благодаря сильно развитому чутью того же Луна, дѣтей удалось скоро найти. Ихъ тотчасъ же оттерли снѣгомъ, завернули въ овчинные полушубки и, со слабыми признаками жизни, привезли на томъ же Лунѣ въ поселокъ.

Здѣсь ихъ уложили въ теплой избѣ на полати, давъ имъ выпить по глотку крѣпкой сибирской водки съ чаемъ. Потомъ, когда они пришли въ себя, ихъ накормили и снова напоили горячимъ... Къ этому времени отдохнулъ и Лунъ, плотно закусивъ въ свою очередь овсяной похлебкой, и отправился домой къ своему хозяину, въ тайгу, благо стихла пурга, и зимняя ночь

смѣнилась къ тому времени утреннимъ разсвѣтомъ. Дорогу изъ поселка въ тайгу умный песъ зналъ отлично.

Дѣти прожили и отдохнули въ селѣ у гостепріимныхъ крестьянъ, а когда окончательно поправились и запаслись силами, пустились въ путь, въ далекую и чуждую имъ столицу...

. . . . . .

Поѣздъ съ пыхтѣньемъ и шумомъ подкатилъ къ платформѣ.

— Ну, вотъ и доѣхали... Больше, стало-быть, не повезутъ. Баста!—пошутилъ снова кондукторъ, глядя на смущенныя личики дѣтей.

Тѣ, видя, какая суматоха поднялась въ вагонахъ, смущенно забились въ уголъ, глядя оттуда растерянными глазами на всю эту сутолоку. Рядомъ съ ними особенно торопилась собирать свои узелки и мѣшечки какая то старушка. Дальше плакалъ ребенокъ, испуганный суетою. Трое чернорабочихъ, толкая публику, протискивались къ выходу.

— Пойдемъ и мы, — произнесъ Андрюша и, взявъ за руку Сибирочку, сталъ пробираться съ нею изъ вагона.

Вотъ и платформа. Здѣсь суматоха еще больше, нежели въ поѣздѣ. Бѣгутъ носильщики, бѣжитъ публика—всѣ стремятся куда то впередъ. Въ узкомъ проходѣ набралась цѣлая толпа. Толкая другъ друга и громко разговаривая, всѣ высыпали на подъѣздъ вокзала. Андрюша съ Сибирочкой двинулись слѣдомъ за остальными.

Длинная широкая улица, огромные высокіе дома, магазины съ зеркальными стеклами, конки и трамваи, нарядные экипажи и та же суетливая публика — все это разомъ представилось ихъ глазамъ.

Свистки, звонки, стукъ колесъ и шумъ столичнаго города оглушили ихъ. Они остановились, какъ вкопанные, посреди улицы, не зная куда идти, въ какую сторону направить шаги.

— Эй, берегись! Чего ротъ разинули!—послышался рѣзкій окрикъ за плечами дѣтей, и едва успѣли они отскочить немного въ сторону, какъ мимо нихъ промчалась великолѣпная коляска, забрызгавшая ихъ грязью съ ногъ до головы.

Почти одновременно съ этимъ, какъ изъ-подъ земли, выросла передъ дѣтьми фигура полицейскаго.

— Что подъ лошадь лѣзешь? Не видишь развѣ? Гляди еще за вами!.. Есть время тоже!.. Смотри, въ полицію отправлю! — накинулся полицейскій на Андрюшу.

Тотъ смотрѣль смущенно и попрежнему крѣпко сжималъ руку Сибирочки, точно боясь, что ее отнимутъ отъ него.

Городовой мелькомъ взглянулъ на дѣтей и отошелъ къ своему посту.

— Пойдемъ же, а то онъ опять разсердится!—шепнулъ Андрюша своей спутницѣ.—Повтори мнѣ еще разъ, гдѣ живетъ тетя Аннушка.

— Карская улица, дома № 2, квартиры № 5,— проговорила Сибирочка давно наизусть заученный ею со словъ дѣда адресъ тетки.

— Вотъ и отлично. Спросимъ, гдѣ находится Карская улица!—внезапно оживившись, произнесъ Андрюша и, подойдя къ тому же городовому, спросилъ:

— А не знаете ли, дяденька, гдѣ здѣсь Карская улица будетъ?

— Здѣсь нѣтъ такой! — отвѣтилъ, точно отрубилъ, полицейскій. — Есть такая на другомъ совсѣмъ концѣ столицы, на Выборгской сторонѣ, далеко отсюда. На конкѣ, либо на трамваѣ ѣхать туда надо.

Андрюша вздохнулъ. Ѣхать на конкѣ имъ было не на что. Послѣдній двугривенный онъ истратилъ сегодня на ѣду Шурѣ и себѣ. Купилъ ей въ поѣздѣ яицъ, пирожковъ, хлѣба. Теперь у него оставалось только двѣ копейки—и больше не было ни гроша. Деньги, скопленныя для него бѣднякомъ отцомъ и врученныя сыну незадолго до смерти, всѣ вышли на дорогу изъ Сибири въ Петербургъ.

Но Андрюша не растерялся.

— Вы только путь укажите, дяденька, а ужъ мы доберемся какъ-нибудь!—смѣло тряхнувъ головою, обратился онъ снова къ городовому, съ полной готовностью идти хоть на край свѣта. Тотъ подробно объяснилъ дорогу на Выборгскую сторону, и дѣти бодро и весело пустились въ путь.

ГЛАВА II.

Тяжелое разочарованіе.

УЛИЦА за улицей. Переулокъ за переулкомъ. О, сколько этихъ улицъ и переулковъ! Нѣтъ имъ, кажется, ни счета, ни числа. И всюду огромные дома и роскошные магазины съ заманчиво разложенными въ витринахъ товарами! Глаза у дѣтей разбѣгались при видѣ этихъ витринъ, этихъ товаровъ. Ничего подобнаго имъ не приходилось еще встрѣчать въ жизни. Поневолѣ они останавливались передъ каждымъ окномъ, передъ каждой витриной и подолгу любовались невиданнымъ еще ими зрѣлищемъ. Между тѣмъ быстро наступалъ вечеръ. На улицѣ начинало темнѣть. Зажглись электрическіе фонари, и городъ сразу принялъ праздничный видъ.

Вскорѣ показалась нарядная набережная и начинавшая освобождаться отъ своего зимняго ледяного покрова петербургская красавица-рѣка—Нева.

Сибирочка устала. Маленькія ножки дѣвочки, успѣвшія отвыкнуть отъ движенія за продолжительное время путешествія изъ Сибири, начинали болѣть. На большомъ мосту, перекинутомъ черезъ рѣку, онѣ и совсѣмъ отказались служить.

Замѣтивъ это, Андрюша, не говоря ни слова, поднялъ дѣвочку на руки и понесъ.

— Помнишь, какъ тогда, въ тайгѣ?—напомнилъ онъ ей шопотомъ и улыбнулся.

Сибирочка только молча прижалась къ нему.

Бодро шагая своими сильными молодыми ногами, Андрюша миновалъ мостъ и вступилъ на другой берегъ Невы, всюду по дорогѣ разспрашивая, какъ добраться до Карской улицы. Здѣсь уже не было такихъ огромныхъ домовъ и блестящихъ магазиновъ, а если и были, то они шли вперемежку съ маленькими деревянными двухъэтажными домами. Вскорѣ и этихъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ стало попадаться все меньше на пути. Андрюша съ Сибирочкой, наконецъ, вступили въ узкую, безконечно тянувшуюся въ длину улицу. Чѣмъ дальше углублялись они въ нее, тѣмъ она становилась все пустыннѣе и глуше. Наконецъ, улица повернула въ узкій переулокъ и прямо уперлась въ какой то заборъ. Два, три покосившіеся дома составляли всѣ жилища этого захолустья.

Андрюша поднялъ голову и прочелъ надпись на углу одного изъ нихъ:

— Карская улица!

— Здѣсь! Здѣсь живетъ тетя Аннушка!—разомъ оживилась и обрадовалась Сибирочка и легко соскользнула съ рукъ своего друга.

— Домъ № 2! — прочелъ Андрюша,—какъ разъ этотъ... Пойдемъ!

И они быстро направились къ воротамъ покосившагося деревяннаго домишки.

Минуя ворота и грязный дворъ, они вошли не то въ коридоръ, не то въ какія то сѣни и очутились въ полной темнотѣ. Дѣти стояли, не зная, что предпринять, какъ неожиданно яркая полоска свѣта прорѣзала тьму. Какая то дверь отворилась подлѣ, и растрепанный человѣкъ съ сапожной колодкой въ рукѣ появился на порогѣ.

— Вамъ чего надо? Чего шлястесь по чужимъ квартирамъ? Нищіе, что ли? Нищимъ мы здѣсь не подаемъ!—крикнулъ онъ рѣзкимъ и грубымъ голосомъ.

— Нѣтъ, мы не нищіе,—заторопился пояснить сердитому человѣку Андрюша,—мы тетушку Аннушку, Анну Степановну ищемъ. Она здѣсь живетъ?

— Анна Степановна Вихрова? Коли она, такъ у меня комнату снимаетъ,—смягчился незнакомецъ.—Ступай сюда... Родные вы ей, что ли?—коротко бросалъ онъ на-ходу.

— Она вотъ родная...—указалъ Андрюша на Сибирочку,—ея отца внучка, а я чужой... Укажите, дяденька, какъ намъ къ теткѣ то пройти...

Сердитый человѣкъ съ колодкой пошелъ впередъ, ворча себѣ подъ носъ что то. Дѣти послѣдовали за нимъ. Они переступили какой то порогъ, гдѣ ихъ охватилъ запахъ кислой капусты и какой то затхлости. Несмотря на густые клубы дыма и чада, дѣти увидѣли, что они находились въ чьей то грязной кухнѣ. Здѣсь хлопотала у плиты какая то женщина. Двое ребяти-

шекъ держались за ея подолъ. Въ углу кухни, сидя на полѣньяхъ, два дюжихъ парня трудились надъ сапожной работой.

— Анна Степановна! Гости къ тебѣ! — грубымъ голосомъ крикнулъ хозяинъ квартиры и, широко распахнувъ небольшую дверцу, обитую рваной клеенкой, легонько толкнулъ въ нее дѣтей.

Андрюша и его спутница очутились въ небольшой свѣтлой комнатѣ, большую часть которой занимала кровать, накрытая бѣлымъ пикейнымъ одѣяломъ, съ грудой подушекъ на ней. Въ углу стоялъ, прислоненный къ стѣнѣ, клеенчатый диванъ. Передъ диваномъ столъ, покрытый ситцевой скатертью, и нѣсколько креселъ. Огромный сундукъ въ одномъ углу, комодъ—въ другомъ и кіотъ съ образами составляли все убранство комнатки.

Посреди комнаты стояла женщина въ темномъ домашнемъ платьѣ, съ гладко причесанными волосами, съ худымъ желтымъ лицомъ и съ пронырливыми, маленькими, какъ у мыши, бѣгающими глазками. Эти бѣгающіе глазки горѣли нездоровымъ, лихорадочнымъ огнемъ.

Увидя на порогѣ появившихся дѣтей, женщина невольно попятилась въ глубину комнаты и замахала руками, при чемъ лицо ея сдѣлалось краснымъ какъ ракъ.

— Нищихъ не пускаю... не подаю нищимъ!.. Сама нищая... сама голодаю!..—закричала она и вдругъ рѣши-

тельно направилась въ уголъ, гдѣ стоялъ сундукъ и, опустившись на него, схватилась руками за его края.

— Мы не нищіе... мы въ гости... жить, то есть...— смущенно проронила, выступая на этотъ разъ впередъ, Сибирочка.—Я отъ дѣдушки Михайлыча изъ Сибири... Дѣдушка умеръ, а передъ смертью велѣлъ ѣхать къ тетушкѣ Аннѣ... Вѣдь вы тетя Аннушка Вихрова будете? Ну, вотъ, значитъ, къ вамъ. А я Сибирочка... Шура, о которой вамъ такъ часто писалъ дѣдушка... Сибирочка, дѣдушкина внучка... и я пріѣхала къ вамъ жить... Я и Андрюша, мы оба пріѣхали... Здравствуйте, милая тетя Аннушка.

И, говоря это, Сибирочка протянула руку женщинѣ.

Глаза женщины широко раскрылись, выражая ужасъ. На щекахъ вспыхнулъ яркій румянецъ. Она очевидно сильно испугалась чего то. Глаза-щелки загорѣлись ярче. Дыханіе съ шумомъ вырывалось изъ ея впалой груди.

И вдругъ она, какъ безумная, вскочила съ сундука, на которомъ сидѣла, и, схвативъ за плечи дѣвочку, стала трясти ее изо всей силы.

— Вонъ! —задыхаясь отъ бѣшенства, закричала она.— Вонъ, лгунья, попрошайка, воровка, нищенка! Никакой Сибирочки я не знаю и знать не хочу... Какое мнѣ дѣло до чужой дѣвчонки, попрошайки! Чтобы духу твоего не было здѣсь!.. Вонъ отсюда сію же минуту или я...

Тутъ она съ такой силой отшвырнула отъ себя испуганную на смерть дѣвочку, что если бы не подхватившій ее во время Андрюша, бѣдняжка Сибирочка больно-пребольно ударилась бы головой о косякъ двери.

— Не смѣйте трогать Шуру! Какъ вамъ не стыдно!— крикнулъ, внѣ себя отъ гнѣва, мальчикъ,—попробуйте только обидѣть ее и вы будете имѣть дѣло со мною!

Его голосъ звучалъ твердо, какъ у взрослаго, брови грозно сдвинулись надъ сверкающими черными глазами. Гнѣвъ и негодованіе отразились на красивомъ мужественномъ личикѣ.

Этотъ грозный видъ юнаго защитника привелъ женщину въ окончательное бѣшенство. Со сжатыми кулаками, блѣдная отъ злости и раздраженія, она кинулась на него.

— Вонъ, сію же минуту вонъ, гнусные попрошайки, лгуны, нищіе!.. Ишь, что выдумали! Изъ Сибири пріѣхали! Я вамъ покажу Сибирь! Я васъ отправлю въ полицію, негодные этакіе!—неистово продолжала она свои отчаянные крики. И окончательно выходя изъ себя и размахивая руками, готова была ударить Андрюшу, какъ неожиданно распахнулась дверь и въ комнату вбѣжалъ мальчикъ, закутанный въ широкій теплый плащъ, стройный и тонкій, лѣтъ 14—15 на видъ. Поверхъ плаща лежали его кудри, пышно струившіяся по плечамъ изъ-подъ какой то необычайнаго фасона бархатной шляпы-берета. Когда мальчикъ проворнымъ

— Вонъ, гнусные попрошайки!..

движеніемъ сбросилъ съ себя плащъ, а затѣмъ пальто, Андрюша и Сибирочка невольно вскрикнули отъ изумленія.

На мальчикѣ былъ надѣтъ какой то странный костюмъ изъ розоваго вязанаго шелка, облегавшій все его тѣло такъ плотно, что оно казалось совсѣмъ лишеннымъ одежды. Только коротенькія зеленыя шелковыя панталоны съ блестками закрывали его бедра и часть ногъ до колѣнъ. На ногахъ мальчика были надѣты высокіе кожаные сапоги, ничего общаго не имѣвшіе съ его страннымъ нарядным костюмомъ.

ГЛАВА III.

Никсъ рѣшаетъ дѣло.

— Вотъ и я! Только что кончилась репетиція въ театрѣ и я пріѣхалъ къ тебѣ. Не успѣлъ даже переодѣться. Очень спѣшилъ. А ты опять сердишься, матушка? Перестань, вѣдь это вредно тебѣ...—произнесъ странный мальчикъ и тутъ же, окинувъ недоумѣвающимъ взглядомъ незнакомыхъ ему дѣтей и небрежно кивнувъ въ ихъ сторону головою, спросилъ:

— А эти откуда?

Анна Степановна Вихрова, какъ звали женщину, бросилась къ сыну.

— Это маленькіе попрошайки, дармоѣды,—взволнованно залепетала она,—Богъ знаетъ откуда прослышавши про покойнаго моего отца, который умеръ въ Сибири, явились сюда и хотятъ навязаться намъ въ нахлѣбники... хотятъ отнять у насъ послѣднія крохи... они... они...

Тутъ Вихрова такъ сильно закашлялась, что не могла говорить больше.

— Полно, пожалуйста, матушка! Тебѣ нечего волноваться даромъ... Дай мнѣ поговорить съ дѣтьми... Я все устрою... только ты то не горячись. Ты мѣшаешь своими криками сообразить въ чемъ дѣло!—не совсѣмъ вѣжливо по отношенію къ матери произнесъ съ гримасою розовый мальчикъ, стараясь и тономъ своей рѣчи, и манерами изображать взрослаго Затѣмъ, подойдя къ Сибирочкѣ, онъ рѣзко спросилъ:

— Ты откуда еще явилась?

Сибирочка хотѣла отвѣтить и не могла. Ея смущеніе росло съ каждой минутой. Тогда Андрюша, видя колебаніе своей подруги, отвѣтилъ за нее:

— Это Шура или Сибирочка. У нея умеръ дѣдушка... Осталась одна тетя Аннушка, о которой ей много говорилъ покойный дѣдъ... вотъ она и пріѣхала къ ней изъ Сибири по его желанію, какъ только онъ умеръ. Вотъ и все...

— Мы знаемъ, что дѣдушка умеръ въ Сибири, замерзъ въ тайгѣ, и что даже не нашли его трупа,—про-

изнесъ сухо мальчикъ,—объ этомъ намъ писали уже. Но у него не могло быть никакой внучки. Правда, былъ когда то пріемышъ-дѣвочка, но онъ прислалъ ее къ намъ, какъ только узналъ, что ее разыскиваютъ ея родители, и мы отдали дѣвочку отцу, который оказался очень знатнымъ бариномъ. Но больше у него не воспитывалось дѣтей. Это такъ же вѣрно, какъ меня зовутъ Никсомъ Вихровымъ, и вы только напрасно пріѣхали сюда. Теперь, я думаю, вы сами это понимаете. Что же вамъ нужно больше?—заключилъ онъ рѣзко, почти грубо, свою рѣчь.

— Вы правы... намъ больше ничего не нужно,—отвѣчалъ Андрюша, въ то время, какъ у Сибирочки хлынули слезы изъ ея синихъ глазъ.

— Намъ ничего не нужно,—уже насмѣшливо и бодро продолжалъ Андрюша,—и мы уйдемъ сейчасъ отсюда. Должно быть дѣдушка Шуры не предвидѣлъ, что у него такіе недобрые дочь и внукъ въ Петербургѣ, а то бы онъ не посовѣтовалъ ѣхать къ нимъ своей милой Сибирочкѣ... Ну, да Богъ милостивъ и мы не пропадемъ съ нею нигдѣ. Неправда ли, Шура?—обратился онъ ласково къ дѣвочкѣ.

Та только кротко взглянула на него сквозь слезы.

— Прощайте. Послѣ такой встрѣчи намъ дѣйствительно нечего оставаться у васъ,—произнесъ Андрюша съ горькой усмѣшкой.—Пойдемъ, Шура! Не плачь, мы ужъ какъ-нибудь устроимся,—шепнулъ онъ на ушко

тихо всхлипывающей дѣвочкѣ и повелъ ее изъ негостепріимной комнаты, куда съ такими надеждами они стремились нѣсколько минутъ тому назадъ.

Тетка Анна и розовый мальчикъ, назвавшій себя Никсомъ, остались одни.

Съ минуту длилось молчаніе. Никсъ первый прервалъ его.

— Матушка, мы скверно поступили,—произнесъ онъ.

— Чѣмъ скверно, дитя мое?—спросила Вихрова, и ея рѣзкій, грубый голосъ зазвучалъ теперь неожиданно ласково, почти кротко въ разговорѣ съ сыномъ.

— А то скверно, что мы попадемся и пропадемъ ни за грошъ, если эти глупые ребята будутъ сновать по городу и всѣмъ и каждому разсказывать о своей судьбѣ... Лучше бы было ихъ прибрать въ сторонку. Ты напрасно встрѣтила ихъ такою бранью и криками. Уже это могло показаться подозрительнымъ дѣтямъ... И еще напрасно я имъ сказалъ про бывшую у насъ дѣвочку...

— Но что же было дѣлать, Николаша? Я такъ испугалась при видѣ ея, этой дѣвчонки, которая, судя по письму, полученному нами изъ поселка, считалась пропавшей безъ вѣсти послѣ гибели моего отца... И вдругъ она воскресаетъ снова и появляется здѣсь, когда... когда... О, Боже мой! да вѣдь съ однимъ ея появленіемъ здѣсь можетъ рушиться все наше счастье!

Женщина говорила въ страшномъ волненіи и вся дрожала какъ въ лихорадкѣ.

— Ну, до этого еще далеко, положимъ... А знаешь, я вотъ что придумалъ, мама?—снова заговорилъ мальчикъ.—Дѣвочка эта хороша, какъ картина. Такую смазливую рожицу давно уже разыскиваетъ мистеръ Билль... Появленіе такой дѣвочки въ клѣткѣ дикихъ звѣрей вызвало бы бурю восторга среди публики... Кстати, мистеръ Билль этою осенью уѣзжаетъ со своими львами... Я не могу послѣдовать за нимъ. Ты меня не отпустишь, да и не къ чему даже. У тебя достаточно денегъ лежитъ въ твоемъ сундукѣ, благодаря щедрости нашего благодѣтеля... Мы уѣдемъ куда-нибудь подальше, купимъ себѣ небольшую усадьбу и заживемъ припѣваючи... А дѣвчонка эта могла бы поступить въ нашъ театръ, къ укротителю львовъ мистеру Биллю. Такимъ образомъ мы избавимся отъ нея и отъ всякихъ непріятностей съ нашимъ благодѣтелемъ и сдѣлаемъ пріятное мистеру Биллю, которому, я увѣренъ, придется по сердцу это дитя. Мы же, какъ только моя служба въ театрѣ окончится этою осенью, уѣдемъ подальше. Деньги у насъ есть и жалѣть намъ здѣсь некого,—докончилъ онъ свою рѣчь тономъ, не допускающимъ возраженій.

— Какъ некого? А наша бѣдная Сашута? Ты забылъ о ней?—съ упрекомъ въ голосѣ проговорила Вихрова, обращаясь къ сыну.

— Полно, матушка, что за нѣжности такія! Сестра Саша устроена отлично. Я первый не прочь быть на ея мѣстѣ. Тебѣ ли заботиться о ней!? Наконецъ, когда

благодѣтель умретъ, Саша узнаетъ всю правду и вернется къ намъ богатой наслѣдницей. Развѣ это худо?

— Хорошо, Николенька, чего ужъ лучше! Лишь бы только мнѣ не умереть раньше князя!—задумчиво проговорила женщина.

—О, ты будешь жить еще сто лѣтъ, матушка!—весело кричалъ Ника.—Свѣжій воздухъ въ имѣніи, гдѣнибудь на югѣ, возстановитъ твои силы. Только надо устроить это дѣло съ дѣтьми, и какъ можно скорѣе! Не дай Богъ, чтобы кто-нибудь узналъ о насъ настоящую истину... Тогда мы пропали... Я беру это на себя. Я попрошу мистера Билля взять дѣвочку, а мальчугана рекомендую директору театра „Развлеченіе“. Онъ дастъ ему мѣсто, ну, хотя бы простого служителя на первыхъ порахъ... а тамъ мистеръ Билль уѣдетъ въ началѣ осени въ Америку, и ты избавишься навѣки и отъ этой, какъ снѣгъ на голову, упавшей къ намъ Сибирочки и избѣжишь большой непріятности. Не правду ли я говорю?

— Ты всегда говоришь правду, мой милый мальчикъ. Ты всегда правъ!—проговорила Вихрова и поцѣловала сына, который очень неохотно принялъ этотъ поцѣлуй.

— Ну-съ, а теперь я побѣгу догонять этихъ дурней! А ты приготовь имъ поѣсть что-нибудь, матушка. На пустой желудокъ, изможденныхъ и усталыхъ, ихъ нечего и думать вести ни къ мистеру Биллю, ни къ директору театра. Такихъ усталыхъ заморышей ни тотъ, ни другой не возьмутъ!

И говоря это, мальчикъ, котораго звали въ одно и то же время и Никсомъ и Николенькой, накинулъ пальто поверхъ своего страннаго костюма, закутался въ плащъ и, бодро насвистывая себѣ подъ носъ какую то веселую пѣсенку, вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА IV.

О томъ, что было пять лѣтъ тому назадъ.

НИКСЪ скрылся за порогомъ двери, а Анна Степановна Вихрова погрузилась въ тревожныя думы. То, о чемъ она думала, случилось ровно пять лѣтъ тому назадъ.

Былъ такой же мартовскій вечеръ. Она возвращалась съ кладбища домой. На кладбищѣ она только что похоронила мужа, который, будучи портнымъ, кормилъ до своей смерти семью. Теперь одинокая вдова осталась съ дѣтьми безъ куска хлѣба...

Съ нею шелъ ея десятилѣтній сынъ Николай и четырехлѣтняя дочь Саша.

Весь путь отъ кладбища къ дому Анна Степановна продумала горькую думу: что она будетъ дѣлать теперь? Чѣмъ прокормить дѣтей? Если бы ея отецъ находился съ нею, ей было бы значительно легче. Онъ бы научилъ ее своимъ совѣтомъ. Но отецъ находился въ далекой Сибири и весь отдался воспитанію той маленькой дѣ-

вочки, которую такъ чудесно нашелъ въ лѣсной чащѣ. Объ этой дѣвочкѣ онъ писалъ постоянно въ своихъ письмахъ и просилъ дочь въ случаѣ его смерти принять ее къ себѣ.

Пока былъ живъ мужъ Анны Степановны, всей семьѣ Вихровыхъ жилось недурно.

Теперь невольно приходилось голодать.

Правда, старикъ-отецъ научилъ Анну Степановну переносить нужду, но о нуждѣ ей меньше всего хотѣлось думать. Всѣ ея мысли были прикованы къ дѣтямъ, которыхъ она любила безумно.

Что будетъ съ ними теперь, послѣ смерти отца?

„Надо идти на мѣсто—служить горничной или нянней,—рѣшила она тутъ же,—а дѣтей отдать въ пріютъ".

Но мѣстъ, гдѣ требовались няни или горничныя, Вихрова не знала и, помня, что очень часто въ газетахъ публикуются требованія на прислугу, купила газету по дорогѣ и принесла ее домой.

Каково же было удивленіе Анны Степановны, когда она, раскрывъ первый листъ объявленій, прочла:

«Убитый горемъ отецъ, недавно пріѣхавшій изъ-за границы, гдѣ онъ лечился четыре года въ лечебницѣ нервныхъ болѣзней, убѣдительно проситъ еще разъ добрыхъ людей сообщить ему о маленькой дочери, четыре года тому назадъ оставленной на сибирской лѣсной дорогѣ привязанной къ дереву ради спасенія ея отъ волковъ и исчезнувшей неизвѣстно куда на слѣдующее утро».

Тутъ же, дальше, описывались и примѣты дѣвочки, и ея одежда, и золотой крестикъ на ея груди съ надписью: „Спаси, Господи, рабу твою Александру". Значился и адресъ очень богатаго и знатнаго барина, жившаго здѣсь же, въ столицѣ.

Анна Степановна пришла въ большое волненіе, прочитавъ эту замѣтку. Она сейчасъ же рѣшила, что пріемная внучка ея отца и была та знатная малютка, которую теперь, по прошествіи четырехъ лѣтъ, разыскивалъ ея несчастный отецъ. Первой мыслью было пойти по напечатанному въ газетѣ адресу и сообщить отцу дѣвочки, что его дитя находится въ Сибири у стараго Степана Вихрова, птицелова сибирскихъ лѣсовъ. Но вдругъ новая мысль осѣнила внезапно голову Вихровой. Эта мысль была очень смѣла и преступна. „Что, если выдать за малютку—дочь богача мою собственную дочурку Сашу?—вихремъ пронеслось въ мозгу женщины.—Саша такая же бѣлокуренькая, нѣжненькая, какъ настоящая барышня, и зовутъ ее такъ же и лѣтъ ей столько же отъ роду. Все равно отецъ никогда не пріѣдетъ сюда съ дѣвочкой, а если и пріѣдетъ, то никому и въ голову не придетъ искать у него ребенка... А Сашу можно осчастливить этимъ навѣкъ. Только надо вбить въ голову четырехлѣтней крошки, что она не родная дочь, и что ее привезли изъ Сибири, гдѣ она была у дѣда съ самыхъ младенческихъ лѣтъ. Надо научить ее говорить это людямъ ради ея же пользы. Богатый и знатный ба-

ринъ наградитъ ее, Анну Степановну, да еще къ тому же ея Сашута будетъ воспитываться, какъ барышня, будетъ ходить въ шелку и бархатѣ, жить въ роскоши и довольствѣ. И никто не узнаетъ, что Сашута вовсе не та дѣвочка, которую оставили въ Сибири...

Задумано—сдѣлано.

Подѣлившись этою мыслью со своимъ десятилѣтнимъ сынишкой и строго-настрого наказавъ ему молчать обо всемъ, Вихрова пріодѣла и пріумыла свою Сашутку и, наказавъ ей какъ вести себя, повела малютку по указанному въ газетѣ адресу. Ее тотчасъ же привели къ молодому еще, но уже съ замѣтной сѣдиной въ волосахъ, господину, и едва она успѣла разсказать ему, какъ ея отецъ нашелъ въ Сибири, въ лѣсу, привязаннаго къ дереву ребенка, и что этотъ ребенокъ и есть Сашута, какъ господинъ, не помня себя, съ рыданіемъ заключилъ въ объятія дѣвочку.

Онъ цѣловалъ ее безъ счета и твердилъ одно:

— Она! Она! Такая же нѣжненькая, бѣлокурая... Дѣвочка, родная моя! Наконецъ то я нашелъ тебя!—и онъ проливалъ безъ конца радостныя слезы.

— Доподлинно она, сударь,—самымъ искреннимъ тономъ подтверждала Вихрова.—Мнѣ ее мой отецъ три года назадъ привезъ изъ Сибири... И крестикъ былъ у нея съ надписью: „Спаси, Господи, рабу твою Александру". Да крестикъ то мы продали въ тяжелую минуту, когда нужда была... Дѣвочка три года жила у насъ и не

знали вовсе, что не родная она дочь мнѣ и мужу... Берегли и лелѣяли мы ее не хуже родного сына... Хотѣли въ газетѣ печатать объ этомъ, да не знали, какъ это сдѣлать, да, признаться, и сами привязались къ дѣвочкѣ—жаль было ее возвращать.

— О!—произнесъ господинъ,—вы и не нашли бы тогда меня. Я только недавно вернулся изъ-за границы, гдѣ лечился четыре года послѣ смерти жены и потери дочери, которую вы теперь возвратили мнѣ! Я былъ очень боленъ, но особенно мучился я при мысли, что самъ былъ виновникомъ гибели моей дочурки... Я взялъ ее съ собою въ поѣздку; несмотря на хрупкій возрастъ моего ребенка, я повезъ его къ моему другу, который жилъ въ Сибири. И вотъ въ дорогѣ на насъ напали волки. Я былъ убѣжденъ, что погибну, и хотѣлъ спасти ребенка отъ смерти... О, дитя мое, дорогое дитя!..

И онъ снова со слезами обнялъ недоумѣвающе глядѣвшую на него Сашуту Вихрову, которую вполнѣ принялъ за свою пропавшую дочку, цѣловалъ и ласкалъ Сашу и благодарилъ Анну Степановну.

Потомъ онъ щедро наградилъ Вихрову, прося во всякое время навѣщать дѣвочку, которую онъ оставилъ у себя.

Онъ осыпалъ ласками и подарками свою мнимую дочурку, приставилъ къ ней нянюшекъ, боннъ, гувернантку, одѣлъ ее, какъ куколку. Словомъ, для бѣдной маленькой Саши наступило райское житье.

Осчастливленная такимъ оборотомъ дѣла, Анна Степановна вернулась домой. Все улыбалось ей теперь. Ея маленькая дочурка Саша будетъ важной и богатой барышней, а она сама, ея мать, съ сыномъ Николаемъ не увидитъ болѣе нужды.

Но нѣкоторая доля страха не оставляла ни на минуту душу Вихровой. А что, если люди узнаютъ объ ея поступкѣ?

Что, если какъ-нибудь дойдетъ это до ея отца въ Сибирь?

Вѣдь это такое огромное преступленіе—выдача одного ребенка за другого!

И, волнуясь этимъ вопросомъ, она тутъ же написала отцу, что ея дочь Саша умерла будто-бы тотчасъ же послѣ смерти мужа. Этимъ Вихрова надѣялась, такъ сказать, „спрятать концы въ воду“ — скрыть подмѣну дѣвочки. Затѣмъ надо было скрыть отъ людей, что у нея появились большія деньги, подаренныя ей знатнымъ господиномъ. И вотъ Анна Степановна рѣшила отдать сына, до поры до времени, директору театра „Развлеченіе“, который охотно принялъ красиваго, сильнаго и ловкаго мальчика въ свою труппу. Директоръ передалъ его въ обученіе своему компаньону, содержателю дрессированныхъ львовъ, англичанину мистеру Биллю, дававшему въ театрѣ „Развлеченіе“ представленія со своими дрессированными львами.

И мистеръ Билль сдѣлалъ мальчика укротителемъ львовъ, переименовавъ его изъ Николаши Вихрова въ „мосье Никса“. Способному и сильному юношѣ платили

жалованье, какъ взрослому. На это жалованье они жили съ матерью, а все то, что получалось отъ „благодѣтеля“ (какъ мать и сынъ называли между собою мнимаго отца Саши), Вихрова прятала въ большой сундукъ впредь до лучшихъ временъ.

— Какъ умретъ благодѣтель, Сашу возьмемъ къ себѣ и заживемъ спокойно,—говорила она не разъ сыну и тяжело вздыхала при этомъ.

Пока же Анна Степановна копила деньги, отказывая себѣ во всемъ и ютясь въ скромной комнаткѣ у сапожника-хозяина, на краю города. Страхъ, что ея проступокъ откроется, дѣлалъ Вихрову нервнѣе и болѣзненнѣе съ каждымъ днемъ. Она не спала по ночамъ. Совѣсть мѣшала ей жить спокойно. А тутъ еще разыгралась болѣзнь, унаслѣдованная ею отъ отца. Анна Степановна стала кашлять и ощущать сильныя боли въ груди. Ей необходимо было перемѣнить свою скромную комнатку на болѣе просторную и удобную, но она не рѣшалась. Она боялась, что люди допытаются, откуда у нея деньги, выдадутъ ея тайну, и тогда ихъ благодѣтель прогонитъ ея Сашу и, что еще хуже, засадитъ ихъ всѣхъ въ тюрьму.

Эти мысли особенно назойливо мучили ее теперь, послѣ того, какъ она увидѣла Сибирочку, ту самую Сибирочку, мѣсто которой заняла теперь ея—Анны Степановны—маленькая дочь.

. . . . . .

— А вотъ и мы! Вернулись къ тебѣ, матушка. Накорми насъ хорошенько и пріюти до завтра, а завтра утромъ я сведу нашихъ гостей, куда мы уговорились. Тамъ они найдутъ себѣ теплый кровъ и вѣрный кусокъ хлѣба.

И говоря это, Никсъ небрежно сбросилъ свой плащъ и пальто и очутился снова въ своемъ странномъ розовомъ костюмѣ.

Его мать съ трудомъ поборола себя и принялась хлопотать съ ужиномъ въ сосѣдней кухнѣ.

Вошедшіе вслѣдъ за Никсомъ Андрюша и Сибирочка остановились нерѣшительно у порога, не зная, что имъ дѣлать и зачѣмъ ихъ вернули сюда.

ГЛАВА V.

Мистеръ Билль и господинъ директоръ.—Дѣло сдѣлано.—Легко пріобрѣтенный врагъ.

ТЕАТРЪ «РАЗВЛЕЧЕНІЕ»

Ежедневное театральное представленіе, послѣ котораго—дрессированные львы, силачка-негритянка, эквилибристы, клоуны, воздушные полеты, и пр., и пр.

Такъ гласила заманчиво расписанная пестрыми буквами афиша, прикрѣпленная въ видѣ флага къ огромному шесту, вбитому въ землю у самаго подъѣзда театра.

Андрюша, прежде чѣмъ войти въ подъѣздъ вмѣстѣ со своими спутниками, пробѣжалъ ее съ начала до конца.

— Ну, нечего глазѣть то безъ толку! За это, братъ, деньги не платятъ!—рѣзко замѣтилъ ему Никсъ, кутаясь въ свой плащъ и бросая по сторонамъ сердитые взгляды.

Никсъ былъ не въ духѣ. Ему пришлось мало спать въ эту ночь. Клеенчатый диванъ пришлось уступить дѣвочкѣ и самому спать съ Андрюшей въ каморкѣ за кухней, что вовсе не улыбалось избалованному мальчугану. Къ тому же онъ каждую минуту боялся, что хозяинъ-сапожникъ, заинтересовавшись неожиданными гостями, начнетъ разспрашивать его съ матерью, откуда они взялись.

„Ужъ скорѣе бы наступала осень, тогда мистеръ Билль уѣдетъ изъ Петербурга со своими львами и увезетъ дѣвчонку!“—досадливо думалъ Никсъ, вводя своихъ спутниковъ въ большую полусвѣтлую комнату, надъ дверями которой красовалась надпись: *пріемная директора*.

— Вотъ, Эрнестъ Эрнестовичъ, не понадобится ли вамъ мальчикъ въ услуженіе?—громко проговорилъ онъ, обращаясь съ поклономъ къ толстому маленькому человѣчку съ совершенно лысой головой, который о чемъ то оживленно бесѣдовалъ съ худымъ, высокимъ, рыжимъ господиномъ въ высокой, блестящей, точно отполированной, шляпѣ и съ сигарой въ зубахъ.

И толстый человѣчекъ, и высокій рыжій господинъ обернулись сразу.

— Ага, это ты, Никсъ! Опоздалъ на утреннюю репетицію, мальчуганъ. Мистеръ Билль очень сердился. Неправда ли, вы сердились, мистеръ Билль?—обратился директоръ къ высокому господину.

Рыжій господинъ хладнокровно вынулъ изо рта сигару и, взглянувъ своими оловянными глазами на Никса, проговорилъ по-русски, не совсѣмъ правильно выговаривая:

— Я будетъ дѣлать вычетъ изъ твоего жалованья. Я будетъ штрафовать тебя, чтобы не зѣвалъ по улицамъ, когда надо учиться на репетиціи, а теперь...

Тутъ оловянные глаза мистера Билля остановились на Сибирочкѣ и стали еще оловяннѣе отъ выразившагося въ нихъ полнаго удивленія.

— Откуда этотъ красивый дѣвочекъ?—спросилъ онъ Никса.

— Я привелъ ее въ надеждѣ, что вы оставите ее у себя, а этого мальчугана я надѣялся рекомендовать Эрнесту Эрнестовичу,—принимая покорно-кроткій видъ, произнесъ Никсъ.

— Хорошо. Я оставляйтъ у себя красивую дѣвочекъ. Она будетъ давайтъ представленіе въ клѣткѣ Цезаря и Юноны!—процѣдилъ сквозь свои желтые зубы мистеръ Билль и погладилъ по головѣ смущенную, оробѣвшую Сибирочку.

— А ты что умѣешь дѣлать, мальчуганъ?—одобряюще похлопывая по плечу Андрюшу, спросилъ, добродушно улыбаясь, директоръ театра.—Умѣешь ты ходить по канату?

— Нѣтъ,—коротко отвѣчалъ мальчикъ.

— Умѣешь быть акробатомъ?

— Тоже нѣтъ.

— Плясать и пѣть?

— Нѣтъ.

— Такъ что же ты умѣешь дѣлать?

— Пока ничего, но буду умѣть дѣлать все, чему вы меня выучите!—смѣло отвѣчалъ мальчикъ, вперивъ въ лицо толстяка свои честные открытые глаза.

— Ха, ха, ха, чудесный отвѣтъ! Я не ожидалъ ничего подобнаго! — расхохотался Эрнестъ Эрнестовичъ. — Ты мнѣ нравишься, мальчикъ, и мы будемъ друзьями, если ты не окажешься негодяемъ, лѣнтяемъ и бездѣльникомъ.

— Разумѣется, я не окажусь имъ!—отвѣчалъ, весь вспыхнувъ до корней волосъ, Андрюша.

— Почему? — спросилъ, высоко поднявъ брови, толстякъ.

— Да потому, что я, прежде всего, честный человѣкъ!—безъ запинки, самымъ серьезнымъ образомъ, отвѣчалъ Андрюша.

— Еще одинъ чудесный отвѣтъ,— сказалъ улыбаясь толстый директоръ,—такъ вотъ, мистеръ Билль беретъ твою сестру, а я беру тебя...

— Эта дѣвочка не моя се...—началъ было Андрюша, но стоявшій рядомъ съ нимъ Никсъ изо всей силы ущипнулъ его за руку.

— Говори всѣмъ, что это твоя сестра,—прошепталъ онъ чуть внятно, нагнувшись какъ бы нечаянно къ самому уху Андрюши.

— Это будетъ ложь, а я никогда не лгу,—спокойно, такимъ же шопотомъ отвѣчалъ Андрюша.

— Но я дамъ тебѣ денегъ за это.

— Ни за деньги, ни даромъ вы не заставите меня солгать...

— Берегись, въ такомъ случаѣ ты будешь моимъ врагомъ!

— Я никого и ничего не боюсь...

— О чемъ вы шепчетесь?—неожиданно огорошилъ обоихъ мальчиковъ Эрнестъ Эрнестовичъ своимъ вопросомъ.

Никсъ, вспыхнувъ до ушей, шепнулъ снова:—Не выдавай меня!—и тутъ же сталъ оправдываться передъ мистеромъ Биллемъ въ томъ, что опоздалъ немного.

Эрнестъ Эрнестовичъ молча нѣсколько минутъ разглядывалъ Андрюшу.

— Ты красивый и умный мальчикъ и навѣрное ученье дастся тебѣ не слишкомъ трудно. На первое время ты будешь клоуномъ и станешь смѣшить публику въ антрактахъ.

— Я не умѣю смѣшить публику,—спокойно отвѣчалъ мальчикъ.

— О, это не трудно. Ты станешь выходить съ нашимъ старымъ клоуномъ Дюруа, и онъ научитъ тебя, что надо дѣлать и что говорить... О жалованьѣ мы сговоримся послѣ. Согласенъ?

— Вполнѣ. Я прошу объ одномъ: не разлучать меня съ Сибирочкой.

— Съ кѣмъ?—снова недоумѣвающе поднялъ брови Эрнестъ Эрнестовичъ.

— Съ бѣлокурой дѣвочкой. Ее зовутъ Сибирочкой.

— Съ его сестрою!—почти выкрикнулъ въ голосъ Никсъ.

— Это твоя сестра? Какое у нея хорошенькое имя...

— Да, это его сестра!—отвѣтилъ снова очень громко Никсъ за Андрюшу.

— Онъ говоритъ неправду, — спокойно и твердо произнесъ Андрюша.—Сибирочка чужая мнѣ.

— Ты лжешь!—засмѣялся Никсъ,—что за причина скрывать, что она тебѣ сестра?!

— Я говорю чистую правду...

— Не спорьте, дѣти, — снова вмѣшался Эрнестъ Эрнестовичъ,—сестра ли тебѣ или нѣтъ эта дѣвочка— ничто не измѣнитъ дѣла... Ты останешься служить у меня и поступишь подъ начало Дюруа, а дѣвочку беретъ мистеръ Билль въ свою труппу. Жить вы будете у меня на квартирѣ. Теперь же довольно болтовни. Пора начинать второе отдѣленіе репетиціи. Эй, кто тамъ есть?—крикнулъ, высовываясь за дверь, дирек-

торъ.—Давайте второй звонокъ. А ты, Никсъ, проводишь дѣтей на сцену.

— Хорошо, Эрнестъ Эрнестовичъ,—отвѣтилъ, нагнувъ голову, Никсъ и довольно рѣзко обратился къ Андрюшѣ:

— Ну, чего-жъ ты стоишь, разиня ротъ! Ступай за мною вмѣстѣ съ дѣвочкой,—и уже шопотомъ добавилъ такъ тихо, что только одинъ Андрюша могъ разслышать его:—Деревенщина! Не захотѣлъ моей дружбы, выставилъ меня лгуномъ передъ начальствомъ, я тебѣ врагомъ буду... Узнаешь ты меня скоро, дружочекъ ты мой!

И сердито блеснувъ загорѣвшимися глазами, Никсъ прошелъ впередъ.

ГЛАВА VI.

Новые люди.—Цезарь и Юнона.

КОРИДОРЪ, въ которомъ горѣли небольшія электрическія лампочки, показался Андрюшѣ и Сибирочкѣ очень длиннымъ въ первую минуту, пока они шли по немъ вслѣдъ за ворчавшимъ себѣ что то подъ носъ Никсомъ. Въ концѣ коридора была небольшая дверь, откуда лились потоки свѣта и слышались громкіе голоса, какіе то хлопки и смѣхъ.

— Ступайте впередъ. Тамъ сцена. Мистеръ Билль и Эрнестъ Эрнестовичъ сейчасъ придутъ туда. Мнѣ надо по дѣлу. Да раздѣвайтесь же, наконецъ! Не въ этихъ же неуклюжихъ отрепьяхъ вы полѣзете туда!—уже совсѣмъ грубо обратился къ Андрюшѣ и его спутницѣ ихъ новый знакомый.

Потомъ онъ въ одну секунду скрылся куда то, точно провалился сквозь землю.

Андрюша и Сибирочка остались одни. Въ нѣсколько секундъ они дошли до конца коридора, который теперь значительно расширился, и очутились на порогѣ двери.

Шумъ, хлопанье въ ладоши и крики,—все это разомъ оглушило ихъ. На сценѣ, залитой электрическимъ свѣтомъ, прыгали и кувыркались какіе то люди. Они становились то на плечи другъ другу, то на голову одинъ другому, образуя высокую живую пирамиду. Ниже всѣхъ стоялъ на полу толстый и сильный, какъ барсъ, человѣкъ; на его плечахъ, растопыривъ ноги, находился другой; на головѣ этого другого стоялъ третій; на вытянутыхъ рукахъ этого третьяго, едва касаясь руками его ладоней, ногами кверху, какъ бы повисъ четвертый, а на пяткахъ четвертаго плясалъ какой то странный танецъ, весь состоящій изъ плавныхъ тѣлодвиженій, хорошенькій и подвижной, какъ обезьянка, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, съ безпечнымъ, веселымъ лицомъ.

— Это знаменитый русскій акробатъ Ивановъ со своею труппой... А вы вѣрно новые артисты?—услышалъ Андрюша чей то нѣжный голосъ за собою.

Говорила тоненькая, высокая дѣвочка, немногимъ старше Сибирочки, красивая и нѣжная блондинка, хрупкая, какъ цвѣтокъ.

— Я Герта, дочь директора Шольца,—произнесла дѣвочка, улыбаясь задушевной и милой улыбкой, пожимая руку Андрюши и цѣлуя его спутницу въ ея блѣдную щечку.

— Ахъ, что за прелестное дитя!—воскликнула она съ восхищеніемъ, только сейчасъ разглядѣвъ прелестные локоны Сибирочки и ея искрящіеся, какъ звѣздочки, синіе глазки.—Чудо, что за дѣвочка! Я должна показать тебя моей Эллѣ, голубка! О, ты еще не видала Эллы?.. Не испугайся ее... У Эллы черное тѣло, но душа розовая, какъ утренняя заря. Элла, моя Элла, гдѣ ты?

— Элла здѣсь, госпожа!—послышался грубый, какъ изъ трубы, глухой голосъ, и Сибирочка съ невольнымъ крикомъ попятилась назадъ. Передъ нею и Андрюшей появилось странное существо, черное, какъ сажа, со сверкающими бѣлками посреди общей черноты лица, съ курчавыми короткими волосами, съ расплющеннымъ носомъ и толстой, синевато-бурой выпяченной губой. На небольшомъ, но удивительно сильномъ, съ крѣпкими мускулами, тѣлѣ негритянки была надѣта полосатая,

Сибирочка попятилась назадъ...

желтая съ черным, юбка и бѣлая матроска съ краснымъ воротникомъ. Огромныя золотыя кольца были продернуты въ ея уши, а на голой шеѣ, такой же сильной и мускулистой, какъ и все тѣло, висѣло въ нѣсколько рядовъ обмотанное коралловое ожерелье.

— Вотъ мой другъ—Элла. Она называетъ меня своею госпожею, но мы съ нею подруги. Она плохо говоритъ по-русски или, вѣрнѣе, совсѣмъ не говоритъ, кромѣ двухъ фразъ—„Элла здѣсь, госпожа“ и „Элла тебя любитъ“. Но сердце у нея золотое, и она будетъ вамъ другомъ. Ее выписали прошлою осенью сюда изъ Африки. Она негритянка. Пожмите ея руку. Не бойтесь ея черноты.

И маленькая Герта такъ ласково взглянула на Андрюшу и его маленькую подругу, что тѣ не имѣли духу отказать ей въ ея просьбѣ и оба протянули руки негритянкѣ. Элла нѣжно, какъ хрупкую вещицу, пожала кончечные пальчики Сибирочки и такъ тряхнула руку Андрюши, что у мальчика буквально искры посыпались изъ глазъ.

— Элла показывается публикѣ, какъ силачка,—поторопилась объяснить Герта своимъ новымъ знакомымъ.

— О, она, должно быть, страшно сильна,—согласился Андрюша,—я думалъ, что она собирается оторвать мнѣ руку или вывихнуть плечо!—прибавилъ онъ со смѣхомъ.

— Это она по дружбѣ... А вотъ когда Элла разсердится, то, дѣйствительно, ея сила можетъ многимъ по-

вредить. Смотрите, смотрите, она уже начинаетъ сердиться,—проговорила Герта, живо оборачиваясь назадъ.

Братья акробаты окончили между тѣмъ свои упражненія и, спрыгнувъ, какъ мячики, на полъ, окружили Эллу.

Двое старшихъ, которымъ было уже, повидимому, лѣтъ около двадцати, сильные и рослые парни, подошли къ негритянкѣ.

— Слушай ты, черная кукла, продай мнѣ твои кораллы, я подарю ихъ моей сестрѣ!—произнесъ старшій и безъ церемоніи схватился за красное ожерелье, обмотанное вокругъ черной шеи Эллы.

— А мнѣ продай твои серьги! Я надѣну ихъ себѣ на носъ,—вторилъ брату второй и дотронулся пальцами до чернаго уха негритянки.

Та что то промычала въ отвѣтъ и сердито тряхнула головою. Но сорванцы не унимались и, какъ ни отмахивалась отъ нихъ негритянка, приставали къ ней, уговаривая ее отдать имъ ея драгоцѣнности.

— Ну, зачѣмъ тебѣ онѣ? Вѣдь ничто не можетъ украсить такую чумазую глупую физіономію,—расхохотался старшій акробатъ и потянулъ къ себѣ со смѣхомъ коралловую нитку.

Тутъ произошло нѣчто неожиданное. Коралловая нитка не выдержала и порвалась. Съ нею вмѣстѣ порвалось послѣднее терпѣніе Эллы. Что послѣдовало затѣмъ, никто изъ присутствующихъ на сценѣ

не могъ предвидѣть. Элла съ необычайною живостью схватила за шею одной рукою одного акробата, другою— другого и, сблизивъ ихъ головы, прехладнокровно постучала ими одна о другую такъ, что оба акробата буквально взвыли отъ боли. Потомъ съ тѣмъ же глухимъ ворчаньемъ, напоминающимъ рычаніе дикаго звѣря въ дѣвственныхъ лѣсахъ Африки, Элла швырнула сначала на полъ одного юнаго акробата, затѣмъ, какъ полѣно, сложила на него другого и, какъ ни въ чемъ не бывало, преспокойно усѣлась на эту живую скамью. Оба акробата извивались, какъ змѣи, шипѣли, кричали и визжали, громко протестуя и бранясь подъ тяжестью сидѣвшей на нихъ силачки, но ничто не помогало.

Элла продолжала сидѣть, торжествующе поглядывая на всѣхъ и ярко поблескивая своими черными глазами. И только новый звонокъ, пронзительно зазвенѣвшій въ коридорѣ, и появленіе директора, мистера Билля и Никса нарушили эту сцену.

Мистеръ Билль и Никсъ были въ гладкихъ, изъ шелка, вязаныхъ розовыхъ фуфайкахъ и въ короткихъ зеленыхъ шелковыхъ трусахъ (штанахъ), осыпанныхъ блестками. Въ рукахъ англичанина былъ длинный хлыстъ, въ рукахъ Никса кусокъ сырой говядины.

— Что это у него? Зачѣмъ онъ держитъ мясо?— обратилась было Сибирочка къ Гертѣ съ вопросомъ, на который та не успѣла, однако, отвѣтить, потому что, почти одновременно съ этимъ, оглушительный ревъ по-

слышался гдѣ то поблизости, ревъ, отъ котораго дрогнули стѣны театра и невольно поблѣднѣли лица у людей. Незамѣтная до сихъ поръ дверь сбоку сцены раскрылась настежь, и шестеро театральныхъ слугъ вкатили въ образовавшееся огромное пространство въ стѣнѣ большую клѣтку на колесахъ съ помѣщавшимися въ ней двумя африканскими львами необычайной величины.

— Это Цезарь и Юнона!—пояснила Герта Сибирочкѣ,—не правда ли, какъ они прекрасны?

Но Сибирочка далеко не раздѣляла ея мнѣнія. Она не нашла въ красавцахъ-львахъ никакой красоты. Левъ и львица были просто страшны съ ихъ расширенными пастями и оглушительнымъ ревомъ.

Каковъ же былъ ужасъ дѣвочки, когда, лишь клѣтка со львами появилась на подмосткахъ сцены, Никсъ чуть ли не бѣгомъ бросился къ ней! За нимъ степенно направился мистеръ Билль, играя своимъ длиннымъ кнутомъ.

Минута... другая... и, приподнявъ желѣзную дверь клѣтки, Никсъ очутился въ ней.

За нимъ смѣло вошелъ мистеръ Билль. И точно по волшебству, съ ихъ появленіемъ въ клѣткѣ, страшный ревъ звѣрей мигомъ прекратился.

Никсъ бросилъ имъ по куску имѣвшагося у него мяса, и звѣри съ жадностью стали уничтожать его.

ГЛАВА VII.

Сибирочна и Андрюша вступаютъ на новый путь.— Страшное начало.

—МИССЪ Герта, позвольте васъ просить приготовляйтъ маленькую артистку миссъ Сибирушку,—тономъ, не допускающимъ возраженій, проговорилъ мистеръ Билль, любезно осклабивъ свои желтые зубы.

Эту фразу Андрюша и Сибирочка услышали ровно черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ имъ пришлось поселиться въ „Большомъ домѣ“. „Большой домъ“, стоявшій чуть ли ни на самой далекой окраинѣ Петербурга, находился черезъ добрый десятокъ улицъ и кварталовъ отъ снимаемаго Эрнестомъ Эрнестовичемъ зданія театра.

„Большой домъ“ директоръ населилъ исключительно членами своей труппы. Здѣсь жилъ онъ самъ съ дочерью Гертою и съ своею престарѣлою теткою. Здѣсь жилъ эквилибристъ Ивановъ со своими сыновьями: Денисомъ, Глѣбомъ, Петромъ и Вадимомъ, тутъ же поселился и клоунъ Дюруа съ его крошкою-внукомъ Робертомъ, негритянка Элла со своею старухою-матерью, мистеръ Билль, начальникъ-хозяинъ Никса Вихрова, и здѣсь же, наконецъ, нашли себѣ пріютъ Сибирочка и Андрюша.

Клоунъ Пьеро Дюруа, нервный, желчный старичокъ за кулисами и дома, но незамѣнимый весельчакъ передъ публикой, не говоря ни слова, взялся обучить своему нетрудному искусству Андрюшу. Пока мальчикъ не выступалъ на сценѣ, на его обязанности лежало ухаживаніе за шестилѣтнимъ Робертомъ, большимъ задирой и забіякой.

Герта Шольцъ, любимая и единственная дочь директора, появившаяся передъ публикою въ качествѣ малолѣтней пѣвицы нѣмецкихъ пѣсенокъ, имѣла еще одну обязанность, возложенную на нее ея отцомъ—слѣдить за малолѣтними дѣтьми, поступавшими въ труппу, подготовлять ихъ къ ихъ новому дѣлу, внушать имъ, въ случаѣ надобности, безстрашіе и энергію къ незнакомому еще труду.

Герта была тихая, кроткая двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, умѣвшая быть умной и серьезной не хуже взрослой. Она всюду и всегда появлялась во-время. Капризничалъ ли маленькій Робертъ Дюруа, сердился ли его дѣдъ Пьеро, ссорились ли братья Ивановы, ожесточалась ли на поддразниванія своихъ гонителей Элла, насмѣшничалъ ли и задиралъ ли товарищей Никсъ,—Герта являлась всеобщею примирительницею и ангеломъ-утѣшителемъ въ тяжелыя минуты жизни, настоящею доброю феей труппы. Одновременно съ этимъ Герта была и хозяйкою въ „Большомъ домѣ“ со времени смерти своей матери.

По утрамъ она поднималась раньше всѣхъ и разливала съ помощью тетки въ большой столовой чай, кофе и какао для всѣхъ участниковъ труппы. Потомъ заказывала обѣдъ повару и собирала на репетицію младшихъ артистовъ, осторожно напоминая старшимъ, что отецъ уже ждетъ ихъ въ театрѣ.

Изъ театра присылались кареты; всѣ усаживались въ нихъ послѣ утренняго завтрака и ѣхали на репетицію. Помимо клоуновъ, эквилибристовъ, пѣвицъ и „укротителей львовъ“, у господина Шольца была еще оперная труппа артистовъ, которая, однако, не пользовалась квартирою и столомъ у директора театра, а жила въ нанимаемыхъ артистами на сторонѣ комнатахъ и квартирахъ. Съ этою оперною труппою иногда играла и пѣла Герта. Для этого дѣвочкѣ приходилось разучивать небольшія партіи и роли, доступныя ея возрасту, и это отнимало у нея немало времени. Къ пяти часамъ вечера обитатели „Большого дома“ возвращались домой обѣдать, а въ 8 уже снова отправлялись въ театръ, гдѣ и выступали передъ публикой въ различныхъ нумерахъ, послѣ исполняемой оперными артистами большой пьесы.

Герта по возвращеніи домой поила чаемъ и потчевала холодной закускоі артистовъ и только послѣ 12-ти часовъ ночи ложилась въ постель. Всѣ любили кроткую, ласковую, заботливую дѣвочку, а негритянка Элла просто обожала ее. Для черной дикарки, пріѣхав-

шей изъ далекой чуждой стороны зарабатывать кусокъ хлѣба, бѣлокурая кроткая Герта казалась какимъ то неземнымъ существомъ. За „госпожу Герту“ Элла готова была исцарапать лицо и искусать руки кому угодно. Кого любила Герта, того любила и Элла. Герта съ перваго же дня привязалась къ Сибирочкѣ, и Элла стала смотрѣть такими же преданными глазами на Сибирочку, какими она смотрѣла на Герту.

Вотъ въ какую обстановку и къ какимъ людямъ попали Андрюша и Сибирочка и постепенно начинали входить во вкусъ этой новой, незнакомой имъ еще, жизни.

Сибирочку взяла подъ свое покровительство Герта и даже поселила ее въ своей маленькой, обитой розовой матеріей, комнаткѣ, гдѣ было всегда такъ хорошо и уютно.

Андрюша поселился съ клоуномъ Пьеро и его внукомъ. Дѣти видѣлись, однако, постоянно и въ театрѣ, и дома, и въ огромной столовой, гдѣ всѣ члены труппы господина Шольца проводили свои досуги.

. . . . . .

— Миссъ Герта, позвольте васъ просить приготовляйтъ маленькій артистка. Миссъ Сибирушка выходитъ сегодня къ Цезарь и Юнона въ первый разъ.

Голосъ мистера Билля, повторившаго свое приглашеніе, звучалъ очень строго, а оловянные глаза проницательнымъ взглядомъ окинули обѣихъ дѣвочекъ—Герту

и Сибирочку, стоявшихъ за кулисами и любовавшихся силачкой Эллой, которая безъ труда нанизывала на каждый палецъ по десятифунтовой гирѣ и легко, какъ перышками, вертѣла ими надъ головой.

Сибирочка заволновалась. Она была далеко не изъ трусливаго десятка. Она, не задумываясь, побѣжала бы въ темную тайгу ночью, но войти въ клѣтку ко львамъ, къ этимъ страшно рыкающимъ, свирѣпымъ великанамъ страшно боялась, и дрожь охватывала все тѣло дѣвочки при одной мысли объ этомъ. Но Герта не дала ей много думать о ея новомъ положеніи и всячески старалась ободрить ее.

— Пойдемъ, я помогу тебѣ одѣться, — ласково обнимая подругу, проговорила она и повела Сибирочку въ небольшую уборную, гдѣ артистки при помощи горничной одѣвались къ спектаклю.

Сибирочкѣ не понадобилось звать горничную. Герта и освободившаяся отъ своихъ упражненій Элла помогли ей одѣться. Онѣ натянули розовое шелковое трико на стройное тѣло Сибирочки, коротенькую, всю въ блесткахъ, зеленую юбочку и, распустивъ ей локоны по плечамъ, растрепали ихъ такъ, что они вдругъ стали какъ то похожими на львиную гриву.

— Помни, входить ко львамъ надо всегда въ этомъ костюмѣ, чтобы они привыкли къ тебѣ, и волосы ты всегда взбивай такимъ образомъ: они примутъ тебя на первыхъ порахъ за львенка и не тронутъ ни за что! —

предупредила Герта Сибирочку и вмѣстѣ съ Эллой повела ее на сцену.

Тамъ уже посреди подмостокъ возвышалась клѣтка, въ которой метались взадъ и впередъ изъ угла въ уголъ оба звѣря. Мистеръ Билль и Никсъ уже стояли готовые въ своихъ обычныхъ розовыхъ трико и зеленыхъ съ блестками трусахъ. Мистеръ Билль держалъ въ рукахъ огромный бичъ и заряженный револьверъ на всякій случай.

— Ну, пускай начинайтъ... Съ Богомъ!... Никки, вы показайтъ вашему новому подруга, что надо дѣлайтъ! — скомандовалъ мистеръ Билль.

— Ступай за мною, — коротко приказалъ Никсъ и, взявъ за руку Сибирочку, смѣло направился съ нею къ дверямъ клѣтки.

Въ эту минуту дѣвочка искренно пожалѣла, что не умерла съ дѣдушкой тамъ, далеко въ сибирской тайгѣ.

Что то щелкнуло позади нея. Это ударилъ своимъ бичомъ мистеръ Билль по желѣзнымъ прутьямъ клѣтки. Потомъ онъ спокойно открылъ дверцу и очутился среди львовъ, трепля ихъ гривы и говоря имъ что то по-англійски. Оба льва, тихо урча себѣ подъ носъ, стали ластиться къ укротителю, тереться головами о его ноги и, поднявшись на заднія лапы, старались дотронуться мордами до его лица.

Сибирочка, забывъ свой недавній страхъ, пораженная, глядѣла во всѣ глаза на эту сцену. Голосъ Никса разбудилъ ее отъ ея задумчивости.

— Ну, что же ты? — крикнулъ онъ ей прямо въ ухо и довольно грубо толкнулъ ее впередъ.

Сибирочка тихо вскрикнула и подалась было на мгновеніе назадъ.

Но было уже поздно. Тяжелая дверь съ грохотомъ захлопнулась за нею.

Она вмѣстѣ съ Никсомъ и мистеромъ Биллемъ очутилась въ клѣткѣ Цезаря и Юноны.

ГЛАВА VIII.

Первый урокъ.

УСИЛИВШЕЕСЯ рычаніе Цезаря, огромнаго льва съ налитыми кровью глазами, возвѣстило о его недовольствѣ. Онъ тяжело поднялся со своего мѣста, то есть изъ угла клѣтки, гдѣ успѣлъ улечься у ногъ укротителя, и направился къ Сибирочкѣ, все еще продолжая рычать.

Лицо дѣвочки стало блѣднѣе снѣга.

Она безпомощно оглянулась назадъ.

Если бы здѣсь былъ Андрюша, Сибирочка крикнула бы о помощи, и ея названный братъ увелъ бы ее отсюда.

Но Андрюши не было здѣсь. Онъ занимался съ m-eur Пьеро и Робертомъ въ своей уборной, разучивая съ ними новыя „штучки“ и клоунскія выходки, кото-

рыми надѣялся потѣшать публику уже въ концѣ этой недѣли.

— Не бойся ничего, Цезарь не тронетъ. Назадъ, Цезарь! — крикнулъ мистеръ Билль и, прежде нежели левъ исполнилъ его приказаніе, изо всей силы ударилъ его бичомъ. Цезарь съ ревомъ отпрянулъ на прежнее мѣсто и, какъ послушный песъ, улегся у его ногъ.

Сибирочка съ благодарностью взглянула на англичанина и не узнала его. Оловянные глаза мистера Билля горѣли, какъ факелы. Лицо, обычно спокойное, теперь было грозно. Казалось, въ этомъ лицѣ сосредоточилась вся его страшная сила, которою онъ властвовалъ надъ своими страшными звѣрями.

Когда Цезарь съ глухимъ ворчаніемъ улегся у ногъ своего повелителя, послѣдній приказалъ Никсу:

— Никки, начинай, пожалюйста, приручать къ ребенку львицу!

— Юнона, сюда! — звонкимъ голосомъ крикнулъ Никсъ.

Такъ какъ старая, ужаснаго вида, львица не слушалась его, продолжая бродить по клѣткѣ изъ угла въ уголъ, мистеръ Билль снова пустилъ въ ходъ свой бичъ.

Юнона сдѣлала скачокъ и завыла отъ гнѣва и боли.

— Сюда, Юнона, сюда!—закричалъ снова Никсъ и, раньше нежели львица подошла къ мальчику, онъ неожиданно очутился у нея на спинѣ.

Подойди къ ней и дай ей это,—приказалъ мальчикъ, бросивъ Сибирочкѣ кусокъ сырого мяса, вынутый имъ изъ кожаной сумки, повѣшенной у него черезъ плечо.

Дѣвочка дрожащей рукой взяла кусокъ и сдѣлала шагъ навстрѣчу львицѣ.

Львица сощурила глаза и потянула носомъ. Потомъ медленнымъ шагомъ приблизилась къ мясу и очутилась около дѣвочки. Ея огромная пасть была широко раскрыта. Она щелкала зубами отъ нетерпѣнія получить лакомый кусокъ.

— Отойди въ самый дальній уголокъ и позови ее оттуда,—еще разъ скомандовалъ Никсъ, въ то время какъ укротитель не спускалъ со звѣря своего, теперь ярко горѣвшаго, взора.

Сибирочка безмолвно повиновалась. Она вытянула руку впередъ и позвала своимъ нѣжнымъ голоскомъ:

— Сюда, сюда, Юнона!

Львица на этотъ разъ измѣнила своей медленности и быстро подошла къ дѣвочкѣ, все еще очевидно надѣясь получить лакомый кусокъ. Сибирочка отбѣжала отъ нея снова въ уголъ и еще разъ позвала оттуда звѣря.

Равнодушный до этой минуты Цезарь тоже поднялся и потянулся въ свою очередь за своей супругой.

Теперь уже Сибирочка не отступала больше, а поджидала, по приказанію мистера Билля, обоихъ звѣрей. Они медленно подползли къ дѣвочкѣ, та протянула

руку, и Юпона осторожно приняла изъ ея маленькой ручки первый кусокъ.

— Погладь ее и Цезаря, только не бойся и смотри имъ въ глаза прямо и смѣло!—послышался новый приказъ.

Сибирочка робко протянула руку и коснулась дрожащими пальчиками гривы обоихъ звѣрей, не отводя отъ нихъ своего синяго взора.

— На сегодня довольно! Завтрашній урокъ будетъ сложнѣе. А теперь ты свободна,—услышала надъ своимъ ухомъ голосъ укротителя дѣвочка и съ облегченнымъ вздохомъ вышла изъ клѣтки.

ГЛАВА IX.

Драка.—Непримиримый врагъ.—Первый выходъ.

ПРОШЕЛЪ мѣсяцъ. Наступила весна. Труппа господина Шольца перекочевала изъ зимняго помѣщенія въ лѣтнее, выстроенное въ родѣ цирка, съ ареной посреди зала, усыпанной рыхлымъ пескомъ.

Было воскресенье. Лѣтній театръ „Развлеченіе“ давалъ свое первое представленіе. Въ это первое представленіе Сибирочка и ея другъ Андрюша должны были

тоже выступить впервые. На большой пестрой афишѣ значилось:

> *Блестящій выходъ юнаго, необычайно остроумнаго, веселаго и талантливаго клоуна т-г Андре и новой, небывало смѣлой и неустрашимой укротительницы львовъ, русской дѣвочки-малютки, Сибирочки, настоящаго чуда свѣта.*

И „ш-г Андре", и „чудо свѣта" очень волновались въ этотъ вечеръ.

Андрюша одѣвался вмѣстѣ съ четырьмя братьями Ивановыми въ одной уборной. Старшіе братья Ивановы смѣялись надъ нимъ.

— Охота дуракомъ рядиться. Лучше бы поступалъ въ ученіе къ нашему отцу... Онъ бы тебя такимъ прыгуномъ и гимнастомъ сдѣлалъ, что просто чудо! А то Пьерошкинымъ штучкамъ выучился и думаетъ, что уменъ!..—хохотали они.

— Смотри, какъ вымазался то!.. Теперь, братъ, изъ уборной ни шагу: собаки увидятъ—разорвутъ.

— Ему, вѣрно, брань Пьеро по душѣ пришлась. Не налюбуется онъ на своего старикашку,—засмѣялся третій изъ братьевъ.

— Перестаньте его трогать!—вскричалъ младшій Ивановъ, Вадимъ, жизнерадостный, красивый, мальчуганъ съ добрыми карими глазами,—вы не понимаете, что Андрей изъ-за своего добраго сердца ни за что не оставитъ

Пьерошку, хотя всюду у насъ найдетъ какое угодно мѣсто. Онъ такой молодецъ! Вѣдь если бы Пьерошка не взялъ себѣ на помощь Андрея, Эрнестъ Эрнестовичъ навѣрное выгналъ бы его вмѣстѣ съ его внукомъ. Андрей могъ бы остаться въ циркѣ и не подъ начальствомъ Дюруа. Всегда нуженъ такой. Старый клоунъ порядочно наскучилъ публикѣ. И врядъ ли онъ одинъ сумѣлъ бы занять ее!

Вадимъ былъ правъ. Старый клоунъ Пьеро не могъ уже одинъ забавлять публику, посѣщавшую театръ. Всѣ его старыя продѣлки успѣли надоѣсть зрителямъ. Появленіе новаго клоуна было какъ нельзя болѣе кстати.

Андрюша лучше всѣхъ понялъ Пьеро. Старикъ былъ бѣденъ и несчастливъ. Онъ жилъ ради внука и работалъ только для него. Онъ былъ желченъ и сердитъ, старый Пьеро, и никто не любилъ его въ труппѣ. И Андрюша всѣмъ сердцемъ жалѣлъ его. Старому клоуну трудно было зарабатывать своимъ шутовскимъ трудомъ кусокъ хлѣба, тяжело было ломаться передъ публикой, когда его дряхлыя кости ныли и болѣли, прося отдыха. Андрюша всѣми силами старался помочь ему въ его трудѣ. Трудъ клоуна не нравился и мальчику, но ему жаль было огорчать старика просьбою другой работы у директора театра. Онъ зналъ, что его участіе въ дѣлѣ Пьеро и его помощь пришлись кстати.

И когда сегодня насмѣшники братья-акробаты слишкомъ пристали къ нему, онъ только нахмурилъ свои черныя брови и отвѣчалъ:

— Стыдно вамъ... Чего вы пристаете ко мнѣ? Развѣ зарабатывать свой хлѣбъ трудомъ позорно? Въ такомъ случаѣ, и вы поступаете скверно, ломаясь передъ публикой!

— Молодецъ, Андрюша! Хорошенько, хорошенько ихъ!—радовался Вадимъ, успѣвшій сойтись съ Андрюшей за послѣднее время и искренно полюбившій своего новаго товарища по цирку.

Но Андрюшѣ было не до него.

Андрюша сильно безпокоился въ этотъ вечеръ. И не за себя безпокоился мальчикъ: его страшилъ первый выходъ передъ публикой его названной сестры. Дѣвочка должна была продѣлать трудную штуку съ Цезаремъ и Юноной, которые едва-едва за этотъ мѣсяцъ успѣли привыкнуть къ ней.

Онъ наскоро натеръ себѣ лицо мѣломъ, какъ училъ его въ продолженіе мѣсяца старый клоунъ, monsieur Пьеро, густо накрасилъ румянами щеки, губы и кончикъ носа, замазалъ рѣсницы и брови (отчего его красивое личико приняло сразу глупо-растерянный видъ) и, въ своемъ широкомъ клѣтчатомъ клоунскомъ балахонѣ, въ необычайно высокой шляпѣ, вышелъ за дверь уборной.

Маленькая, розовая, нарядная, какъ бабочка, дѣвочка, вся въ блесткахъ, съ распущенными кудрями по плечамъ и съ яркой звѣздочкой изъ электрическихъ лампочекъ надъ лбомъ,—поджидала его у дверей уборной

и, лишь только онъ появился, кинулась къ нему на шею.

— Что ты, Сибирочка? Чего ты взволновалась такъ? Боишься?—наклоняясь къ дѣвочкѣ и цѣлуя ее, спросилъ заботливо Андрюша.

— Я ничего не боюсь, я не волнуюсь, только... только... я бы хотѣла снова очутиться въ нашей Сибири съ тобою вмѣстѣ,—печально проговорила дѣвочка, блеснувъ своими синими глазами.

— Ха, ха, ха, ха! — послышался грубый хохотъ, и Никсъ, розовый, нарядный, предсталъ такъ неожиданно предъ ними, точно выросъ изъ-подъ земли.

— Нѣжная сцена: братецъ и сестрица празднуютъ труса предъ началомъ представленія,—насмѣшливо произнесъ мальчикъ и кнутикомъ, который держалъ въ рукѣ, слегка ударилъ по плечу Андрюшу.

— Не смѣй такъ шутить со мною!—серьезно и спокойно остановилъ его тотъ.

— Скажите, что за баринъ явился! Съ нимъ и пошутить нельзя!—пуще расхохотался Никсъ, и еще разъ, уже много больнѣе, прошелся кнутомъ по спинѣ Андрюши.

— Берегись, или я отниму у тебя твой кнутъ,— спокойно проговорилъ Андрюша, хотя голосъ его дрогнулъ отъ затаеннаго гнѣва, а черные глаза ярко блеснули.

— Попробуй!

И въ третій разъ Никсъ поднялъ кнутъ, проговоривъ скороговоркой:

— Ты долженъ терпѣть отъ меня все, потому что, не приведи я тебя сюда, ты и твоя глупая подруга должны были бы умереть на улицѣ безъ куска хлѣба!

— Вотъ потому то, что ты сдѣлалъ для насъ это, я и не хочу проучить тебя, какъ ты этого заслуживаешь, и только отниму у тебя твой хлыстъ, — выходя разомъ изъ своего спокойствія, произнесъ Андрюша.

И говоря это, онъ ловко выхватилъ кнутъ изъ рукъ Никса, сильными движеніями руки сломалъ его на нѣсколько кусковъ и далеко отбросилъ отъ себя.

— А, такъ вотъ ты каковъ! — закричалъ Никсъ и со сжатыми кулаками бросился на мальчика.

Но Андрюша ждалъ этого нападенія и приготовился уже къ нему. Мальчики схватились въ рукопашную. Кулаки Никса забарабанили по спинѣ Андрюши. Руки Андрюши стиснули, какъ клещи, плечи Никса. Но вотъ Никсъ незамѣтно выставилъ ногу, Андрюша запнулся за нее, не замѣтивъ предательскаго пріема своего противника, и полетѣлъ на полъ, увлекая за собой врага. Сибирочка бросилась къ нимъ и умоляла опомниться, но никто ее не слушалъ.

Наконецъ Никсу удалось схватить за горло своего противника. Въ глазахъ Андрюши, ничего подобнаго не ожидавшаго, разомъ пошли красные круги, и онъ почти лишился чувствъ.

Вдругъ неожиданно Никсъ вскрикнулъ отъ боли.

Надъ нимъ очутилась Элла, которая стала награждать мальчика звонкими шлепками.

— Убирайся, гадкая обезьяна!—закричалъ неистово Никсъ, вскочилъ на ноги и бросился на негритянку. Въ ту же секунду онъ былъ отброшенъ отъ нея однимъ увѣсистымъ взмахомъ ея огромной руки.

— Ммм!—мычала Элла,—ммм! Такъ! Такъ! Такъ!

Слово „такъ“ она выучила недавно и очень гордилась этимъ.

Никсъ, не помня себя, завылъ не столько отъ боли, сколько отъ гнѣва и обиды.

— Что за шумъ? Что здѣсь такое? — неожиданно предсталъ предъ дѣтьми m-r Пьеро съ лицомъ, какъ и у Андрюши, вымазаннымъ мѣломъ и красками, въ какомъ то необычайно потѣшномъ фракѣ и въ невообразимо широкихъ штанахъ. Хотя m-r Пьеро былъ швейцарецъ, но говорилъ сносно по-русски и еще лучше бранился на этомъ языкѣ, когда его ученики не понимали своего учителя. Но какъ скоро кто-либо выводилъ его изъ терпѣнія, онъ начиналъ безбожно коверкать русскія слова.

За его широкими штанами пріютился шестилѣтній Робертъ, который былъ одѣтъ въ костюмъ бэби или, вѣрнѣе, спеленатъ съ головы до ногъ и напоминалъ собою куклу, наряженную грудным ребенкомъ.

— Что за шумъ, что за крики, когда я скоро начи-

Руки Андрюши стиснули какъ клещи плечи Никса...

наль нашъ представленій!—разсердился Пьеро.—Андрэ, что же это? Ты дерешься съ Никсомъ?

— Я не виноватъ, m-r Пьеро,—произнесъ, стараясь говорить спокойно, Андрюша, приводя въ порядокъ свой пострадавшій во время схватки костюмъ.

— Нѣтъ, ты лжешь! Виноватъ только ты! Не притворяйся тихоней!—неистовствовалъ Никсъ, почти наскакивая снова со сжатыми кулаками на Андрюшу.

— Молшать!—бѣшено крикнулъ старый клоунъ, кидая на взбѣшеннаго Никса уничтожающіе взгляды,—я знаю тебя, негодяй!.. Знаю бездѣльника, задиру и лѣнтяя... Я буду жаловаться на тебя мистеру Биллю. Пускай онъ выгонятъ тебѣ. Пускай!..

Старикъ клоунъ хотѣлъ еще прибавить что то, но въ эту минуту въ зрительномъ залѣ заиграла музыка, извѣщая о началѣ представленія.

— Идемъ, Андрэ, идемъ, Робертъ, намъ начинать!—проговорилъ старый клоунъ и, легко подхвативъ на руки спеленатаго Роберта, у котораго оставались на свободѣ однѣ только ноги въ розовыхъ туфелькахъ, исчезъ за драпировкой, отдѣляющей зрительный залъ отъ кулисъ театра-цирка.

— До свиданья, Сибирочка, я выхожу на сцену!—прошепталъ Андрюша, взявъ за руку свою названную сестру.—Пожелай мнѣ благополучно продѣлать все, чему меня училъ m-r Пьеро! До свиданья, прощай!

— Желаю тебѣ отъ души провалиться въ тарта-

рары!—съ злобнымъ хохотомъ крикнулъ ему Никсъ, но тутъ же невольно отшатнулся назадъ, потому что прямо передъ нимъ выросла черная фигура Эллы. Силачка негритянка весьма грозно показала ему кулакъ.

ГЛАВА X.

Новый клоунъ m-r Андре начинаетъ свои „штучки".

ВЪ занавѣси, завѣшивающей выходъ на сцену-арену, была маленькая дырочка. Эта дырочка находилась какъ разъ на высотѣ человѣческаго роста. Сибирочка была слишкомъ мала ростомъ, чтобы дотянуться до нея. Однако, бѣдной дѣвочкѣ очень хотѣлось посмотрѣть, хотя бы въ дырочку и однимъ глазомъ, какъ ея другъ Андрюша станетъ продѣлывать свои „штучки" съ Пьеро и его внукомъ. Но вотъ легкое мычаніе послышалось за плечами дѣвочки, и не успѣла она опомниться, какъ чьи то сильныя руки подхватили ее, подняли на воздухъ, и Сибирочка почувствовала себя бережно опущенной на чье то крѣпкое плечо.

— Элла, это ты!—прошептала она и благодарными глазами взглянула сверху внизъ на черное, широко улыбающееся ей лицо негритянки.

— Такъ! Такъ! Такъ! Элла тебя любитъ, госпожа! Мммм, ммм!—съ самымъ довольнымъ видомъ промычала негритянка.

Теперь, прильнувъ къ маленькой дырочкѣ однимъ глазомъ, Сибирочка могла великолѣпно слѣдить за всѣмъ, что происходило на сценѣ.

Андрюша какъ разъ въ эту минуту выходилъ къ публикѣ. Важно, со степеннымъ видомъ прошелъ онъ къ срединѣ арены, гдѣ сидѣлъ съ невозмутимо спокойнымъ видомъ м-г Пьеро, который, держа спеленатаго Роберта вверхъ ногами, укачивалъ его, мурлыча вполголоса колыбельную пѣсню, но настолько громко, что публика отлично слышала каждое слово:

Баю, баюшки, баю,
Я тебя качаю.
Я клоунъ, ты клоуненокъ,
Я котъ, ты котенокъ,
Я человѣкъ, ты человенокъ...

— Вы невѣрно поете. Надо сказать не человенокъ, а ребенокъ,—съ невозмутимымъ видомъ поправилъ его Андрюша, приблизившись почти вплотную къ этой группѣ.

— А я говориль такъ: „я человѣкъ, ты человенокъ“, и мнѣ нравится, какъ я говориль,—еще болѣе картавя и ломая языкъ, проговорилъ Пьеро, принимая глупый и обиженный видъ. — И проходи, пожалуйста, своей дорожка.

И запѣлъ снова:

Баю, баюшки, баю,
Я тебя качаю.
Я клоунъ, ты клоуненокъ,
Я котъ, ты котенокъ,
Я человѣкъ, ты человенокъ...

— Ты оселъ, а онъ осленокъ! — дикимъ басомъ загудѣлъ на весь циркъ Андрюша, такъ, что Пьеро вмѣстѣ со стуломъ и съ Робертомъ очутились на землѣ, а публика покатилась со смѣху.

Пьеро сдѣлалъ видъ еще глупѣе и вдругъ, широко улыбнувшись, поднялъ свою шляпу и самымъ неожиданнымъ смѣшнымъ образомъ произнесъ:

— Здравствуйте, пожалюйста!

— Здравствуйте, пожалюйста! — отвѣчалъ ему въ тонъ Андрюша и, приблизившись къ Пьеро, протянулъ ему руку.

Но у Пьеро на рукахъ былъ Робертъ.

Старый клоунъ сдѣлалъ безсмысленное лицо и проговорилъ:

— Извинить, пожалюйста, у меня занятъ моя ручка. Я сперва положитъ моего человенка, а потомъ пожаль вашъ рука!

И, говоря это, онъ положилъ Роберта на песокъ, а самъ протянулъ руку Андрюшѣ и наклонилъ голову. Клоуны стукнулись головами и одновременно съ комическимъ видомъ потерли себѣ затылки.

— Уфъ, это не годитъ... Ви прошибъ моя мозга!— затрясъ головою и зафыркалъ клоунъ Пьеро.

— Вы ошиблись, въ вашей головѣ не было мозга, — съ самымъ любезнымъ видомъ, снявъ еще разъ шляпу, какъ бы извиняясь, произнесъ Андрюша.

— Какъ не было мозга на моя голова? — удивился клоунъ,—честное слово? Не было мозга, честное слово?

— Честное слово!—подтвердилъ Андрюша.

— Карраулъ!.. Я потерялъ моя мозга... Надо давать знать въ полицію! А ви не нашли моя мозга!.. Я вамъ вѣритъ, ви карошій человѣкъ!.. Здравствуйте еще разъ! Карошій человѣкъ!

И неожиданно старый клоунъ снялъ шляпу и снова съ самымъ почтительнымъ поклономъ склонился передъ Андрюшею. Тотъ поклонился тоже и произошло новое столкновеніе лбами. Опять потираніе воображаемыхъ шишекъ и снова вѣжливый поклонъ. И снова стуканье, и такъ разъ пять.

Публика хохотала.

Сибирочка хорошо видѣла весь театральный залъ, всѣ ложи и мѣста, спускающіяся уступами къ аренѣ, какъ въ циркѣ. Особенно весело хохотали въ одной ложѣ. Тамъ сидѣлъ блѣдный, весь въ черномъ, господинъ, молодая дама и бѣлокурая нарядная дѣвочка лѣтъ девяти. Дѣвочка смѣялась звонко надъ продѣлками клоуновъ и громко вскрикивала отъ восторга. Иногда ея восторгъ проявлялся бурно, и тогда молодая дама и высокій госпо-

динъ наклонялись къ уху дѣвочки съ бѣлокурыми локонами и шептали ей что то. Она затихала на минуту, дѣлала недовольную рожицу, надувала губки и молча блестящими глазками слѣдила нѣсколько времени за клоунами. Потомъ забывалась снова и начинала хохотать и вскрикивать отъ удовольствія, не обращая вниманія на замѣчанія господина въ черномъ и молодой дамы.

Эта дѣвочка съ немного надменнымъ личикомъ, теперь, впрочемъ, оживленнымъ улыбкой, почему то заинтересовала Сибирочку. Въ ней было что то рѣзкое, что то гордое и милое въ одно и то же время, какъ будто дѣвочка считала себя много знатнѣе всей этой публики и всѣхъ присутствующихъ на представленіи дѣтей.

Между тѣмъ клоуны на сценѣ разошлись во-всю. Теперь они какъ будто ссорились, и Пьеро искалъ всюду своего спеленатаго Роберта, который былъ пришпиленъ Андрюшей на спину самого Пьеро.

— Гдѣ мой человенокъ? — кричалъ неистово старый клоунъ.

— Онъ около васъ. И не далеко, и совсѣмъ близко, и не совсѣмъ высоко, и совсѣмъ низко. Онъ виситъ и прямо, виситъ и криво и потому некрасиво... Но чтобы узнать, гдѣ онъ — вы должны выйти вонъ, къ зеркалу вернуться, встать къ нему задомъ и обернуться! — съ удивительно смѣшными гримасами пояснялъ Андрюша.

Публика хохотала. Дѣвочка въ нарядномъ платьѣ хохотала громче всѣхъ.

Робертъ, между тѣмъ, подражая ребенку, заплакалъ жалобно на спинѣ у дѣда. Старый клоунъ, наконецъ найдя его, съ растерянным видомъ произнесъ, засовывая палецъ въ ротъ:

— Этотъ плютовка представлялъ изъ моей спины коляска. Очень карашо! Вотъ я буду наказать тебя.

И онъ улегся на спину, накрывъ собою Роберта.

— Теперь онъ будетъ какъ въ тюрьма! — съ лукавым видомъ объявилъ онъ публикѣ.

И вдругъ испустилъ пронзительный крикъ:

— Мой человенокъ превратился въ моторъ!

Спеленатый Робертъ соскочилъ очень ловко со спины дѣда и покатился по аренѣ. За нимъ побѣжали Пьеро и Андрюша. Они настигли мальчика и садились на землю, чтобы схватить его, но когда садились, онъ уже укатывался дальше. Такъ длилось нѣсколько минутъ, пока Андрюша не бросился въ песокъ и не сталъ кататься по землѣ слѣдомъ за Робертомъ. Пьеро послѣдовалъ ихъ примѣру. Старшимъ клоунамъ удалось, наконецъ, поймать младшаго, и Андрюша, подхвативъ его, бросилъ Пьеро. Тотъ, какъ мячикъ, швырнулъ Роберта обратно и такъ они перебрасывались до тѣхъ поръ, пока Пьеро не грохнулъ малютку со всего размаха о песокъ и заревѣлъ при этомъ, какъ ревутъ наказанныя дѣти.

— Ой, ой, ой, что я надѣлалъ! Я убилъ тебя, мой человеночекъ!—вопилъ онъ, раскачиваясь надъ нимъ и причитая.

Робертъ лежалъ на пескѣ, не двигаясь, какъ мертвый.

— Надо его хоронить! Вырыть ему ямку и зарыть его!—предложилъ Андрюша Пьеро.

— Пойди и зарой!

— Самъ пойди и зарой.

— Карраулъ! Я не хочу!.. Я боюсь!

— И я боюсь!

— Пойдемъ вмѣстѣ!

— Пойдемъ!

— Очень карошо!

Они взялись подъ руки и пошли, умышленно трясясь отъ страха и стукаясь другъ о друга.

Потомъ улеглись на землю и поползли на четверенькахъ...

И вдругъ, когда они уже были около Роберта, Пьеро тронулъ незамѣтно какую то пружинку, скрытую въ его пеленкахъ. Робертъ вскочилъ, взлетѣлъ на воздухъ и тотчасъ же опустился обратно, но уже безъ пеленокъ, а въ нарядномъ костюмѣ маленькаго итальянскаго рыбака и сталъ лихо отплясывать подъ веселые звуки оркестра.

Андрюша и Пьеро послѣдовали его примѣру, причемъ нелѣпые клѣтчатые балахоны и штаны ихъ куда то исчезли и они оказались въ такихъ же красивыхъ неаполитанскихъ костюмахъ, успѣвъ наскоро платкомъ стереть краски съ лица.

Окончивъ танецъ, Андрюша махнулъ рукою музыкантамъ и, перейдя на русскую плясовую, сталъ отплясывать казачка. Изъ-за кулисъ выбѣжала Герта съ гармоникой въ рукахъ, наряженная въ русскій костюмъ, и лебедью поплыла по сценѣ.

Публика аплодировала и неистово кричала браво.

— Браво, русскому мальчику! М-r Андре, браво! — неистовствовала публика, сразу догадавшись, что подъ итальянскимъ покроемъ платья скрывается у юнаго клоуна настоящая русская душа.

— Ну, вотъ и кончили! — радостно произнесъ Андрюша, выбѣжавъ за кулисы и обращаясь къ соскочившей съ рукъ Эллы Сибирочкѣ. — Ты видѣла меня?

— Все, все видѣла,—отвѣчала она, съ восторгомъ глядя на него восхищенными глазами.—Ты очень хорошо исполнилъ все, что было надо... А особенно танецъ сошелъ хорошо! — восторгалась дѣвочка, цѣлуя своего названнаго брата.

— И m-r Пьеро похвалилъ меня,—весело проговорилъ Андрюша.

— Что то будетъ со мною?—произнесла озабоченно Сибирочка, — сейчасъ мой выходъ. Мистеръ Билль уже зоветъ меня!

— Мужайся... Я увѣренъ, что ты будешь молодцомъ и заслужишь похвалу... Я буду стоять за занавѣсомъ и не спускать съ тебя глазъ, чтобы ты знала,

что я здѣсь, рядомъ, и въ случаѣ надобности защищу тебя! Ну, иди же! Иди съ Богомъ!

И онъ легонько толкнулъ дѣвочку по направленію къ выходу на арену.

ГЛАВА XI.

Маленькая укротительница львовъ.

МУЗЫКА играла что то нѣжное, нѣжное, когда Сибирочка въ сопровожденіи мистера Билля и Никса, вооруженныхъ бичами, появилась на сценѣ. Первое, что увидѣла дѣвочка,—это ближайшую къ ней ложу, въ которой сидѣла, уже замѣченная ею сквозь отверстіе занавѣса, нарядная маленькая барышня, теперь державшая въ рукахъ огромную коробку и угощавшаяся конфетами изъ нея.

— Ахъ, какая чудная дѣвочка! Смотри, папа, она такая же бѣлокурая, какъ и я!—вскричала нарядная маленькая барышня въ ложѣ.—Прелесть, что за дѣвочка, право!

— Надо говорить шопотомъ, Аля... Вы обращаете на себя общее вниманіе,—остановила ее дама, которая, по всей вѣроятности, была ея гувернанткой.

— Ахъ, отстаньте, вы мѣшаете мнѣ смотрѣть!—сердито отвѣтила дѣвочка и надула губки.—Львы! Львы! О, какіе страшные!—кричала она снова черезъ минуту,

увидя появившуюся на аренѣ большую клѣтку.—Неужели эта маленькая дѣвочка пойдетъ къ нимъ туда?!

— Тише, Аля, говори шопотомъ, дѣтка!—ласково остановилъ ее молчавшій до сихъ поръ блѣдный господинъ въ темномъ костюмѣ.

Дѣвочка мгновенно стихла.

Лишь только львы появились на аренѣ, Сибирочка смѣло прыгнула къ дверямъ клѣтки и, съ улыбкой, держась за задвижку этой двери, послала публикѣ воздушный поцѣлуй.

Теперь она уже ничуть не трусила Цезаря и Юноны; за этотъ мѣсяцъ львы успѣли настолько привыкнуть къ дѣвочкѣ, что безъ всякаго недовольства подпускали ее къ себѣ, позволяя ей продѣлывать съ ними всевозможныя штуки.

Мистеръ Билль не вошелъ въ клѣтку съ нею, а помѣстился неподалеку, подлѣ ея двери. Сибирочка же и Никсъ смѣло переступили ея порогъ подъ оглушительные аплодисменты публики.

Цезарь и Юнона мигомъ подошли къ дѣтямъ. Никсъ первый долженъ былъ показать свое искусство юнаго укротителя львовъ. Онъ вскочилъ на спину Цезаря и, ударивъ его хлыстикомъ, сталъ скакать на немъ по клѣткѣ, какъ на конѣ. Публика, удивляясь и восторгаясь его смѣлости, кричала „браво“. Тогда улыбающійся, торжествующій и гордый своимъ успѣхомъ мальчикъ соскочилъ съ Цезаря и заставилъ служить Юнону, давъ

ей небольшое ружье въ переднія лапы. Съ покорностью львица продѣлала все, что требовалось отъ нея. Наконецъ, слѣдовалъ самый сложный нумеръ въ исполненіи Никса. Юнона должна была выстрѣлить изъ ружья и какъ бы убить Никса, потомъ, оглушая воздухъ пронзительнымъ ревомъ, сѣсть надъ мнимо-умершимъ мальчикомъ, щупать его сердце, пульсъ, обнимать и цѣловать его. Когда же Никсъ вскочилъ на ноги, львица, а съ нею и Цезарь, обхвативъ другъ друга на радостяхъ, заплясали какой то танецъ къ полному восторгу публики, хлопавшей неистово въ ладоши и кричавшей „браво, Никсъ, браво“!

Счастливый и улыбающійся Никсъ раскланивался со зрителями, и никто бы не узналъ теперь въ этомъ привѣтливомъ, славномъ мальчикѣ всегда грубаго и сердитаго Николая Вихрова.

Но вотъ наступила очередь дѣйствовать Сибирочкѣ.

Никсъ выскочилъ изъ клѣтки, посылая поклоны и поцѣлуи все еще аплодировавшей ему публикѣ, а Сибирочка заступила его мѣсто.

Она начала съ того, что своей маленькой ручкой толкнула Юнону. Юнона толкнула Цезаря, и оба они повалились на полъ и забарахтались на деревянномъ полу клѣтки.

Съ легкимъ вызывающимъ крикомъ Сибирочка бросилась на звѣрей и, весело смѣясь, стала возиться съ ними на полу клѣтки. Публика уже не кричала теперь

„браво“. Публика затихла и, затаивъ дыханіе, слѣдила за этой опасной игрою хищныхъ дикихъ звѣрей съ ребенкомъ. Сдѣлай Сибирочка хоть одно невѣрное движеніе, не пришедшееся по вкусу львамъ, и звѣри разорвали бы въ одно мгновеніе свою укротительницу.

Это отлично понимала публика и, чуть дыша, смотрѣла на арену.

Бѣлокурые волосы дѣвочки спутались съ золотистыми гривами страшныхъ звѣрей. Ея руки попадали то и дѣло въ ихъ горячія пасти, ея пальчики теребили ихъ за уши, дергали ихъ за волосы, хлопали по ноздрямъ, изъ которыхъ валилъ паръ. Наконецъ, крикнувъ что то звонко и задорно, Сибирочка вскочила на ноги... И тутъ публика буквально замерла отъ ужаса при видѣ того, что произошло вслѣдъ за этимъ.

Сибирочка быстро подбѣжала къ Цезарю и, заставивъ его легкимъ крикомъ усѣсться передъ нею, обѣими ручонками схватила его огромную морду и широко раскрыла пасть звѣря.

Тутъ публика не выдержала и громко ахнула всѣмъ театромъ. А маленькая, бѣлокурая головка въ это время очутилась въ пасти Цезаря между двумя рядами острыхъ зубовъ звѣря...

Сибирочка открыла свой розовый ротикъ и, улыбаясь своими чудно разгорѣвшимися синими глазками, запѣла пѣсенку о львахъ, царяхъ пустыни, попавшихъ нежданно въ неволю къ людямъ...

Страшно было видѣть эту миніатюрную дѣтскую головку, безпечно распѣвающую въ огромной пасти великана-льва...

Два синіе глаза сверкали, какъ двѣ чудныя сапфировыя звѣзды на фонѣ багрово-чернаго нѣба чудовища.

— Довольно! Довольно!—кричала публика, и, когда улыбающаяся, хорошенькая, какъ полевой цвѣтокъ, Сибирочка выбѣжала изъ клѣтки, оглушительнымъ восторгамъ зрителей не было конца.

— Браво, Сибирочка, браво!—кричали сидящіе въ ложахъ, въ партерѣ и на заднихъ скамьяхъ на самомъ верху.

— Молодецъ! Браво! Она лучше Никса! Она смѣлѣе Никса! И такая крошка! Такая малютка! Никсъ великанъ передъ нею! Гдѣ же Никсу продѣлать все это! Браво, браво!—слышались отдѣльные голоса.

Нарядная дѣвочка въ ложѣ кричала громче всѣхъ.

— Папа!—дергала она за руку отца, не отводя глазъ отъ весело раскланивающейся съ публикой Сибирочки,—папа, позови ее къ намъ сюда! Я хочу ее видѣть! Хочу! Хочу!..

— Этого нельзя, моя дѣвочка. Этого нельзя,—успокаивалъ ее господинъ въ черномъ,—маленькихъ артистовъ не пускаютъ въ публику...

— Кто не пускаетъ? Кто смѣетъ не пускать? Несносные! Противные!—горячилась дѣвочка,—отчего не пускаютъ?.. Я хочу! Я хочу! А если не пускаютъ, такъ я вотъ что сдѣлаю!..

Сибирочка широко раскрыла пасть звѣря...

И не успѣли господинъ и молодая дама остановить дѣвочку, какъ она схватила коробку съ конфетами, лежавшую у нея на колѣняхъ, быстро рванула ленту, связывавшую ея локоны и, перевязавъ на скорую руку этой лентой коробку, широко размахнулась и бросила коробку внизъ къ ногамъ изумленной и растерянно улыбающейся Сибирочки.

— Ну, чего стоишь? Бери! Тебѣ вѣдь!—услышала въ ту же минуту Сибирочка голосъ Никса у своего уха и увидѣла блѣдное, исковерканное злою гримасою лицо мальчика.

— Что съ вами, Никсъ? Отчего вы разсердились?—хотѣла было спросить она мальчика, но онъ такъ сердито взглянулъ на нее и такъ больно сжалъ ея пальцы, схвативъ ее за руку и увлекая съ арены, что вопросъ такъ и замеръ на губахъ дѣвочки.

ГЛАВА XII.

Зависть и злоба.—Враги Андрюши и Сибирочки.

БЫЛО ясное весеннее утро. Стоялъ красавецъ май. Всѣ артисты труппы театра „Развлеченіе“ сидѣли за завтракомъ. Миловидная Герта, какъ настоящая взрослая хозяйка, одѣляла всѣхъ кушаньями. Элла, сидя подлѣ своей любимой госпожи, не сводила съ нея глазъ. Подлѣ Эллы пріютилась Сибирочка, а рядомъ съ

Сибирочкою—Андрюша. Дѣти весело болтали на странномъ смѣшномъ языкѣ, который врядъ ли былъ понятенъ имъ самимъ. Это дѣлалось для Эллы, которую лишь восемь мѣсяцевъ тому назадъ привезли изъ Африки и которая не умѣла говорить иначе, какъ по-негритянски.

Весело вспоминали дѣти послѣднее представленіе, во время котораго бѣлокурая дѣвочка изъ ложи бросила Сибирочкѣ коробку конфектъ.

— Я не разъ встрѣчала эту дѣвочку на улицѣ!—проговорила Герта,—она должно быть очень богатая и важная барышня. На ней всегда такіе нарядные костюмы и ѣздитъ она въ экипажѣ, запряженномъ парою прекрасныхъ рысаковъ.

— О!—подняла палецъ кверху Элла, догадавшись о чемъ шла рѣчь, и стала дѣлать уморительныя гримасы, желая изобразить свой восторгъ передъ маленькой русской госпожей.

— А все-таки ты, милочка, лучше ея!—улыбнулась съ чрезвычайной нѣжностью Сибирочкѣ Герта.—Если-бъ ты знала, какою красоточкою ты выглядѣла въ клѣткѣ у львовъ! И такая смѣлая, такая храбрая! Признаться, у меня сердце ёкнуло, когда я увидѣла твою головку въ пасти этого свирѣпаго Цезаря.

— Да, маленькій миссъ у насъ совсѣмъ молодецъ. О, она, эта малютка, перещеголяетъ Никса!—вмѣшиваясь въ разговоръ дѣтей, произнесъ мистеръ Билль,

завтракавшій за отдѣльнымъ столомъ съ директоромъ, его теткой, господиномъ Ивановымъ, главою акробатовъ, и клоуномъ Дюруа.

Мистеръ Билль рѣдко хвалилъ кого-нибудь, и поэтому всѣ очень удивились его неожиданной похвалѣ.

— Молодецъ миссъ Сибирушка! — продолжалъ онъ, глядя на порозовѣвшую отъ удовольствія дѣвочку.—Молодецъ! Куда нашему Никсу! О! я придумайтъ одинъ весьма хорошій игра... представленіе... Публикумъ будетъ въ восторгѣ. И Андре будетъ читать. Андре тоже! М-г Дюруа похваляйтъ. О, это будетъ чудесный штукъ, то, что я придумалъ.

Мистеръ Билль былъ, очевидно, въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Успѣхъ Сибирочки совсѣмъ преобразилъ его. Оловянные глаза англичанина блестѣли, на желтомъ лицѣ игралъ румянецъ.

— О,—произнесъ онъ снова черезъ минуту,—вышелъ миссъ Сибирушка первый разовъ и большущій коробка конфетъ уже получайлъ. Этого не бивало еще никогда. Никсъ не помогаль нишево! Надо беречь миссъ Сибирушка и выпускать на публика порѣже, какъ можно порѣже. Пускай на звѣрь выходитъ кто похуже, пускай выходитъ Никсъ.

И совершенно спокойно произнеся эту фразу, мистеръ Билль отвернулся и заговорилъ о томъ же съ директоромъ Шольцемъ, продолжая восхищаться дѣвочкой.

— Поздравляю, поздравляю, Сибирочка! Видишь, какъ дорожитъ тобою мистеръ Билль,—зашептали Герта и Андрюша на ушко осчастливленной дѣвочкѣ, въ то время какъ силачка Элла, не говоря ни слова, сцапала ее въ свои желѣзныя объятія и, нѣжно прижимая ее къ себѣ, начала цѣловать.

— Какъ ты чувствуешь себя сегодня? Каково тебѣ? Небось не пришлись по сердцу эти похвалы?

Эта фраза, сказанная старшимъ Ивановымъ, точно молотомъ ударила въ ухо Никса.

Во все время завтрака онъ сидѣлъ самъ не свой, то блѣднѣя, то краснѣя каждую минуту.

Похвалы Сибирочкѣ точно ножами рѣзали и терзали его завистливую душу. Никсъ былъ взбѣшенъ на дѣвочку, на ея шумный успѣхъ, на мистера Билля, захвалившаго ее, на Эллу, Герту и Андрюшу, восторгавшихся ею. Но больше всего былъ золъ на себя за то, что онъ самъ привелъ „негодную дѣвчонку“ (теперь Никсъ не называлъ иначе Сибирочку) къ мистеру Биллю и самъ далъ ей возможность показать себя.

Слова мистера Билля о томъ, что ему, Никсу, далеко до Сибирочки, что онъ не такъ хорошъ, смѣлъ и ловокъ, какъ она, приводили его въ бѣшенство. Самая черная зависть глодала душу мальчика. А тутъ еще Денисъ Ивановъ, угадавъ, что происходило въ сердцѣ озлобившагося, завистливаго Никса, словно подливалъ масла въ огонь.

— И тебѣ не стыдно уступать свой успѣхъ какой то глупой дѣвчонкѣ?—шепталъ онъ на ухо Никсу.—Ты такой молодчинище, и вдругъ...

— Ну, какой онъ молодчинище—заревѣть готовъ!—подзуживалъ съ другой стороны Никса второй братъ, Глѣбъ.

— Понятно, зареветъ! Фи, стыдъ какой! А еще мужчина!—захохоталъ третій, Петръ,—да я бы на твоемъ мѣстѣ не ревѣлъ, а проучилъ бы ихъ всѣхъ хорошенько, и дѣвчонку эту, и мальчишку, Андрейку негоднаго. Тоже, поди, носъ задралъ, загордился своей пляской,—продолжалъ онъ тише.—Пока его не было, я плясалъ и русскую, и все. Меня публика чуть на рукахъ не носила, а тутъ, на-вотъ, какъ снѣгъ на голову свалились оба... О, будь я на твоемъ мѣстѣ, я бы вздулъ ихъ обоихъ такъ, что любо-дорого.

— Не стану я рукъ марать о дѣвчонку!—презрительно оттопыривая губу, произнесъ Никсъ.

— Ну, такъ Андрейку отколоти какъ слѣдуетъ—дѣвчонкѣ это еще больнѣе будетъ, чѣмъ ее самое обидѣть. Онъ къ тому же и зазнался не въ мѣру! А мы поможемъ тебѣ!—предложилъ снова Глѣбъ.

— Поможете?

— Конечно. Только ты брату Вадимкѣ не говори. Онъ съ Андрейкой друженъ... Сейчасъ ему сосплетничаетъ о нашемъ рѣшеніи. А ужъ руки у меня на этого Андрейку чешутся. Еще бы! Вчера еще Шольцъ

говоритъ отцу: „Вотъ, говоритъ, если-бъ кто-нибудь изъ вашихъ сыновей могъ выучить акробатическимъ штукамъ Андре, онъ бы всѣхъ за поясъ заткнулъ. На-диво ловкій мальчикъ!"—Вотъ мы и покажемъ этому ловкому... Проучимъ хорошенько. Вѣдь точно принцъ какой: носъ задираетъ, не разговариваетъ съ нами даже. Гусь!

— Сначала его проучимъ, а потомъ придумаемъ, какъ бы Сибирку эту съ мѣста сдвинуть!—шептывалъ на ухо Никсу Денисъ Ивановъ.

Никсъ угрюмо мотнулъ головою.

Въ его душѣ не было сейчасъ мѣста ни одному свѣтлому чувству; напротивъ того, въ головѣ Никса зрѣло одно новое рѣшеніе, которое онъ ни за что бы не высказалъ своимъ новымъ друзьямъ.

ГЛАВА XIII.

Письмо.—Сюрпризъ.—Затѣя Никса.

„МИЛАЯ маленькая дѣвочка! Я не знаю твоего имени и потому просто называю тебя милой маленькой дѣвочкой. Пожалуйста, не сердись на меня за это. Тебя называютъ Сибирочкой. Почему? Должно быть ты родилась и выросла въ Сибири... Такъ сказалъ мнѣ мой папа-князь. Я тоже была въ Сибири, но очень давно и не помню, когда это даже было... Тогда

я была совсѣмъ маленькой дѣвочкой. Теперь я большая. Мнѣ уже девять лѣтъ. А тебѣ сколько? Какая ты храбрая! Когда я увидѣла твою голову въ пасти этого ужаснаго льва—я чуть не закричала отъ испуга. Я думала, что онъ тебя съѣстъ. M-lle Софи, моя гувернантка, сдѣлала мнѣ выговоръ за то, что я бросила тебѣ конфеты, а не послала ихъ съ лакеемъ. Она говоритъ, что это неприлично, потому что я княжна и княжнѣ надо умѣть вести себя. А ты не княжна, маленькая дѣвочка? Это хорошо и худо. Хорошо — потому, что ты можешь кричать и тебя не останавливаютъ каждую минуту, можешь громко разговаривать, смѣяться, а худо—потому, что у тебя нѣтъ такихъ нарядныхъ платьицъ, шляпъ, нѣтъ такихъ игрушекъ съ картинками, какъ у меня, и ты должна входить въ клѣтку этихъ ужасныхъ львовъ, потому что иначе тебѣ нечѣмъ будетъ кормиться! Мнѣ очень жаль тебя... Когда ты снова будешь давать представленіе, мой папа-князь повезетъ меня въ театръ. Ну, вотъ видишь, какъ много я тебѣ написала! M-lle Софи говоритъ, что я худо написала и испортила двумя кляксами письмо. Но это ничего. Тебѣ пріятно будетъ получить это письмо и съ кляксами, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ кляксами ты найдешь въ немъ и маленькое колечко съ рубиномъ, которое я тебѣ дарю. Когда я буду въ театрѣ, я приду къ тебѣ съ папой за занавѣсъ. Вѣдь пустятъ? Должны пустить. Мой папа—князь, очень богатый и важный баринъ. У него столько денегъ, что если ихъ навалить въ кучу—получится гора.

Прощай, Сибирочка! Скоро я тебя увижу.

Княжна Аля Гордова".

Это письмо нѣсколько разъ подъ рядъ было прочтено Гертой, самой Сибирочкой и Андрюшей. На пальчикѣ Сибирочки уже красовалось, приложенное къ письму, прелестное кольцо съ рубиномъ, похожимъ на алую капельку крови. И письмо, и колечко рано утромъ доставилъ высокій лакей, одѣтый, какъ баринъ. Лакей пришелъ съ парадnаго крыльца и спросилъ, можно ли ему видѣть „барышню Сибирочку". Смущенная дѣвочка вышла къ лакею, и тотъ вручилъ ей письмо съ колечкомъ.

— Вотъ видишь, — весело говорила Герта Сибирочкѣ, — вотъ видишь, у тебя нашлись покровители и друзья. Я очень счастлива за тебя, милочка!

Счастливъ былъ за свою милую подругу и Андрюша, счастлива и Элла. Негритянка прыгала и хлопала въ ладоши, пальцемъ показывая на колечко.

Сибирочка написала отвѣтъ, въ которомъ поблагодарила свою новую подругу и вручила письмо лакею.

Потомъ Андрюша, она и Герта поѣхали на репетицію въ театръ, гдѣ ихъ уже ждали остальные члены труппы.

Мистеръ Билль и господинъ Шольцъ придумали, недѣлю тому назадъ, совершенно новое и чрезвычайно интересное представленіе, какого еще не приходилось видѣть посѣтителямъ театра „Развлеченіе".

Они рѣшили представить на сценѣ то, что было почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Это была неболь-

шая пьеса изъ временъ гоненія римлянъ на христіанъ, сочиненная самимъ мистеромъ Биллемъ. Она заключалась въ слѣдующемъ:

Дѣвочка-христіанка, по имени Вероника, живетъ въ Римѣ, которымъ правитъ цезарь, т. е. императоръ, Неронъ.

Неронъ запрещаетъ христіанамъ вѣровать въ Христа и мучаетъ, и пытаетъ всѣхъ, кто не хочетъ поклоняться бездушнымъ идоламъ, которымъ поклоняется самъ императоръ и его приближенные.

Веронику, которую должна была изображать Сибирочка, схватываютъ слуги Нерона и приводятъ ее по приказанію цезаря въ клѣтку со львами, которые и должны растерзать дѣвочку-христіанку.

Львы готовы броситься на нее, готовы вонзить въ нее свои когти, но дѣвочка надѣваетъ на шею одного изъ нихъ вѣнокъ изъ лавровъ, брошенный ей въ клѣтку Нерономъ, какъ бы въ насмѣшку надъ нею, и левъ тутъ же преклоняетъ колѣна передъ дѣвочкой-Вероникой. Его примѣру слѣдуетъ другой левъ, и Вероника здравой и невредимой выходитъ изъ клѣтки, получаетъ прощеніе императора, приближенные котораго тутъ же увѣровали въ Христа.

Эту небольшую пьесу очень усердно разучивали теперь дѣти: Никсъ, Андрюша, Герта, Сибирочка и другіе. Съ утра до вечера они находились теперь въ театрѣ-циркѣ и продѣлывали все, что требовалъ отъ нихъ мистеръ Билль.

Въ то утро, когда лакей князя Гордова принесъ письмо и подарокъ Сибирочкѣ, репетиція немного запоздала, такъ какъ мистеръ Билль пошелъ осматривать съ врачомъ ногу Юноны, которую та нечаянно подвернула во время послѣдняго представленія.

Господинъ Шольцъ былъ занятъ у себя въ кабинетѣ. Старикъ Дюруа занимался со своимъ внукомъ, котораго, вслѣдствіе его молодости, училъ отдѣльно.

Никсъ и три старшіе брата Ивановы были уже на аренѣ, когда Герта, Элла, Сибирочка и Андрюша появились тамъ.

— Что это у тебя на пальцѣ? Откуда ты стащила такую прелесть?—грубо крикнулъ Никсъ, успѣвшій сразу замѣтить на тоненькомъ мизинцѣ Сибирочки рубиновое кольцо.

Послѣдняя всцыхнула отъ обиды. Вспыхнула и Герта за свою любимицу, въ то время какъ негритянка, заслыша грубый голосъ и замѣтя вызывающій тонъ мальчика, грозно сдвинула свои сросшіяся брови.

Зато Андрюша былъ блѣденъ, какъ бѣлый воротничокъ его рубашки.

— Какъ ты смѣешь обижать дѣвочку!—сдержанно произнесъ онъ, не возвышая голоса, въ то время какъ глаза его уже загорѣлись гнѣвными искрами.

— Ахъ, скажите, пожалуйста, какія нѣжности! Не забудь, что я долженъ знать все, что касается васъ. Я васъ поставилъ на мѣсто и за васъ отвѣчаю. Дѣвчонка

стянула гдѣ то кольцо, и я не долженъ этого замѣтить...—началъ было съ хохотомъ Никсъ и не докончилъ своей фразы.

Въ два прыжка Андрюша очутился около него. Его тонкіе, но сильные пальцы, какъ клещи, впились въ плечо Никса. Его перекошенное лицо съ бѣшенствомъ приблизилось къ лицу противника.

— Слушай ты,—произнесъ онъ голосомъ, отъ котораго Никсъ невольно вздрогнулъ,—если ты посмѣешь когда-нибудь еще дурно обращаться съ нею,—онъ обратилъ взглядъ на Сибирочку,—то я... то я раздѣлаюсь съ тобою самъ! Слышишь ты меня!?

И Андрюша оттолкнулъ отъ себя не ожидавшаго ничего подобнаго Никса такъ, что тотъ закачался изъ стороны въ сторону и въ тотъ же моментъ растянулся на пескѣ, во всю свою длину, подъ звонкій хохотъ всѣхъ присутствующихъ.

ГЛАВА XIV.

Таинственная каморка.—Черный духъ.

ВЪ большомъ лѣтнемъ театрѣ имѣлся длинный подвалъ. Этотъ подвалъ, вѣрнѣе цѣлое подземелье, былъ устроенъ для того, чтобы тамъ складывать старыя и новыя декораціи, всевозможные театральные костюмы, имущество театра и цирка и прочія

вещи, необходимыя для каждаго хозяина театральнаго дѣла. Часть этихъ вещей находилась въ зданіи обоихъ театровъ, часть была сложена здѣсь.

Этотъ огромный подвалъ состоялъ изъ длиннѣйшихъ переходовъ, образовавшихся отъ нагроможденныхъ здѣсь ящиковъ и кулисъ, и заканчивался небольшою каморкою, куда никто не заходилъ даже днемъ, потому что тамъ было темно, какъ въ могилѣ, и слышалась какая то непріятная и шумная возня. Разумѣется, это возились крысы, но у младшихъ членовъ труппы театра „Развлеченіе“ было убѣжденіе, что внизу, въ подвалѣ живетъ черный духъ, хозяинъ подземелья, который и ночи, и дни проводитъ въ каморкѣ. Если бы кто-либо заглянулъ сюда въ перерывъ между репетиціями, то понялъ бы, какой тамъ хозяйничалъ духъ или, вѣрнѣе, четыре духа разомъ.

Лишь только днемъ кончалось первое отдѣленіе занятій на сценѣ и давался часовой отдыхъ, три старшіе брата Ивановы и Никсъ Вихровъ незамѣтно уходили и одинъ за другимъ пробирались сюда.

Здѣсь одинъ изъ нихъ доставалъ огарокъ свѣчи и зажигалъ его. Другой вынималъ изъ разныхъ кармановъ всевозможное угощеніе. Тутъ были и сласти, и фрукты, и закуски, и даже вино. Употребленіе вина строго воспрещалось въ „Большомъ домѣ“ у господина Шольца. Но старшій изъ братьевъ Ивановыхъ успѣлъ утащить бутылку вина изъ погреба хозяина, которое

исключительно держалось для гостей, и распивалъ его съ братьями и Никсомъ. Послѣдняго онъ успѣлъ тоже пріучить къ этому дурному дѣлу. Если запастись лакомствами и виномъ было почему либо неудобно этимъ путемъ, Никсъ покупалъ это угощеніе на свои деньги, которыя умѣлъ всегда выклянчивать у матери, не чаявшей въ немъ души.

Они пировали здѣсь днемъ, пировали во время представленій, въ перерывахъ между выходами на сцену.

Братья Ивановы были испорченные молодые люди, но Никсу они казались самыми лучшими друзьями, и онъ во всемъ старался подражать имъ. Если Денисъ, Глѣбъ и Петръ Ивановы курили — курилъ и Никсъ, хотя куреніе и не доставляло ему ровно никакого удовольствія. Пили братья вино—пилъ и Никсъ, хотя отъ вина его тошнило и нестерпимо болѣла голова. Но Никсу не хотѣлось отстать отъ своихъ старшихъ товарищей, и онъ во что бы то ни стало желалъ показаться имъ вполнѣ взрослымъ молодымъ человѣкомъ. Это было гадко, глупо и смѣшно. Съ этою цѣлью четыре друга и удалялись въ крохотную комнатку подполья, гдѣ пировали, не боясь быть открытыми начальствомъ и старикомъ Ивановымъ, который, разумѣется, сильно разсердился бы на своихъ сыновей.

— А вѣдь я придумалъ славную штучку!—воскликнулъ Никсъ, только что выпившій большую рюмку вина, отчего у него закружилась голова.

— Что ты еще придумалъ?—въ одинъ голосъ спросили у него три брата акробата.

Они съ Никсомъ сидѣли въ этотъ вечеръ въ каморкѣ подземелья, прямо на полу, поджавъ подъ себя ноги по-турецки.

Передъ ними стоялъ ящикъ, уставленный старыми, съ отбитыми краями, тарелками, наполненными лакомствами до краевъ, и едва початая бутылка вина. И вино, и сласти на этотъ разъ были унесены изъ кладовой директора, пока Герта, выдававшая повару провизію, утромъ отлучилась на кухню, оставивъ дверь не запертой на ключъ.

— Что-жъ ты придумалъ?

— А вотъ что: вамъ извѣстно, друзья мои, что въ пьесѣ „Христіанка и львы“ я играю Нерона. Я сижу на тронѣ и бросаю вѣнокъ въ насмѣшку надъ обреченной къ смерти Вероникой. Она надѣваетъ его на шею Юноны. Такъ вотъ—ха, ха, ха!—въ вѣнокъ я спрячу двѣ острыя иголки и... и... воображаю, какъ захочетъ слушаться негодную Сибирку львица, когда ей вонзятся въ тѣло по обѣ стороны шеи двѣ острыя иглы! Ха, ха, ха, ха! Разумѣется, покорности отъ нея тогда и не жди! И вмѣсто того, чтобы улечься къ ногамъ дѣвчонки, она запрыгаетъ бѣсомъ по клѣткѣ!.. Ха, ха, ха, ха! Вотъ то будетъ потѣха! И ужъ выругаетъ мистеръ Билль Сибирку за это... И передъ публикой она осрамится, и нагоняй получитъ, и никто уже не станетъ хвалить ее и подносить ей подарки! Ха, ха, ха, ха!

— А вдругъ львица разсвирѣпѣетъ и кинется на Сибирочку?—тревожно произнесъ одинъ изъ младшихъ Ивановыхъ, въ которомъ еще не вполнѣ заглохли хорошіе порывы.

— Ну, вотъ еще! Такъ вотъ тебѣ и кинется сразу! У меня будетъ револьверъ наготовѣ, и я выстрѣлю чуть что, да и мистеръ Билль не допуститъ: онъ всегда находится тутъ же, рядомъ, поблизости, у клѣтки. И потомъ, стоитъ только чуть-чуть ранить львицу, чтобы она забыла все и, бросивъ намѣченную жертву, кинулась разыскивать обидчика...

— Ну, въ такомъ случаѣ, все пойдетъ отлично,— одобрилъ Никса Денисъ Ивановъ,—всѣ увидятъ, что дѣвчонка испортила пьесу, не умѣя внушить покорности львамъ. И публика уже не будетъ на ея сторонѣ, и опять ты станешь, Никсъ, ея любимцемъ.

— О, мнѣ это безразлично! — съ дѣланно небрежнымъ видомъ произнесъ Никсъ, — я скоро ухожу отъ Билля, и онъ одинъ съ Сибирочкой поѣдетъ въ Америку подыскивать и приручать новыхъ молодыхъ львовъ.

— Онъ возьметъ и Андрея! — произнесъ старшій Ивановъ и тотчасъ же добавилъ съ лукавой усмѣшкой,— а ты, Никсъ, такъ и забылъ, какъ тебя оскорбилъ Андрей, и простилъ ему все, какъ Божья коровка!

Никсъ вспыхнулъ до корней волосъ.

— Я?.. я?.. я простилъ?—залепеталъ онъ смущенно.

— Ты... ты...—передразнилъ его Денисъ.—Что ты дашь мнѣ за то, если мнѣ удастся заманить сюда Андрея?

— Какъ что?—такъ и всколыхнулись его два брата и самъ Никсъ.

— Ну, да!—продолжалъ съ усмѣшкой Денисъ,—я поспорилъ сегодня утромъ съ Андреемъ. Я сказалъ ему, что, вѣроятно, онъ боится, какъ и всѣ здѣшніе ребята, чернаго духа, который бродитъ въ подпольѣ. Онъ отвѣтилъ, что не боится ничего. Тогда я ему сказалъ: докажи и приди сегодня вечеромъ въ перерывъ представленій. И глупый мальчикъ обѣщалъ придти. Сейчасъ онъ явится сюда... Намъ остается только проучить его, какъ слѣдуетъ, и навсегда отвадить отъ глупой привычки важничать передъ нами.

— О, какой вы умный, Деня! Какъ вы славно придумали все это!—вскричалъ Никсъ,—я сдѣлаю вамъ за это все, чего бы вы ни пожелали! Но, чу... вы слышите шаги? Это онъ!...—внезапно прервалъ Никсъ свою рѣчь.

Дѣйствительно, въ подпольѣ кто то шелъ по направленію къ каморкѣ. Всѣ три брата и Никсъ чутко насторожились...

Вотъ ближе... ближе шаги... еще ближе... Теперь они уже у самыхъ дверей каморки.

— Сейчасъ онъ войдетъ! Слушайся, братцы, меня,—скомандовалъ шопотомъ Денисъ,—я первый подскочу къ нему и схвачу его за руки, чтобы онъ не могъ за-

щищаться. Вы же хорошенько прибейте его, не жалѣя кулаковъ. Потомъ мы свяжемъ его и оставимъ здѣсь, а сами пойдемъ къ господину Шольцу и приведемъ его сюда. Онъ увидитъ связаннаго Андрея, недопитую бутылку и закуски изъ своего погреба и... и... рѣшитъ, что облагодѣтельствованный имъ мальчикъ бездѣльникъ и воръ, А мы всѣ четверо подтвердимъ это...

— Прекрасно, прекрасно!—зашептали два младшіе брата Ивановы и Никсъ.—Теперь то мы доберемся до него, какъ и слѣдовало бы давно!—и, потирая руки, они стали ждать появленія Андрюши.

. . . . . .

Еще ближе послышались шаги. Теперь уже совсѣмъ, совсѣмъ близко... Кто то тронулъ дверь... Скобка звякнула и...

Высокое, въ черномъ плащѣ, существо, со страшнымъ блѣднымъ лицомъ, появилось на порогѣ каморки. На головѣ, покрытой чернымъ капюшономъ, торчали рога. Изъ-подъ плаща змѣился длинный хвостъ. Стекловидные глаза слабо мерцали при тускломъ свѣтѣ огарка.

— Ага! Попались! Будете хозяйничать въ моемъ царствѣ! Вотъ я васъ за это! — гробовымъ голосомъ произнесъ неизвѣстный посѣтитель и, отдѣлившись отъ двери, огромными шагами двинулся впередъ.

— Аїі-аї-аї, черный духъ!—взвизгнулъ не своимъ голосомъ Никсъ и, продолжая неистово визжать, закрылъ

лицо руками и внѣ себя повалился на полъ. Два младшіе Ивановы присѣли тутъ же, подлѣ него, шепча молитвы.

— Чуръ меня! Чуръ меня! Чуръ меня! Чуръ! Чуръ! Чуръ!—закричалъ дико, вытаращивъ глаза на страшное явленіе, старшій Ивановъ и забился носомъ въ самый уголъ каморки.

— Ха, ха, ха, ха! И трусы же вы, братцы! Сами чернымъ духомъ пугали и сами же первые его испугались!—раздался веселый звонкій смѣхъ изъ подъ капюшона и вмигъ полетѣла съ грохотомъ страшная маска съ высокой палки, на которой она была надѣта, упала черная мантія, отскочили рожки съ хвостомъ—и смѣющееся лицо Андрюши предстало внезапно передъ на смерть перепуганными друзьями.

— Ха, ха, ха, ха! Это я... я же, глядите, трусы,— весело вскричалъ онъ. — Я шелъ къ вамъ, да по дорогѣ увидѣлъ въ какомъ то раскрытомъ сундукѣ въ подпольѣ старый, заношенный костюмъ съ рожками и хвостомъ и эту маску и напялилъ все это на себя. Дай, думаю, припугну ихъ въ шутку... А выходитъ, что вы— трусы и на самомъ дѣлѣ испугались. Ха, ха, ха, ха!— тѣмъ же веселымъ смѣхомъ заключилъ онъ свою рѣчь.

Юноши во всѣ глаза смотрѣли на него, еще не понимая сути дѣла. Наконецъ, Денисъ Ивановъ тихонько вышелъ изъ своего угла. Никсъ, все еще продолжавшій тихо подвизгивать, точно испуганная комнатная собачка, тоже нерѣшительно приподнялся съ земли. Такъ же не-

рѣшительно встали на ноги и другіе два брата, Глѣбъ и Петръ.

— Такъ это ты, а не черный духъ, на самомъ дѣлѣ!—произнесъ Денисъ.

— Ха, ха, ха, ха! Ну, разумѣется, я!—пришелъ совсѣмъ уже въ веселое настроеніе Андрюша.

— Это онъ! — словно эхо проронили Никсъ и два младшіе Ивановы въ одинъ голосъ.

— Это онъ!—подтвердилъ ихъ братъ Денисъ, и у него сдѣлалось въ эту минуту сконфуженное и очень глупое лицо.

— Но какъ же ты смѣешь смѣяться надъ нами?!.—неожиданно разразился онъ, глядя сердитыми глазами на все еще продолжавшаго смѣяться Андрюшу.

— Да, какъ ты смѣешь?.. Мы проучимъ тебя за это!—послышались угрожающіе голоса его братьевъ.

— Да, да, проучимъ, проучимъ!—подтвердилъ внезапно обрѣтшій свою прежнюю храбрость Никсъ.

— Вотъ я тебя за это!—гаркнулъ во весь голосъ старшій Ивановъ и кинулся на мальчика съ поднятыми кулаками, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ что-либо сообразить. Кинулись вслѣдъ за нимъ и его братья, и Никсъ Вихровъ на Андрюшу. Но тутъ случилось нѣчто неожиданное! Андрюша внезапно прыгнулъ на середину каморки и въ одну секунду затушилъ свѣчу. Полная тьма воцарилась теперь здѣсь. Въ этой темнотѣ только слышалась какая то отчаянная возня и наконецъ раздался звенящій слезами голосъ Никса:

— Вы съ ума сошли, Денисъ! Мнѣ больно! Вы деретесь меня за волосы... Ой, ой, ой, ой!

— Да развѣ это ты, Никсъ?—послышался изумленный голосъ старшаго Иванова.

— Я! Разумѣется, я! Да оставьте же мои волосы, говорю я вамъ.

— Вотъ странно! А я вѣдь думалъ, что это Андрюшка.

— Андрюшка долженъ быть въ противоположномъ углу,—откликнулся Глѣбъ.

— Держи его, братцы!—неистово закричалъ Петръ и метнулся по подполью въ полной темнотѣ.

— Ай, ай, ай! Это не Андрюшка, а я! Я же—Денисъ! Какъ ты смѣешь меня бить! Я пожалуюсь отцу и г. Шольцу!—неистово завопилъ онъ въ тотъ же мигъ на все подполье.

— Ахъ, это ты! Прости, пожалуйста, и не хнычь! Я думалъ—это Андрей. Да гдѣ же онъ, наконецъ?

Братья Ивановы и Никсъ носились въ потемкахъ, награждая шлепками и тумаками одинъ другого, при чемъ они тутъ же узнавали свои промахи и неистово бранили Андрюшу, который давно успѣлъ уже въ это время подняться наверхъ и, весело смѣясь, разсказывалъ обо всемъ происшедшемъ своимъ друзьямъ.

Только передъ самымъ началомъ второго отдѣленія спектакля четыре истерзанныя, въ разорванныхъ платьяхъ, съ предательскими синяками на лбу, растрепанныя фигуры вылѣзли изъ подполья.

Господинъ Ивановъ сдѣлалъ строгое внушеніе своимъ сыновьямъ, мистеръ Билль—Никсу, а господинъ Шольцъ пригрозилъ выключить всѣхъ четверыхъ изъ своей труппы, если что-либо подобное повторится еще разъ. Господинъ Шольцъ еще не зналъ всего, что случилось, и бранилъ юношей только за драку и шумъ, доносившійся къ нимъ все время изъ подполья. Андрюша же былъ далекъ отъ намѣренія повѣдать всю правду.

Благородный мальчикъ не хотѣлъ причинить никому зла.

ГЛАВА XV.

Снова княжна Аля.—Счастливый день.

—ВАСЪ зовутъ, дитя мое! За вами пришли!

И господинъ Шольцъ, взявъ за руку Сибирочку, съ таинственной улыбкой повелъ ее черезъ столовую, гдѣ только что окончился завтракъ, въ пріемную, куда заглядывали иногда рѣдкіе знакомые и друзья обитателей большого дома. У дверей пріемной директоръ оставилъ дѣвочку и ушелъ. Она была очень удивлена. Она никого не знала, кто бы могъ придти къ ней. Правда, та странная маленькая аристократка-барышня обѣщала побывать у нея въ театрѣ въ вечеръ представленія пьесы „Христіанка и львы“, но до этого представленія оставалось еще два дня, стало быть княжна

Аля только черезъ два дня могла заглянуть и то только въ театръ... Кто же это могъ быть?

Выходя изъ столовой, Сибирочка успѣла обмѣняться быстрымъ взглядомъ съ Андрюшей, лицо котораго выказывало тоже живѣйшее любопытство. Нерѣшительно, несмѣло вошла въ гостиную Сибирочка. При ея появленіи со стула поднялась нарядная, въ бѣломъ пальто, барышня и съ веселымъ смѣхомъ бросилась къ ней навстрѣчу.

— Вотъ и я! Вотъ и я!—вскричала весело княжна,— а ты не ждала меня? Не ждала? Вѣдь правда? Здравствуй, маленькая дѣвочка! — залепетала она, покрывая лицо Сибирочки градомъ нѣжныхъ поцѣлуевъ.—Я пріѣхала къ тебѣ, потому что не могла дожидаться свиданія съ тобою еще два дня... Не правда ли, я поступила хорошо? Папа написалъ письмо твоему начальнику, чтобы онъ отпустилъ тебя на цѣлый день къ намъ. Господинъ Шольцъ позволилъ, и мы проведемъ отлично денекъ! Я такъ рада тебя видѣть. Ты вѣдь тоже любишь меня? Ты рада мнѣ?

Слова у княжны Али сыпались какъ искры. Она едва-едва успѣвала произносить ихъ.

Сибирочкѣ не было никакой возможности отвѣчать что-либо своей болтливой гостьѣ.

Маленькая щебетунья наполнила всю комнату своимъ милымъ голоскомъ.

— Ахъ, какъ я хотѣла тебя видѣть! Какъ хотѣла видѣть тебя! — трещала княжна, сіяя хорошенькими

глазками. — Вотъ m-lle Софи скажетъ! Правда, m-lle Софи?

М-lle Софи, которую тоже увидѣла здѣсь Сибирочка, подтвердила слова княжны. Она очень ласково поздоровалась съ Сибирочкой и прибавила отъ себя, что князь позволилъ дочери пригласить на цѣлый день ее къ себѣ.

— А ты поѣдешь съ нами вечеромъ въ театръ!— неожиданно объявила княжна,

— Въ театръ? Въ какой театръ? — изумилась дѣвочка.

— Ну, хотя бы въ вашъ театръ-циркъ! Это будетъ очень забавно. Ты, маленькая укротительница львовъ, будешь сидѣть со мною въ ложѣ, и всѣ будутъ завидовать тебѣ!—не безъ нѣкоторой доли гордости произнесла маленькая аристократка.

— Ахъ, мнѣ ужъ и такъ завидуютъ! — вздохнула Сибирочка.—Андрюшѣ завидуютъ тоже у насъ.

— А кто такой Андрюша?—заинтересовалась снова княжна Аля.

— Это мой названный братъ. Онъ очень хорошій мальчикъ.

— И ты его любишь больше меня?—уже съ нѣкоторою досадою въ голосѣ спросила княжна.

Сибирочка, которая не умѣла лгать, отвѣтила просто:

— Да, я его люблю больше васъ, больше всего въ мірѣ!—горячо вырвалось изъ ея груди.

— Но ты должна меня тоже любить больше всѣхъ!— топнула ножкой княжна.—Я такъ хочу!

— Аля! Аля!—остановила дѣвочку m-lle Софи.

— Ну, что такое—„Аля! Аля!“ Вѣчно только и слышишь: „Аля, сиди смирно!“ „Аля, не грызи ногти!“ „Аля, не болтай ногами!“ Очень все это скучно!—и она презабавно надула хорошенькія губки.

— Перестаньте, Аля! Вѣдь ваша подруга съ вами! Ведите же ее къ намъ скорѣе!—напомнила m-lle Софи, стараясь измѣнить настроеніе капризной дѣвочки.

— Ахъ, да! — неожиданно разсмѣялась княжна. — Пойдемъ, Сибирочка. Позови лакея! Пусть онъ надѣнетъ тебѣ пальто! — заторопилась она.

— У насъ нѣтъ лакеевъ, а горничная нанята не для насъ, дѣтей, и господинъ Шольцъ не позволяетъ ей намъ прислуживать. Легкіе труды мы должны исполнять всегда сами, — проговорила серьезнымъ голосомъ Сибирочка княжнѣ.

— Вотъ это уже совсѣмъ глупо!—снова разсмѣялась Аля.—Зачѣмъ тогда брать прислугу, если не для того, чтобы услуживать намъ? Ай!..—вскричала она внезапно, едва успѣвъ докончить свою фразу,—что это за чучело тамъ глядитъ? Смотри! Смотри!—и она безцеремонно ткнула пальчикомъ по направленію къ двери, откуда просовывалась черная голова Эллы.

— Это наша атлетка!—пояснила Сибирочка и ласково кивнула своему чернокожему другу.

— Фи, противная какая! Черная, какъ сажа!—сдѣлала презрительную гримаску княжна.—А что она умѣетъ дѣлать?—заинтересовалась она внезапно.

— Дайте ей монету, и она двумя пальцами согнетъ ее!—предложила Сибирочка,—она у насъ страшно сильная, наша Элла.

— Да неужели?—и глаза княжны Али загорѣлись самымъ жгучимъ любопытствомъ. Она сунула руку въ карманъ и вынула оттуда нарядный бархатный кошелекъ. Въ кошелькѣ было немало золота и серебра. Князь Гордовъ очень баловалъ свою маленькую дочку и дарилъ ей много денегъ.

— Вотъ золотой, пусть согнетъ его! Если согнетъ, я подарю ей его!—и Аля небрежно швырнула монету негритянкѣ. Та ловко подхватила золотой на-лету, весело усмѣхаясь и сверкая бѣлыми зубами, и крѣпко зажала его на минуту въ своихъ сильныхъ пальцахъ. Потомъ подбросила золотой кверху, и когда десятирублевикъ очутился снова на ея черной ладони, онъ оказался сплющеннымъ въ трубочку.

— Ха, ха, ха!—звонко разсмѣялась княжна.—Вотъ такъ молодецъ! Дѣйствительно, она умѣетъ сплющивать монеты. А теперь, чумазка ты этакая, разогни-ка ее снова!—обратилась она снова къ негритянкѣ,—и такъ какъ та не поняла ее, то Аля жестами и движеніями пояснила негритянкѣ, чего ей хотѣлось отъ нея. Послѣдняя снова широко улыбнулась губами и глазами.

Ея бѣлые зубы сверкнули какъ большія миндалины. Она учащенно закивала головой и снова зажала монету въ пальцахъ. И опять золотой пріобрѣлъ свой прежній видъ и заблестѣлъ на ладони негритянки.

— Очень, очень хорошо! — захлопала въ ладоши княжна Аля. Потомъ она приняла важный и гордый видъ знатной барышни, покровительственно-небрежно кивнула головой Эллѣ и пошла изъ комнаты объ руку со своей новой подругой. M-lle Софи послѣдовала за ними. Неожиданно на лѣстницѣ тяжелая черная рука опустилась на плечо княжны. Она вскрикнула отъ испуга и живо обернулась.

Передъ ней стояла черная Элла. Негритянка протягивала ей золотую монету, тряся своей курчавой головой, и что то мычала.

— Зачѣмъ она отдаетъ? Это ей въ подарокъ отъ меня!—пожала плечами Аля,—объясни ей это.

Сибирочка оживленными жестами стала пояснять что то своей чернокожей подругѣ. Но та только попрежнему трясла головой и мычала въ отвѣтъ, сильно размахивая руками и пытаясь объяснить что то.

— Она не возьметъ денегъ отъ васъ, — смущенно пояснила княжнѣ Алѣ Сибирочка, — она говоритъ, что она мой другъ, стало быть—и вашъ тоже!

— Ну, дружбы ея я не особенно то просила, и какая это дружба съ чернокожей!—засмѣялась княжна и стала спускаться съ лѣстницы.

— У нея свѣтлая душа!—произнесла Сибирочка, которая съ каждымъ днемъ узнавала все лучше благородную душу черной Эллы.

У подъѣзда княжну Алю ждала богатая коляска, запряженная парой вороныхъ рысаковъ.

— Садись же скорѣе! — нетерпѣливо сказала Аля своей новой подругѣ и птичкой впорхнула въ экипажъ. Сибирочка, никогда въ жизни не ѣздившая въ экипажѣ, почти съ робостью помѣстилась въ немъ. Лошади съ мѣста взяли рысью, и экипажъ безшумно покатилъ по мостовой.

Былъ ясный весенній день. Деревья уже зазеленѣли въ скверахъ, уличные мальчики продавали повсюду букеты нѣжныхъ и пахучихъ цвѣтовъ.

Черезъ четверть часа экипажъ остановился у большого дома-особняка съ мраморными колоннами и роскошнымъ подъѣздомъ.

— Вотъ мой домъ! Не правда ли, онъ похожъ на дворецъ?—проговорила съ гордостью княжна Аля, и ея юное личико приняло надменное выраженіе.

Швейцаръ выскочилъ изъ подъѣзда и сталъ суетливо высаживать пріѣхавшихъ изъ экипажа.

— Пойдемъ, я познакомлю тебя съ моимъ папой, княземъ,— проговорила снова Аля и, схвативъ за руку Сибирочку, бросилась съ нею почти бѣгомъ по широкой лѣстницѣ, устланной коврами и уставленной тропическими растеніями по площадкамъ Сибирочка широко раскры-

тыми отъ изумленія глазами смотрѣла на невиданную еще никогда ею роскошную барскую обстановку. Громадныя комнаты съ высокими зеркалами, мягкая шелковая мебель, ковры, картины, нарядныя бездѣлушки,—все это невольно приковывало ея взглядъ.

— А вотъ и папа!—проговорила княжна Аля, вбѣгая въ роскошный, нѣсколько мрачный кабинетъ, въ которомъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ тотъ самый блѣдный господинъ въ наглухо застегнутомъ черномъ сюртукѣ, котораго Сибирочка видѣла съ княжною въ театрѣ.

Этотъ, далеко еще не старый, но съ печальнымъ лицомъ, господинъ поднялся со своего мѣста и протянулъ Сибирочкѣ обѣ руки.

— Здравствуйте, дитя мое!—проговорилъ онъ пріятнымъ, мягкимъ голосомъ,—я радъ, что васъ удалось заполучить сегодня моей шалуньѣ. Она съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла васъ, и слышать не хочетъ о другихъ подругахъ. Упросила меня написать вашему директору и попросить отпустить васъ къ намъ на цѣлый день. Вѣдь вы свободны сегодня? Не правда ли, дитя мое?

— Да! Да! Она свободна!—не давая отвѣтить смущенной этой любезной встрѣчей Сибирочкѣ, вскричала княжна.—Да, да, она свободна и поѣдетъ со мною въ свой театръ! Я хочу ѣхать сегодня въ театръ, въ ея театръ!—шумно и весело заявила она.

— Не будетъ ли это слишкомъ часто, дитя мое?—

произнесъ князь, ласково взглянувъ на дочь своими печальными, добрыми глазами.

— Но я такъ хочу, папа!—задрожавшимъ голоскомъ произнесла готовая уже заплакать маленькая княжна.

Князь, боявшійся причинить какое-либо горе своей любимицѣ, поспѣшилъ согласиться.

— Хорошо, крошка,—сказалъ онъ ласково,—на этотъ разъ я не лишу тебя удовольствія, хотя посѣщать такъ часто театры въ твои годы очень вредно. А вы, дитя мое, родились и выросли въ Сибири? И должно быть вслѣдствіе этого вамъ и дали въ театрѣ такое хорошенькое имя? — обратился князь Гордовъ съ вопросомъ къ совсѣмъ уже потерявшейся отъ смущенія дѣвочкѣ.

— Да, — сорвалось съ устъ Сибирочки,—я только два мѣсяца какъ пріѣхала оттуда въ Петербургъ.

— А ваши родные остались тамъ?

— У меня нѣтъ родныхъ. Былъ у меня дѣдушка, но умеръ... Правда, есть еще Андрюша, братъ, то-есть... не родной, но...

Но тутъ княжна Аля безъ церемоніи прервала Сибирочку и съ шумомъ и смѣхомъ потащила ее къ дверямъ.

— Пойдемъ, пойдемъ! Я покажу тебѣ мою комнату, игрушки, книги, все, все!—и Аля выпорхнула бабочкой изъ кабинета, увлекая за собою дѣвочку.

Князь долго съ грустной улыбкой смотрѣлъ вслѣдъ дочери. Онъ очень любилъ свою Алю и исполнялъ всѣ

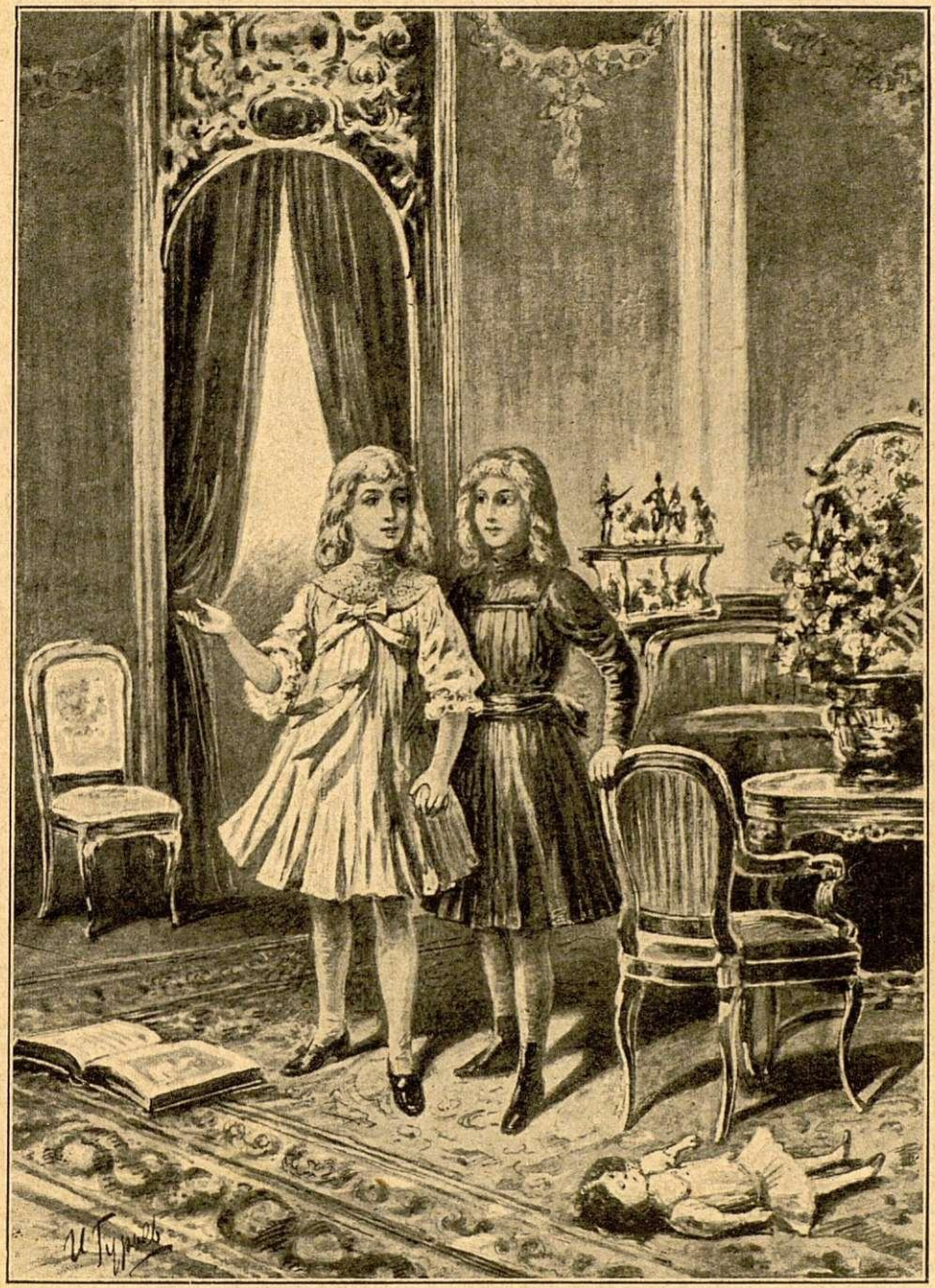
ея малѣйшіе капризы и желанія. Постояннымъ страхомъ князя было потерять дѣвочку. Княжна Аля часто злоупотребляла любовью къ ней отца. Дѣвочка была капризна, надменна и требовательна, но князь прощалъ все своей взбалмошной дочуркѣ и никогда не сердился на нее.

— Вотъ моя гостиная!—торжествующе заявила княжна Аля своей новой подругѣ, вводя ее въ прелестную комнату, всю уставленную крошечною мебелью розоваго плюша, миніатюрными зеркалами въ золоченыхъ рамахъ, хрупкими и драгоцѣнными, похожими на игрушки. Рыхлый, пушистый розовый коверъ покрывалъ весь полъ комнаты. На коврѣ валялась нарядная кукла, небрежно кинутая въ уголъ, и раскрытая книга въ золоченомъ переплетѣ.

— Это моя гостиная, а тамъ, рядомъ—моя спальня, классная и зала для игры... Въ залѣ ты увидишь мои игрушки и книги... Ихъ у меня очень много!—продолжала тараторить княжна.—Въ залѣ мы будемъ и обѣдать сегодня, намъ накроютъ на игрушечномъ столѣ,—рѣшила она неожиданно.

— Но, дитя мое,—вмѣшалась m-lle Софи въ рѣшеніе своей воспитанницы,—что скажетъ вашъ папа? Или вы не будете обѣдать съ нимъ сегодня въ большой столовой?

— Ахъ, Господи, если я такъ хочу!—капризно надувая губки, произнесла княжна и очень сердито взглянула на свою наставницу.



— Вотъ моя гостиная,—торжествующе заявила княжна...

— Аля!—съ укоромъ произнесла m-lle Софи.

— Что Аля! Ну, что Аля!—вся покраснѣвъ какъ вишня, съ гнѣвомъ повторила, передразнивая, княжна,—папа добрый, и онъ все позволитъ! А вы запрещаете все потому, что вы недобрая, вы—злая! Вы мнѣ всю радость портите только всегда... вы... вы... Я сейчасъ пойду попрошу у папы и... и пожалуюсь заодно на васъ,—съ плачемъ заключила она и бросилась вонъ изъ комнаты.

Гувернантка пожала только плечами и взглянула на Сибирочку. Та стояла потерянная, смущенная, съ потупленными глазами. Маленькая княжна и нравилась ей, и отталкивала ее отъ себя въ одно и то же время. Кроткой, нѣжной и послушной Сибирочкѣ была непонятна эта необузданная натура богатой, знатной, маленькой аристократки.

Она все еще думала объ этой необузданной дѣвочкѣ, когда послѣдняя снова появилась на порогѣ и, торжествующими глазами, безъ всякаго уже гнѣва, взглянувъ на m-lle Софи, громко заявила:

— Позволилъ! Папа позволилъ! Мы обѣдаемъ за игрушечнымъ столомъ, а вечеромъ ѣдемъ въ театръ!

. . . . . .

Это былъ какой то сплошной сказочный сонъ наяву, переживаемый Сибирочкой. Чудныя, какъ во дворцѣ комнаты съ роскошной обстановкой, четыре прелестныя, собственныя комнатки княжны Али, ея дорогія куклы,

игрушки и книги съ картинками, наконецъ, великолѣпный обѣдъ, поданный въ игрушечной залѣ на миніатюрныхъ тарелкахъ,—все это было такъ диковинно и интересно для бѣдной, маленькой дѣвочки, выросшей въ нищетѣ.

Послѣ особенно вкуснаго десерта стали собираться въ театръ. Княжну Алю одѣли въ нарядное бѣлое платьице, въ которомъ дѣвочка выглядѣла настоящей фарфоровой куклой.

Сибирочка осталась въ своемъ коричневомъ платьѣ, которое ей сшила домашняя портниха семьи Шольцъ. Разница въ нарядѣ обѣихъ дѣвочекъ была поразительная и сразу бросалась въ глаза. И все же скромная, маленькая цирковая актриса была куда красивѣе и милѣе, благодаря своему прелестному кроткому личику, чѣмъ нарядная, въ пухъ и прахъ разряженная, княжна.

ГЛАВА XVI.

Новое открытіе. — Страхи г-жи Вихровой. — Выходъ найденъ.

— ГЛЯДИ, матушка, наша то Шурка, принцесса то ненаглядная, Сибирочка, въ ложѣ съ Аленькой возсѣдаетъ...

— Гдѣ? Гдѣ, Николашенька?!.

— Да вотъ, прямо! Ишь, пролѣзла все же въ княжескую семью. Стало быть, и кольцо она ей подарила и письма ей пишетъ...

— Какое кольцо? Какія письма?

— Да, Аленька, говорю, письма пишетъ Сибиркѣ этой!

— Что?—лицо Анны Степановны Вихровой покрылось при этихъ словахъ смертельной блѣдностью. Она сидѣла съ сыномъ въ дешевыхъ мѣстахъ театра „Развлеченіе“ (Никсъ не былъ занятъ въ этотъ вечеръ и, рѣшивъ дать возможность матери поразвлечься немного, привелъ ее сюда).

— Что ты говоришь, Николаша!—почти съ ужасомъ прошептала она.—Неужели попала въ домъ князя пройдоха эта?

— Тише, матушка! Услышитъ еще кто!—остановилъ Никсъ Вихровъ и съ досадой закусилъ губу.

Дѣйствительно, имъ надо было остерегаться. Впереди нихъ сидѣлъ какой то старикъ, съ длинной бородой, въ синихъ очкахъ, не то ремесленникъ, не то мелкій торговецъ по виду, и все время вслушивался въ ихъ разговоръ, не желая, очевидно, пропустить изъ него ни единаго слова.

Если бы Анна Степановна и Никсъ прослѣдили за старикомъ, они замѣтили бы, что вниманіе послѣдняго было точно также привлечено той ложей, гдѣ сидѣла Сибирочка вмѣстѣ съ княжной Гордовой и m-lle Софи.

Глаза старика не отрывались отъ этой ложи во время спектакля.

— Такъ и есть—она!—произнесъ онъ мысленно, и лицо его приняло злое, торжествующее выраженіе, лишь только онъ услышалъ разговоръ матери и сына за своими плечами и понялъ, что рѣчь идетъ о той же живо заинтересовавшей его дѣвочкѣ, сидѣвшей въ ложѣ.

Въ свою очередь и Анна Степановна Вихрова была теперь какъ на иголкахъ. Ея щеки то вспыхивали пятнами румянца, то дѣлались бѣлѣе полотна. Она буквально задыхалась отъ волненія и, забывъ даже смотрѣть на арену, гдѣ на воздушныхъ трапеціяхъ кувыркались братья Ивановы, горящими глазами впилась въ Сибирочку, не чуявшую устремленнаго на нее взгляда.

— Погубитъ насъ дѣвчонка, какъ есть погубитъ, если останется здѣсь еще хоть нѣсколько дней!—громко, въ забывчивости отчаянія, прошептала Вихрова.

Никсъ испуганно сжалъ руку матери и процѣдилъ сквозь зубы:

— Ради Бога, тише, мама! Еще услышитъ насъ кто-нибудь.

Лицо у Никса было не менѣе испуганно, нежели у матери.

— Ахъ, я полжизни отдала бы, кажется, лишь бы удалось услать Сибирочку теперь же изъ Петербурга куда-нибудь подальше!—продолжала внѣ себя, волнуясь и дрожа всѣмъ тѣломъ, Вихрова и въ отчаяніи

хрустнула пальцами, совершенно не умѣя владѣть собою.

Къ счастью, около нихъ не было публики, и ближайшія мѣста оставались пустыми. Одинъ только старикъ въ синихъ очкахъ, сидѣвшій впереди, слышалъ каждое слово разговора.

Между тѣмъ на сценѣ-аренѣ окончился послѣдній актъ представленія.

Публика зашумѣла и засуетилась, покидая мѣста.

Княжна Аля, нѣжно поцѣловавъ Сибирочку, разсталась съ нею.

Аннѣ Степановнѣ и Никсу не было слышно, что онѣ говорили, но трогательное прощаніе дѣвочекъ еще болѣе взволновало обоихъ Вихровыхъ—и сына, и мать.

— Еще два-три такія свиданія, и... мы пропали! Сибирочка не ограничится одной дружбой съ Аленькой, и благодѣтель скоро узнаетъ все. Заинтересуется же онъ прошлою жизнью подруги своей дочери!—въ отчаяніи ужаса лепетала Вихрова, поминутно кашляя и хватаясь за грудь.—Нѣтъ, нѣтъ. Надо придумать что-нибудь сейчасъ же... Надо ее вонъ отсюда, и не осенью съ мистеромъ Биллемъ, а теперь, теперь... Завтра, Никсъ, заходи домой! Мы переговоримъ объ этомъ.

И безпорядочно, и прерывисто кидая слова, Анна Степановна наскоро простилась съ сыномъ (который теперь жилъ также въ „Большомъ домѣ“ Шольца и только

изрѣдка забѣгалъ къ матери) и взволнованная, какъ никогда, поплелась домой.

Она была такъ занята своими тревожными мыслями, что совсѣмъ позабыла о дальнемъ разстояніи отъ театра къ дому и, не нанимая извозчика, пѣшкомъ зашагала по глухимъ улицамъ столицы.

Она шла, вздрагивая и спотыкаясь каждую минуту, сворачивая машинально изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ.

Если бы Вихрова не была поглощена своей тревогой и обернулась хоть разъ, она увидала бы въ весеннихъ сумеркахъ майской ночи неустанно слѣдовавшаго за нею человѣка. Этотъ человѣкъ былъ никто иной, какъ сидѣвшій передъ нею въ театрѣ старикъ, въ синихъ очкахъ, съ сѣдой, совсѣмъ бѣлой бородой. Однако, этотъ старикъ шелъ далеко не старческой, а скорѣе юношески легкой походкой и то и дѣло зорко оглядывался по сторонамъ.

Когда Вихрова, миновавъ нѣсколько улицъ, очутилась, наконецъ, въ захолустномъ переулкѣ Выборгской стороны, по одну сторону котораго тянулся заборъ какого то огорода, а по другую—убогіе, покосившіеся домишки, незнакомецъ вдругъ ускорилъ шаги и въ нѣсколько минутъ догналъ ее.

— Остановитесь! — произнесъ онъ хриплымъ голосомъ, хватая Вихрову за руку.

Она замерла отъ испуга, увидѣвъ точно изъ-подъ земли выросшаго передъ нею человѣка.

— Не кричите. Я не причиню вамъ никакого зла! Слышите ли, я запрещаю вамъ кричать!—грозно приказалъ странный старикъ, видя, что она уже открываетъ ротъ, чтобы крикнуть, позвать на помощь.—Повторяю, я не хочу вамъ зла. Напротивъ, я остановилъ васъ ради вашей же пользы... Вы, насколько я понялъ изъ вашего разговора съ сыномъ въ театрѣ, хотите избавиться отъ той маленькой дѣвочки, которая сидѣла въ ложѣ Гордовыхъ? Такъ ли я говорю?

— Да! — совсѣмъ машинально проронила Вихрова, у которой ноги подкашивались отъ страха въ этотъ мигъ.

— Эта дѣвочка мнѣ нужна,—снова заговорилъ незнакомецъ.—Больше того, она мнѣ необходима. Я долженъ ее увезти изъ Петербурга надолго... навсегда... увезти далеко, въ Сибирь... Безъ нея мнѣ не прожить спокойно и безопасно,—продолжалъ незнакомецъ своимъ хриплымъ, далеко опять-таки не слабымъ и не старческимъ голосомъ.

— Вы ея родственникъ?—начиная чуть-чуть приходить въ себя отъ испуга, слабо освѣдомилась Вихрова.

— Да, я ея дѣдъ...

— Дѣдъ!—пораженная изумленіемъ почти вскричала она.—Дѣдъ?.. Но какъ же... какъ ваше имя?

— Меня зовутъ Степанъ Михайловичъ Кашиновъ,—отвѣчалъ не дрогнувъ хриплый голосъ.—Я бѣдный сибирскій птицеловъ.

— А-а!—вырвалось не то испуганнымъ крикомъ, не то стономъ изъ груди Анны Степановны, и она зашаталась, готовая грохнуться на землю.

Имя и фамилія, произнесенныя незнакомцемъ, принадлежали ея покойному отцу. Степанъ Михайловичъ Кашиновъ и былъ тотъ самый дѣдушка Михайлычъ, который нашелъ и взлелѣялъ дѣвочку Сибирочку и потомъ умеръ въ тайгѣ. Теперь Вихрова отлично поняла одно: передъ нею стоялъ опытный обманщикъ, бродяга, можетъ быть, воръ и убійца, присвоившій себѣ имя ея покойнаго отца.

— Что съ вами?—изумился незнакомецъ, замѣтивъ волненіе своей собесѣдницы, — или вамъ знакомо это имя?—приходя въ свою очередь въ волненіе, помолчавъ съ минуту, освѣдомился онъ.

— Кашиновъ мой отецъ!.. Онъ умеръ...—простонала женщина, снова задрожавъ отъ страха съ головы до ногъ.

На минуту незнакомецъ смутился. Но только на минуту. Потомъ онъ живо оправился и заговорилъ снова:

— Ну, да... я сказалъ неправду... но... это не измѣняетъ дѣла, такъ какъ у меня паспортъ и бумаги вашего отца... Я ихъ нашелъ въ карманѣ старика, когда хоронилъ его съ отцомъ и братомъ въ глуши сибирской тайги

— Вы хоронили моего отца?—едва слышно освѣдомилась Вихрова упавшимъ голосомъ.

— Да. Мы съ отцомъ и братомъ нашли его замерзшимъ въ сибирской тайгѣ... Его бумаги я взялъ себѣ и съ тѣхъ поръ живу по его паспорту, такъ какъ своего у меня нѣтъ... Люди, видите ли, поступили со мною и съ моими родными слишкомъ зло и несправедливо,— продолжалъ говорить незнакомецъ.—Они обвинили насъ въ преступленіи, въ которомъ мы были невиновны и посадили насъ въ тюрьму. Но намъ удалось бѣжать оттуда... Мой отецъ и братъ, однако, попали вскорѣ снова въ руки полиціи, я же спасся и, благодаря найденному паспорту въ карманѣ того старика, который, какъ вы говорите, приходится вамъ отцомъ, могу жить если не вполнѣ спокойно, то хотя бы отчасти... Для того, чтобы жизнь моя была спокойна совсѣмъ, я долженъ вполнѣ увѣрить людей въ томъ, что я, дѣйствительно, и есть этотъ старый птицеловъ Кашиновъ, по бумагамъ котораго я живу. Но это можно сдѣлать только при помощи той дѣвочки, которую вы зовете Сибирочкой и которую я искалъ повсюду и нашелъ совершенно случайно здѣсь... Она должна считать меня своимъ дѣдушкой, какъ скоро я получу ее въ мои руки, а тогда и всѣ будутъ признавать меня за старика-птицелова, котораго считаютъ пропавшимъ безъ вѣсти.

— Но вы говорите правду? Мой отецъ дѣйствительно умеръ? — прервала съ трепетомъ снова Анна Степановна незнакомца.

— Умеръ и похороненъ. Къ чему мнѣ вамъ было

бы лгать... Но не въ томъ покамѣстъ дѣло. Черезъ нѣсколько дней я уѣзжаю въ Сибирь, гдѣ томятся въ тюрьмѣ мои бѣдные невинные отецъ съ братомъ. Мнѣ надо спасти ихъ во что бы то ни стало. Дѣвочка Сибирочка мнѣ необходима сейчасъ. Съ нею мнѣ легче будетъ пробраться въ знакомыя мѣста. Люди тогда скорѣе повѣрятъ мнѣ, что я тотъ самый человѣкъ, по паспорту котораго теперь проживаю. И я прошу васъ помочь мнѣ въ этомъ. Это будетъ не трудно для васъ, такъ какъ вы сами хотите, я не знаю, впрочемъ, по какой причинѣ, избавиться отъ этой дѣвчонки. Но помните одно: все должно быть сохранено въ полнѣйшей тайнѣ, иначе... не вините меня, но я доберусь до васъ и раздѣлаюсь съ вами по-свойски, если вы выдадите мою тайну,—заключилъ свою рѣчь бродяга такимъ звѣрскимъ тономъ, что Вихрова снова задрожала всѣмъ тѣломъ при его словахъ.

Опять наступило долгое молчаніе. Подавивъ волненіе, Анна Степановна робко освѣдомилась у своего собесѣдника:

— Но какъ же и куда доставить вамъ дѣвочку?

— Я остановился на Нарвской улицѣ, въ гостиницѣ „Байкалъ“. Завтра вечеромъ вы привезете мнѣ дѣвчонку. Я буду васъ ждать,—уже тономъ приказанія обратился онъ къ Вихровой. — Это будетъ не трудно сдѣлать... Скажите ей, что ея дѣдушка живъ, что онъ только пропадалъ безъ вѣсти и что ее обманули лѣс-

ные бродяги, сказавъ, что онъ умеръ. Глупая птичка поддастся на эту приманку и поѣдетъ съ вами тогда охотно. Что же касается остального, то я приложу всѣ старанія, чтобы показаться ей въ настоящемъ видѣ ея дѣда и вашего покойнаго отца, благо я хорошо его запомнилъ, и постараюсь сдѣлать такъ, чтобы быть похожимъ на него. Впрочемъ, дѣвочка едва ли такъ хорошо помнитъ старика. Она и не расчухаетъ обмана въ первую минуту, а когда расчухаетъ, то будетъ уже въ моихъ рукахъ.

Незнакомецъ смолкъ и ожидалъ теперь, что скажетъ Вихрова.

Въ душѣ Анны Степановны шла тяжелая работа. Съ одной стороны, она угадала въ незнакомцѣ бѣглаго преступника и злодѣя и ей было жаль отдавать въ его руки любимицу ея покойнаго отца. Съ другой стороны, если бы Сибирочка осталась въ Петербургѣ и вела дружбу съ семьею Гордовыхъ,—кто знаетъ,—истина могла бы обнаружиться очень скоро, и ей, Аннѣ Степановнѣ, и близкимъ для нея людямъ пришлось бы очень худо, а можетъ быть это и вовсе погубило бы ихъ. Послѣднее обстоятельство заставило Вихрову сразу рѣшить дѣло далеко не въ пользу Сибирочки, и она, поборовъ послѣдніе признаки волненія, проговорила твердо:

— Хорошо. Завтра вечеромъ ждите меня и ребенка. Но вы должны мнѣ дать слово, что не будете обращаться дурно съ ней.

— Конечно,—съ плохо скрытой насмѣшкой произнесъ незнакомецъ.—Внучка вашего отца будетъ у меня воспитываться, какъ принцесса, но съ условіемъ, чтобы обо всемъ этомъ разговорѣ и нашей встрѣчѣ не узналъ никто. Иначе не поздоровится ни вамъ, ни дѣвчонкѣ. Затѣмъ честь имѣю кланяться. Завтра я васъ жду!

И прежде чѣмъ Анна Степановна могла отвѣтить что-либо, страшный незнакомецъ уже исчезъ изъ вида.

ГЛАВА XVII.

Радость.

СЛѢДУЮЩІЙ день какъ разъ приходился канунъ представленія новой пьесы „Христіанка и львы“. Чтобы дать хорошенько подготовиться Сибирочкѣ къ предстоящему ей на другой вечеръ новому представленію, мистеръ Билль позволилъ дѣвочкѣ не участвовать въ сегодняшнемъ спектаклѣ. Сибирочка вмѣстѣ съ Эллой, которая тоже не была занята въ этотъ вечеръ, осталась дома. Въ восемь часовъ всѣ обитатели „Большого дома“ уѣзжали въ театръ.

Андрюша долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ съ остальными. Онъ пришелъ по обыкновенію проститься съ названной сестрою и очень изумился, увидя, что хорошенькое личико Сибирочки было очень грустно и печально въ этотъ вечеръ.

— Что съ тобою, Шура? — озабоченно спросилъ мальчикъ.—Что-нибудь недоброе случилось съ тобой?

— Наша принцесса, должно быть, не успѣла опомниться отъ всѣхъ княжескихъ богатствъ, которыя изволила видѣть вчера,—не пропустилъ случая съязвить Никсъ, неожиданно вынырнувшій какъ изъ-подъ земли.

Андрюша такъ строго взглянулъ на него и съ такой угрозой сдвинулъ свои черныя брови, что у злополучнаго Никса пропала всякая охота шутить дальше.

— Послушай, Элла,—остановилъ Андрюша проходившую мимо негритянку,—побереги Сибирочку и развесели ее, пока я буду въ театрѣ!—и жестами онъ сталъ пояснять свои слова. Элла поняла его, закивала курчавой головой и заблестѣла зубами, открывшимися въ привѣтливой улыбкѣ.

Андрюша поцѣловалъ Сибирочку и уѣхалъ въ театръ. Дѣвочки остались однѣ. Элла тотчасъ же приступила къ исполненію возложенной на нее задачи. Чтобы разогнать грусть на личикѣ „госпожи“, она продѣлала по очереди всѣ свои штучки: гнула пальцами монеты, поднимала гири, становилась на голову, ходила на рукахъ. Но ничего не помогало — Сибирочка была грустна.

Эта грусть дѣвочки была не безъ причины.

Въ эту ночь дѣвочка видѣла во снѣ покойнаго дѣдушку, и печаль о дорогомъ старикѣ наполняла теперь ея сердце. Немудрено поэтому, что личико ребенка было покрыто облакомъ грусти весь день.

Элла была въ отчаяніи. Ей во что бы то ни стало хотѣлось растормошить свою подругу. Она уже надумывала новую „штучку", которая, по ея мнѣнію, должна была непремѣнно развеселить Сибирочку, какъ неожиданно въ передней раздался звонокъ, а черезъ двѣ-три минуты вошла горничная и сказала Сибирочкѣ, что госпожа Вихрова ждетъ ее въ пріемной.

Съ того самаго утра, какъ Никсъ увелъ изъ жилища его матери Сибирочку и Андрюшу, дѣвочка ни раза не видала Вихровой. Поэтому дѣвочкѣ показался очень страннымъ ея неожиданный визитъ, но еще страннѣе показалось Сибирочкѣ привѣтливое и радостно улыбающееся лицо Вихровой, то самое лицо, которое она видѣла въ первый разъ перекошеннымъ отъ гнѣва и ненависти.

— Здравствуй, Сибирочка! — произнесла насколько можно ласковѣе лукавая женщина. — Здравствуй, милая моя дѣвочка! Я принесла тебѣ радостную вѣсть.

— Какую вѣсть? — смущенно кланяясь и получая непривычный поцѣлуй, спросила дѣвочка.

Вихрова окинула ребенка быстрымъ взглядомъ и, помолчавъ минуту, спросила такъ ласково и нѣжно, какъ только могла:

— Что бы ты сказала, дѣточка, если бы твой дѣдушка, котораго ты считаешь умершимъ, оказался живъ?

Сибирочка вздрогнула отъ неожиданности и широко раскрыла свои большіе синіе глаза.

— Этого не можетъ быть, мой бѣдный дѣдушка умеръ въ тайгѣ...— упавшимъ голосомъ отвѣчала она.

— Ты видѣла его мертвымъ?.. Видѣла какъ его хоронили? Видѣла его могилу?—какимъ то страннымъ голосомъ выспрашивала Вихрова.

— Нѣтъ. Я видѣла только, какъ онъ лежалъ на снѣгу... И потомъ уже не видала его... Онъ умеръ, умеръ!—и Сибирочка, закрывъ лицо руками, горько заплакала, переживая снова въ своей памяти тяжелую картину.

Анна Степановна быстро обняла дѣвочку и зашептала ей на-ухо:

— Полно, не плачь... Дѣдушка живъ... Его удалось спасти... привести въ чувство... Онъ былъ сильно боленъ и теперь поправился... Пріѣхалъ сюда и ждетъ насъ съ тобою къ себѣ въ гости...

По мѣрѣ того, какъ Анна Степановна говорила это, слезы Сибирочки изсякли. Ея огромные глаза раскрылись еще больше. Въ нихъ сверкнула робкая радость. Она схватила руки Вихровой и, не помня себя, сжала ихъ, лепеча безсвязно:

— Живъ? дѣдушка живъ? Дорогой мой живъ? Гдѣ онъ? Приведите его сюда ко мнѣ... О, скорѣе, скорѣе! Не мучьте же меня, ради Бога!

— Дѣдушка не можетъ придти, онъ очень усталъ съ дороги. Онъ остановился въ гостинницѣ и ждетъ насъ къ себѣ. Ѣдемъ къ нему, Сибирочка!—взволно-

ваннымъ, срывающимся голосомъ лепетала, не помня себя, Вихрова.

— Ѣдемъ! Ѣдемъ!—вырвалось радостнымъ звукомъ изъ груди обезумѣвшей отъ радости Сибирочки, и она порывисто кинулась на шею Вихровой, плача, смѣясь и душа ее своими поцѣлуями.

— Дѣдушка живъ! Мой дѣдушка, дорогой! Милый!—лепетала она, чуть живая отъ счастья.

Аннѣ Степановнѣ, которая, кстати сказать, чувствовала себя очень скверно, хотѣлось во что бы то ни стало прервать поскорѣе эту мучительную сцену. Она, ласково уговаривая Сибирочку не волноваться, повела ее въ прихожую, помогла дѣвочкѣ одѣться и, сказавъ горничной, что къ барышнѣ Сибирочкѣ пріѣхали родные издалека, и что Сибирочка только на полчасика съѣздитъ повидаться съ ними, вывела дѣвочку безъ всякихъ препятствій изъ „Большого дома".

Взявъ извозчика до Нарвской улицы, Анна Степановна усадила въ пролетку свою маленькую спутницу и приказала ѣхать возницѣ какъ можно скорѣе. Улицы, дома, магазины, все это запестрѣло передъ дѣвочкой въ легкой дымкѣ сумерекъ весенней ночи.

Сердце Сибирочки то билось сильно, то замирало. Всеобъемлющая радость наполняла до краевъ ея маленькую душу.

— Дѣдушка живъ! Дѣдушка здѣсь! Дѣдушка ждетъ меня! Вотъ счастье! Вотъ радость! Ахъ, скорѣе, скорѣе

бы его повидать! — пѣла и ликовала маленькая, безгранично счастливая теперь, душа дѣвочки.

Сибирочка почти не замѣтила быстро промелькнувшаго пути и опомнилась только тогда, когда извозчикъ подвезъ ее и ея спутницу къ подъѣзду плохенькой грязной гостиницы, стоявшей на самомъ дальнемъ краю города.

— Ступай за мною! — произнесла волнуясь Вихрова, войдя съ нею въ подъѣздъ и поднимаясь по ветхой и грязной деревянной лѣстницѣ во второй этажъ зданія.

— Гдѣ остановился Степанъ Михайловичъ Кашиновъ?—освѣдомилась она у попавшагося ей навстрѣчу слуги.

Тотъ указалъ на дальнюю дверь въ самомъ концѣ коридора.

— Ну, бѣги скорѣе одна къ дѣдушкѣ! Я уже видѣла отца, не хочу мѣшать вамъ и пойду тихонько за тобою! — проговорила Вихрова, обращаясь къ Сибирочкѣ, и умышленно замедлила шаги.

Сибирочка не заставила Вихрову повторять это приглашеніе и стрѣлою пустилась бѣжать по коридору прямо къ указанной двери. Внѣ себя, вся запыхавшаяся, взволнованная и счастливая, она рванула эту дверь и, широко распахнувъ ее, влетѣла въ комнату.

— Дѣдушка! Миленькій! — вырвалось радостнымъ крикомъ изъ ея груди, и она упала въ широко раскрытыя объятія находившагося въ комнатѣ старика.

Теперь она была какъ безумная. Она обвила ручонками его шею, цѣловала его сѣдую бороду, бѣлые волосы, которые были такъ похожи на дѣдушкины волосы, цѣловала лицо, и мочила это лицо слезами, радостными, счастливыми слезами, шепча одну только фразу, словно въ забытьѣ:

— Дѣдушка! Миленькій! Дѣдушка!

ГЛАВА XVIII.

Не онъ.

— ХА, ха, ха, ха! Пора придти въ себя, внученька! Довольно наобнималась и нацѣловалась! Садись теперь сюда и слушай меня хорошенько, что я тебѣ буду говорить!..

Этотъ грубый смѣхъ и голосъ, совсѣмъ не похожіе на голосъ и смѣхъ дѣдушки, заставили затрепетать Сибирочку съ головы до ногъ. Она тихо вскрикнула и отскочила отъ мнимаго дѣда къ двери. Но старикъ, точно ожидая этого, опередилъ дѣвочку, и прежде нежели она достигла порога комнаты, быстрымъ движеніемъ затворилъ дверь и заперъ ее на ключъ.

Лицо Сибирочки покрылось смертельной блѣдностью. Въ глазахъ отразился ужасъ: только теперь она убѣдилась, что передъ ней не дѣдушка, а Иванъ Зубъ. Послѣдній, между тѣмъ, расхохотался еще грубѣе.

— Чего запрыгала? Что, небось, признала по голосу то?... Стараго знакомца своего признала, голубушка?.. — хрипло ронялъ онъ слова своимъ грубымъ голосомъ.—Ну, и ладно... Слушай же теперь хорошенько меня. Ты теперь въ моихъ рукахъ. Теперь, что захочу, то и сдѣлаю съ тобой. Если будешь покорна мнѣ, забуду прошлую обиду, забуду, какъ ты съ негодяемъ Андрюшкой меня и отца съ братомъ полиціи выдала. Прощу тебѣ все, только за это ты меня своимъ дѣдушкой признать передъ всѣми должна. Слышишь? Я твой дѣдушка отнынѣ, Степанъ Михайловичъ, птицеловъ сибирской тайги... Слышишь? Такъ ты и знай! И повезу я тебя съ собою въ Сибирь и будешь ты жить въ ней до тѣхъ поръ, пока отца и брата не вызволимъ изъ неволи, а тамъ отпущу тебя на всѣ четыре стороны, коли умна и покорна мнѣ будешь. Слышишь, что говоритъ тебѣ Иванъ Зубъ?

Съ тѣми же широко раскрытыми, почти вытаращенными глазами и до смерти испуганнымъ лицомъ Сибирочка слушала, точно въ какомъ то страшномъ кошмарѣ, эти рѣчи.

— Иванъ Зубъ! Иванъ Зубъ!—воскликнула она не своимъ голосомъ.

Да, это былъ Иванъ Зубъ! Съ перваго же звука узнала она голосъ лѣснаго бродяги, своего злѣйшаго врага, и почти онѣмѣла отъ ужаса.

Зубъ видѣлъ впечатлѣніе, произведенное имъ на

Сибирочку и, желая нѣсколько ободрить ее, произнесъ, значительно смягчая свой грубый голосъ:

— Ишь, зашлась со страху, глупая! Ну, чего испугалась? Говорю тебѣ: въ холѣ у меня будешь замѣсто дочери жить, если признаешь меня за своего покойнаго дѣдку и другимъ меня за него выдавать будешь. Согласись, глупенькая, тебѣ же лучше станетъ. Ну же, тебѣ говорю, согласись!

Что то новое произошло въ эту минуту съ Сибирочкой! Только сейчасъ, казалось, она поняла все, что требовалось отъ нея... И странно—недавній страхъ, при этихъ словахъ Зуба, казалось, сразу покинулъ ее. Какъ, признать этого злодѣя за дѣдушку?.. За милаго, добраго покойнаго дѣдушку?.. О, никогда! Никогда она, Сибирочка, не сдѣлаетъ этого. Пусть лучше онъ, этотъ злодѣй, убьетъ ее!

И не помня себя отъ горя, ужаса, тоски и обиды за своего дѣда, она крикнула, вся охваченная однимъ сплошнымъ гнѣвомъ, одною мукою и тоской:

— Никогда! Слышите ли? Никогда я не сдѣлаю этого, никогда, никогда, никогда!

— Ага, вотъ ты какъ! Ну, не прогнѣвайся, миленькая! Какъ аукнется—такъ и откликнется!—почти прорычалъ взбѣшенный Зубъ и, раньше, чѣмъ дѣвочка могла крикнуть, позвать на помощь, схватилъ ее на руки, быстро сунулъ ей въ ротъ какой то комокъ тряпицъ и, связавъ ей лежавшей на стулѣ веревкой руки

и ноги, грубо бросилъ ее на диванъ. Потомъ быстро подскочилъ къ ней и, нагнувшись къ ея уху, зашипѣлъ злобно:

— Слушай ты у меня, мерзкая дѣвчонка!.. Ты могла бы быть счастливой теперь... внучкой моей быть... дочерью любимой... какъ родной дочерью... а теперь... теперь... Постой же ты у меня... Въ Сибирь я тебя повезу все же съ собою... Недаромъ пріѣхалъ я сюда и разыскивалъ тебя за тысячи верстъ. Стало быть, ты мнѣ нужна. Но кабы ты охотой ѣхала со мной, легче было бы тебѣ... А теперь, одно скажу: лучше бы тебѣ и на свѣтъ Божій не родиться. Не разъ помянешь Зуба и руку его... Дай только срокъ, улягутся всѣ, я тебя проучу хорошенько... Небу жарко станетъ... Пока полежи одна-одинешенька да на досугѣ подумай обо всемъ! А вернусь я — иной у насъ будетъ разговоръ съ тобою...

И сверкнувъ бѣшено горящими глазами, Зубъ погрозилъ дѣвочкѣ своимъ огромнымъ кулачищемъ и вышелъ изъ комнаты, не забывъ повернуть ключъ въ замкѣ съ наружной стороны дверей.

Связанная, почти задохшаяся, Сибирочка лежала теперь, близкая къ обмороку, поперекъ широкаго грязнаго ситцеваго дивана, безъ воли, безъ мыслей, безъ слезъ...

ГЛАВА XIX.

Снова Зубъ.—Отчаяніе.—Неожиданная защита.

СИБИРОЧКѢ становилось съ каждой минутой все хуже и хуже. Веревки рѣзали ей руки и ноги. Тряпка, засунутая въ ротъ бѣдной дѣвочки, мѣшала ей свободно дышать. Она почти совсѣмъ задыхалась. Ея спутанныя мысли отказывались работать... Уже не прежній ужасъ, а тяжелая тоска сковывала маленькое сердечко. Теперь уже самый страхъ передъ тѣмъ, что будетъ, не терзалъ, какъ прежде, душу дѣвочки. Она хотѣла только одного: хотѣла всѣми притупленными въ ея измученномъ мозгу мыслями, чтобы то, чему неминуемо было суждено свершиться, свершилось бы теперь, сейчасъ...

Такъ тянулись тяжелыя минуты, можетъ быть, и часы. Сибирочка не могла сообразить сколько времени прошло, какъ неожиданно послышались быстро приближающіеся шаги по коридору и кто то, подойдя къ двери, повернулъ ключъ въ замкѣ. Въ сильно сгустившихся сумеркахъ, царившихъ въ комнатѣ, Сибирочка увидѣла Зуба. Онъ былъ страшенъ. Его глаза бѣшено сверкали. Лицо подергивалось судорогой. Отъ него пахло виномъ и, казалось, онъ едва стоялъ на ногахъ.

Медленной, невѣрной походкой подошелъ онъ къ Си-

бирочкѣ и, грубо схвативъ ее, съ силой поставилъ дѣвочку передъ собою.

— Ну, что, надумала наконецъ? Хочешь—не хочешь, а нужно тебѣ сдѣлать по-моему!—грубо проговорилъ онъ и сильно потрясъ дѣвочку за плечи.

Та, если бы и захотѣла отвѣчать своему мучителю, врядъ ли бы могла сдѣлать это. Тряпка, воткнутая ей въ ротъ, не давала возможности дѣвочкѣ произнести ни одного слова. Тогда, видя это, Зубъ освободилъ ротъ дѣвочки, вынувъ оттуда грязный комокъ тряпицъ.

— Ну, отвѣчай теперь, согласна ли исполнить мой приказъ? Говори, а не то худо будетъ!—произнесъ онъ съ плохо сдерживаемымъ бѣшенствомъ. Сибирочка едва-едва могла перевести духъ и молчала... Только маленькое сердечко ея билось въ груди, какъ подстрѣленная птица.

— А, такъ ты не хочешь говорить!..—зашипѣлъ снова Зубъ и изо всей силы отшвырнулъ отъ себя дѣвочку, такъ что та, пролетѣвъ нѣсколько шаговъ, тяжело рухнула на полъ. Злодѣй въ одинъ прыжокъ очутился подлѣ нея; его перекошенное злобой лицо, со страшными отъ бѣшенства глазами и трясущимися губами, наклонилось близко, близко надъ лежавшей предъ нимъ связанной жертвой.

Онъ сжалъ свой огромный кулакъ и взмахнулъ имъ надъ головой Сибирочки...

Ужасъ, отчаяніе, трепетъ передъ побоями заставили Сибирочку собрать послѣднія силы и прервать свое тяжелое мучительное оцѣпенѣніе.

— Помогите! — отчаянно и глухо крикнула она съ мольбой.

Въ ту же минуту сильно затрещала ведущая въ сосѣднюю комнату ветхая дверь, соскочила съ петель, рухнула подъ чьимъ то могучимъ напоромъ плеча—и черная, какъ сажа, женская фигура появилась на порогѣ комнаты...

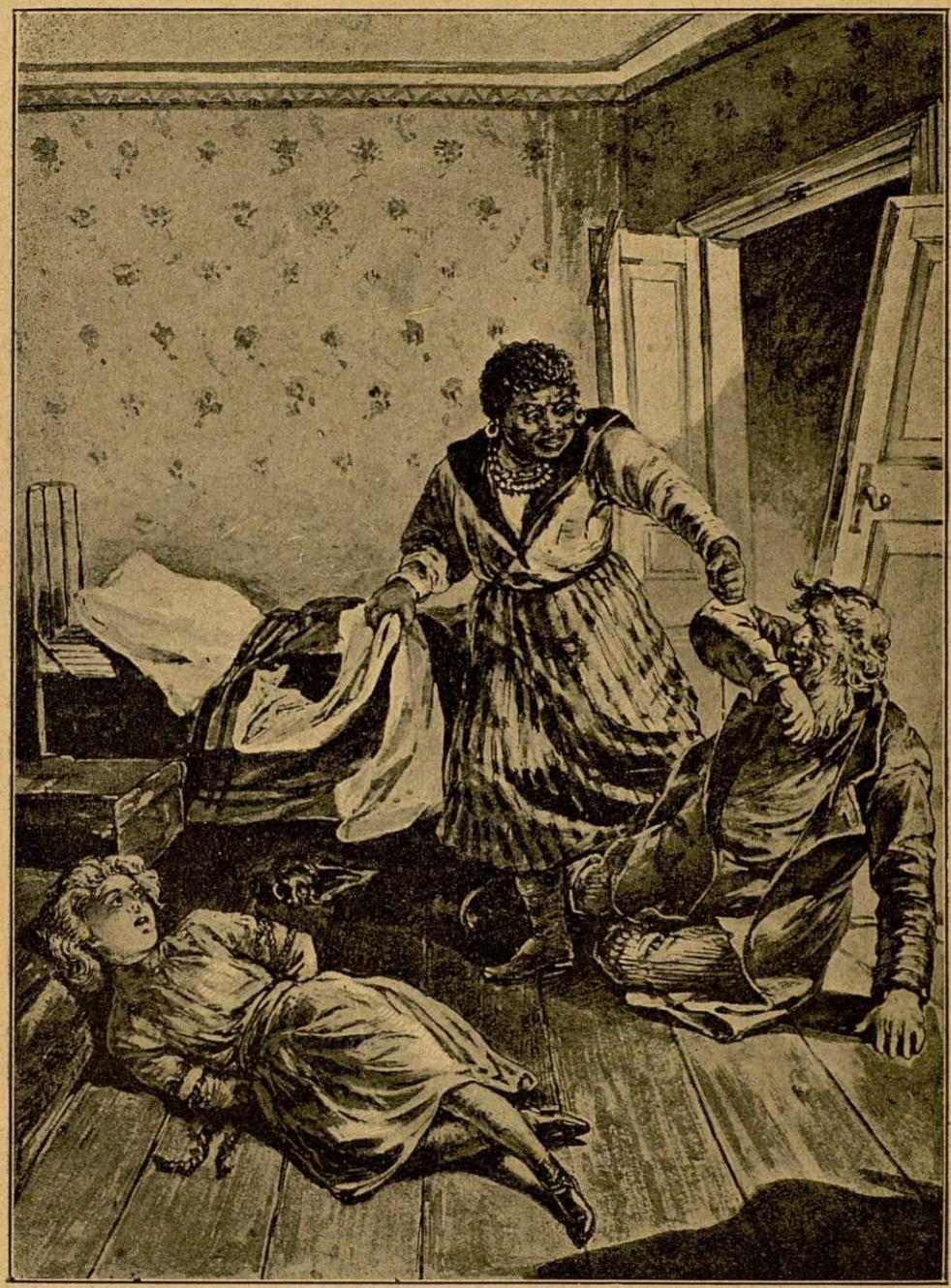
. . . . . .

— Элла!—крикнула внѣ себя угасающимъ голосомъ Сибирочка.

— Да, да! Элла здѣсь, госпожа!—прогремѣла негритянка и съ нечеловѣческимъ, дикимъ остервенѣніемъ бросилась на Зуба.

Тотъ, не ожидавшій ничего подобнаго, замеръ отъ ужаса, увидя передъ собою черное лицо, сверкающіе бѣлки и оскаленные, какъ у звѣря, зубы.

Воспользовавшись этимъ замѣшательствомъ, негритянка, толкнувъ бродягу на полъ, наскоро сорвала простыню съ кровати, находившейся тутъ же въ комнатѣ, и скрутила ею ноги и руки все еще не пришедшаго въ себя нетрезваго Зуба. Потомъ, не медля ни минуты, она также быстро освободила отъ связывавшихъ веревокъ Сибирочку и, распахнувъ дверь въ коридоръ, громко крикнула своимъ сильнымъ гортаннымъ голосомъ,



Негритянка, толкнувъ бродягу на полъ, наскоро сорвала простыню съ кровати...

призывая на помощь. Прошла минута, поднялась суматоха въ коридорѣ... Слуги, сторожъ и еще какіе то люди, заспанные и испуганные, появились въ комнатѣ, занятой Зубомъ. Они съ изумленіемъ, почти съ ужасомъ, таращили глаза на ихъ связаннаго постояльца, на дрожащую бѣлокурую дѣвочку и на черную негритянку, неизвѣстно какимъ образомъ очутившуюся здѣсь.

Между тѣмъ Сибирочка, ободренная присутствіемъ своего чернаго друга, уже стояла въ толпѣ людей, и вся блѣдная, взволнованная, прерывающимся голосомъ говорила:

— Это не дѣдушка... нѣтъ... нѣтъ... они обманули меня... Это разбойникъ и преступникъ... онъ бѣжалъ изъ тюрьмы... изъ Сибири... онъ... очень злой человѣкъ... Онъ хотѣлъ убить купца Гандурова, меня и Андрюшу... тамъ, въ тайгѣ... а здѣсь предлагалъ мнѣ, чтобы я... чтобы я признала его своимъ дѣдушкой и всѣмъ заявила это... Но мой дѣдушка умеръ... а это... бѣглый каторжникъ... Я боюсь его... я боюсь его... онъ не дѣдушка!.. Нѣтъ!.. нѣтъ!.. — простонала несчастная дѣвочка, едва держась на ногахъ отъ пережитыхъ страховъ и мученій.

Между тѣмъ Зубъ, бившійся на полу, тщетно стараясь освободиться, угрожалъ всячески Сибирочкѣ, черной дѣвушкѣ и всему міру, браня и проклиная все и всѣхъ. Онъ то злобно рычалъ, какъ раненый звѣрь, то шипѣлъ въ бѣшенствѣ, безсильный сдѣлать что-либо.

Вскорѣ подоспѣла полиція, за которой уже послалъ управляющій гостиницей, и Сибирочка должна была разсказать все подробно о случившемся съ нею. Потомъ ее, Эллу и связаннаго Зуба повели въ участокъ, гдѣ должно было разобраться это загадочно-странное и темное для окружающихъ людей происшествіе. Но теперь Сибирочка не боялась ничего больше. Ея черный другъ находился съ нею.

ГЛАВА XX.

Элла дѣйствуетъ.

ВЪ то время, какъ Анна Степановна Вихрова бесѣдовала съ Сибирочкой въ пріемной „Большого дома“, негритянка Элла незамѣченная притаилась за дверью. Правда, она не могла понять ни слова изъ того, что говорилось матерью Никса, но плачъ Сибирочки, ея взволнованный голосъ, то звучавшій глубокой печалью, то шумной радостью,—все это навело на смутныя подозрѣнія молодую негритянку. Она, какъ и всѣ въ труппѣ, знала, что Никсъ отъ души ненавидѣлъ Сибирочку и Андрюшу, и потому одинъ уже необычайный и поздній визитъ матери Никса къ ихъ общей любимицѣ заставилъ Эллу предположить что то дурное. Когда Сибирочка въ сопровожденіи Анны Степановны

вышла изъ дома, негритянка Элла незамѣтно проскользнула вслѣдъ за ними. Онѣ взяли извозчика и поѣхали. Элла не могла сдѣлать того же: другого возницы не было поблизости, да и нанять его, не зная русскаго языка, было трудно. И потому она, не теряя ни минуты и нимало не смущаясь, побѣжала бѣгомъ вслѣдъ за пролеткой, взятой Вихровой. Внѣ представленій, будучи дома, Элла носила обыкновенное платье простой дѣвушки и теперь она была въ длинной юбкѣ и темной цвѣтной кофтѣ. Большой платокъ, накинутый второпяхъ на голову, дѣлала ее похожей на бѣгущую за покупками горничную, и поэтому никто изъ прохожихъ не обращалъ вниманія на странную черномазую дѣвушку, почти скрывшую все свое лицо подъ платкомъ.

Извозчичья пролетка, увозившая Сибирочку, ѣхала довольно быстро, но Элла не отставала отъ нея. Сильныя ноги негритянки, казалось, не знали усталости.

Когда Анна Степановна сошла съ пролетки у подъѣзда гостиницы и вошла въ нее въ сопровожденіи Сибирочки, туда же проскользнула вслѣдъ за ними и Элла.

Она видѣла, какъ стремительно бросилась бѣжать Сибирочка, какъ открыла ближайшую дверь и услышала сначала радостный крикъ и плачъ дѣвочки, потомъ почти тотчасъ же за этимъ ея испуганный возгласъ. Какъ разъ одновременно съ этимъ возгласомъ Элла замѣ-

тила быстрое исчезновеніе Вихровой изъ гостиницы. Это еще болѣе усилило подозрѣнія черной атлетки—и Элла во что бы то ни стало рѣшила дождаться Сибирочку здѣсь.

Дверь номера-комнаты, находящейся подлѣ той, куда пробѣжала Сибирочка, была полуоткрыта, и, не замѣченная никѣмъ, Элла проскользнула въ нее.

Каково же было радостное изумленіе юной негритянки, когда она увидѣла оклеенную обоями дверь, сдѣланную въ смежной стѣнѣ обѣихъ комнатъ. Она бросилась къ ней, схватилась за ручку, надѣясь при первомъ же новомъ крикѣ Сибирочки придти къ ней на помощь. Но, увы!.. дверь оказалась запертой на ключъ...

ГЛАВА XXI.

Онѣ вернулись!

ГОСПОДИНЪ Шольцъ волновался всю ночь, все утро, весь слѣдующій день и вечеръ. Въ его домѣ случилось загадочное происшествіе. Два человѣка разомъ исчезли изъ его дома еще наканунѣ вечеромъ. Эти два исчезнувшіе человѣка были: Сибирочка и Элла.

Горничная пояснила въ тотъ же вечеръ господину Шольцу, что за барышней Сибирочкой пріѣзжала госпожа Вихрова и куда то увезла ее съ собой. А слѣдомъ за ними скрылась и „черная барышня“, какъ называла

вся прислуга Эллу. Господинъ Шольцъ на другое же утро поѣхалъ къ матери Никса разыскивать у нея своихъ артистокъ. Но каково же было его изумленіе, когда ему передали, что за госпожею Вихровой еще рано утромъ пріѣхали какіе то люди и увезли ее куда то, и что съ тѣхъ поръ она не возвращалась. Господинъ Шольцъ теперь уже совсѣмъ потерялъ голову, не зная, гдѣ искать Эллу и Сибирочку. Онъ по нѣсколько разъ обращался къ Никсу, спрашивая его, не знаетъ ли онъ, куда отправили его мать, и не знаетъ ли онъ, зачѣмъ и куда она увезла наканунѣ Сибирочку. Но Никсъ, который самъ зналъ не больше директора, испуганный за участь матери, весь дрожащій и блѣдный, могъ только отвѣтить одно:

— Клянусь вамъ, Эрнестъ Эрнестовичъ, что я ничего не знаю!

На этотъ разъ, обычно лживый и далеко не честный, мальчикъ не лгалъ. Онъ дѣйствительно ничего не зналъ изъ всего того, что произошло въ эти сутки. Только смутная догадка въ томъ, что открытъ давнишній проступокъ его матери, пришла ему на умъ и несказано мучила его.

Весь этотъ день прошелъ въ ужасныхъ волненіяхъ и для него, и для директора цирка. Наступилъ вечеръ. Въ этотъ вечеръ давалось первый разъ придуманное мистеромъ Биллемъ представленіе „Христіанка и львы“.

Нечего и говорить, что касса театра „Развлеченіе“ съ утра ломилась отъ напора публики. Всѣмъ хотѣлось

посмотрѣть на диковинное зрѣлище и всѣ торопились запастись билетами на этотъ вечеръ.

Но чѣмъ больше покупалось билетовъ въ кассѣ, тѣмъ мрачнѣе и озабоченнѣе становился господинъ Шольцъ.

— Сибирочки нѣтъ. Представленіе надо замѣнить другимъ. Пусть Никсъ занимаетъ публику со львами!— голосомъ, полнымъ тоски и раздраженія, обращался онъ нѣсколько разъ къ мистеру Биллю. Послѣдній тоже вышелъ на этотъ разъ изъ своего обычнаго спокойствія.

— О!—говорилъ онъ,—о, этотъ маленькій Сибирушка зарѣзалъ насъ безъ ножа своимъ поступкомъ...

И онъ, усиленнѣе чѣмъ когда-либо, курилъ сигару за сигарой.

— Я все-таки надѣюсь, что она вернется сегодня же. Она должна вернуться, если она съ Эллой! Элла не дастъ ее въ обиду, она обѣщала мнѣ это!—неожиданно вскричалъ Андрюша, незамѣтно подошедшій къ обоимъ старикамъ.

Онъ былъ очень блѣденъ. Онъ не сомкнулъ глазъ въ эту ночь. Въ его лицѣ не было ни кровинки. Бѣдный мальчуганъ рѣшительно не могъ понять, куда дѣвалась его маленькая подруга, и находился въ состояніи отчаянія отъ горя и тоски по ней.

Между тѣмъ къ подъѣзду „Большого дома“ пріѣхали кареты; надо было отправляться въ театръ-циркъ. Несмотря на постигшее его горе, Андрюша долженъ былъ

сегодня, какъ и всегда, смѣшить публику и балаганить въ роли клоуна. Ему вѣдь платили жалованье за это Онъ не могъ подвести начальство, которое надѣялось на его исполнительность, какъ всегда.

Часъ представленія насталъ. Прозвучалъ гулкій звонокъ за кулисами. Опера кончилась, начиналось цирковое отдѣленіе.

Мистеръ Билль и господинъ Шольцъ ужасно волновались. Они чувствовали необходимость выйти къ публикѣ и возвѣстить объ отмѣнѣ пьесы „Христіанка и львы".

Господинъ Шольцъ рѣшилъ взять эту непріятную обязанность на себя. Онъ надѣлъ фракъ и бѣлый галстукъ (что онъ дѣлалъ только по самымъ торжественнымъ днямъ) и готовился уже выйти за занавѣсъ, отдѣлявшую кулисы отъ сцены-арены, какъ неожиданно къ нему кинулась его дочь, Герта. Плача и смѣясь въ одно и то же время, въ какомъ то странномъ, радостномъ, такъ мало свойственномъ ей возбужденіи, дѣвочка лепетала, задыхаясь:

— Онѣ идутъ, папа! Онѣ вернулись, онѣ здѣсь!.. Смотри, смотри! Вотъ онѣ!—и она протягивала впередъ дрожащія руки.

Дѣйствительно, по коридору быстро шли, вѣрнѣе бѣжали, Сибирочка и Элла. Андрюша еще издали увидѣлъ свою названную сестру и опрометью кинулся къ ней.

— Гдѣ ты была? Что случилось съ тобой, милая, дорогая?—градомъ посыпались его вопросы, въ то время какъ онъ сжималъ ее въ своихъ горячихъ братскихъ объятіяхъ.

Но Эрнестъ Эрнестовичъ не далъ подѣлиться пережитыми впечатлѣніями дѣтямъ. Внезапная радость охватила старика. Дѣвочка вернулась! Отмѣнять пьесу не надо, и касса останется полной въ этотъ вечеръ! Онъ чуть не прыгалъ, какъ мальчикъ, сжимая костлявыя руки мистера Билля, но мистеръ Билль уже принялъ свой прежній невозмутимый видъ и скомандовалъ своимъ спокойнымъ голосомъ, точно ничего не случилось за эти сутки:

— Публикумъ ждетъ, публикумъ все равно до того, пропадалъ или не пропадалъ миссъ Сибирушка, а поэтому разберемъ все послѣ, а теперь маршъ одѣваться, чтобы черезъ десять минутъ начинать пьесу. Алло!

ГЛАВА XXII.

Христіанка и львы.

— Я готова! Мистеръ Билль, я готова!

— Очень хорошо!

Прозвучалъ новый звонокъ.

Занавѣсь тихо раздвинулась, изъ-за кулисъ на арену выѣхала колесница, вся убранная цвѣтами, такая, какія

были въ Римѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. На колесницѣ стояла Сибирочка, въ бѣлой римской туникѣ и въ синемъ плащѣ, накинутомъ на голову. Изъ-подъ плаща, вдоль спины и плечъ, струились ея бѣлокурые волосы, обрамляя пушистыми локонами прелестное, но блѣдное, какъ мраморъ, личико дѣвочки. Пережитые за послѣднія сутки волненія и страхи, проведенный среди чужихъ, незнакомыхъ ей, людей день въ полиціи, гдѣ ее неоднократно допрашивали по дѣлу арестованныхъ Зуба, а за нимъ и Анны Степановны,—все это не могло не повліять на бѣдную дѣвочку. Теперь же къ пережитымъ за день волненіямъ примѣшивалась еще новая тревога: Сибирочка сильно волновалась за предстоящее ей исполненіе новой роли, которая могла бы не удаться, благодаря тому, что страшная усталость сковывала все тѣло дѣвочки.

Однако, она принудила себя улыбнуться, когда колесница, объѣхавъ всю цирковую арену, очутилась прямо передъ ложей князей Гордовыхъ, гдѣ сидѣлъ самъ князь и княжна Аля, еще издали посылавшая Сибирочкѣ ободряющія улыбки. Очевидно, они не подозрѣвали, что случилось за эти сутки съ ихъ любимицей, такъ какъ растерявшемуся господину Шольцу и въ голову не пришло оповѣстить Гордовыхъ объ исчезновеніи дѣвочки и ея черной подруги.

Сибирочка медленно и величаво сошла съ колесницы. Двое Ивановыхъ, одѣтыхъ какъ древневѣковые

рабы, подвели ее къ клѣткѣ, гдѣ метались по своему обыкновенію Цезарь и Юнона, въ ожиданіи представленія. Какъ разъ противъ клѣтки, на золотомъ тронѣ, подъ балдахиномъ, окруженный свитой въ бѣлыхъ же римскихъ одеждахъ, сидѣлъ императоръ Неронъ, т. е. Никсъ, съ заранѣе приготовленнымъ лавровымъ вѣнкомъ въ рукѣ. Сибирочка въ этотъ вечеръ успѣла сообщить ему, что его мать находится въ полиціи, гдѣ ее допрашивали по дѣлу Зуба, и мальчикъ, который все же по-своему любилъ мать, хотя и былъ подчасъ рѣзокъ съ нею, очень боялся за ея участь.

Какъ онъ былъ далекъ теперь отъ желанія мстить Сибирочкѣ или Андрюшѣ! Въ забывчивости онъ хватался за голову каждую минуту и потиралъ лобъ.

— Что съ тобою, Вихровъ? Ты сегодня точно мокрая курица,—шопотомъ спросилъ его Денисъ Ивановъ, игравшій одного изъ его приближенныхъ римлянъ.

Но Никсъ не успѣлъ отвѣтить. Надо было начинать. Сибирочка, игравшая Веронику, уже стояла передъ нимъ на колѣняхъ и, ломая руки, молила не бросать ее на растерзаніе львамъ. Но Неронъ-Никсъ по пьесѣ долженъ былъ быть чуждымъ жалости. Властнымъ движеніемъ руки онъ приказалъ рабамъ втолкнуть Веронику въ клѣтку.

Рабы схватили Веронику-Сибирочку подъ руки и повели. Публика, заинтересованная совершенно незнакомымъ ей ходомъ пьесы, затаивъ дыханіе, слѣдила за

тѣмъ, что будетъ дальше, тѣмъ болѣе, что слѣдить было нужно какъ можно внимательнѣе, такъ какъ юные актеры не говорили ни слова, а только поясняли жестами рукъ каждую фразу. Еще минута, и Сибирочка очутилась въ клѣткѣ у львовъ.

По замыслу мистера Билля львы должны были сразу броситься на дѣвочку и сдѣлать видъ, будто они хотятъ растерзать ее. Это должно было длиться до той минуты, пока Неронъ-Никсъ не броситъ лавровый вѣнокъ въ клѣтку, какъ бы въ насмѣшку вѣнчая имъ приговоренную къ смерти Веронику. Львы должны были смириться разомъ, чуть только на одного изъ нихъ будетъ надѣтъ этотъ вѣнокъ.

Пьеса шла своимъ ходомъ. Юнона и Цезарь бѣсновались. Сибирочка стояла блѣдная и прекрасная между двумя рычащими и мечущимися около нея звѣрями, дѣлавшими видъ, что они хотятъ разорвать на части обреченную имъ жертву. Вдругъ зеленый кружочекъ, стукнувшись о рѣшетку клѣтки, упалъ къ ногамъ Сибирочки-Вероники. Она быстро нагнулась, подняла вѣнокъ и, со свѣтлой улыбкой, вполнѣ войдя въ свою роль, надѣла его на шею Юноны.

По пьесѣ, львица должна была мгновенно упасть къ ногамъ дѣвочки, но, къ полному изумленію послѣдней, Юнона испустила отчаянный ревъ и, съ изогнутой шеей, по которой текли двѣ алыя струйки крови, заметалась по клѣткѣ, издавая дикое рычаніе. Сибирочка подняла

изумленные глаза, собрала всѣ свои силы и, впиваясь въ львицу глазами, вскричала:

— Сюда, Юнона! Ко мнѣ!

Но Юнона прыгала и бѣсновалась, точно что то терзало ее невыносимо и больно. Вдругъ она сдѣлала прыжокъ и, прежде чѣмъ кто-либо могъ опомниться, лапой толкнула Сибирочку на полъ и вонзила ей въ тѣло съ тѣмъ же воемъ-рычаньемъ свои страшные когти...

ГЛАВА XXIII.

Ужасъ.—Спаситель.

ОТЧАЯННЫЙ вопль боли и ужаса потрясъ стѣны театра... Алая струя крови брызнула изъ раны, и Сибирочка сразу лишилась чувствъ.

И точно эхомъ на крикъ дѣвочки прозвучало въ театрѣ еще болѣе отчаянное, еще болѣе ужасное:

— Спасите ее, спасите! Убейте львицу, сорвите вѣнокъ!.. Въ немъ иглы... иглы!..

Это кричалъ Никсъ, какъ безумный носясь по аренѣ, путаясь въ длинной пурпуровой мантіи римскаго императора.

Публика, ровно ничего не понимая изъ всего, что происходило, кричала, шумѣла и безтолково суетилась на своихъ мѣстахъ. Со многими дамами и дѣтьми сдѣ-

лалось дурно. Кто-то рыдалъ въ ложѣ. Шумъ и суета росли съ каждой минутой.

— Гдѣ укротитель? Гдѣ укротитель?—неистовствовала публика, не замѣчая того, что мистеръ Билль, находившійся тутъ же на аренѣ, уже бѣжалъ къ клѣткѣ, на ходу вынимая изъ кармана револьверъ, который онъ, на всякій случай, носилъ всегда съ собою.

Во все это время Юнона съ глухимъ рычаніемъ стояла надъ безчувственной Сибирочкой. Видъ и запахъ крови, казалось, опьяняли ее. Ея глаза принимали все болѣе и болѣе разъяренное выраженіе. Вотъ она снова подняла свою страшную лапу и...

Раньше, нежели львица успѣла нанести новый, на этотъ разъ уже безспорно смертельный ударъ, изъ-за кулисъ выскочилъ кто то и, далеко оставивъ за собою мистера Билля, метнулся къ клѣткѣ.

Размахивая бѣлыми широкими рукавами клоунскаго балахона, который онъ не успѣлъ еще снять, Андрюша въ нѣсколько секундъ очутился у клѣтки.

Мальчикъ былъ смертельно блѣденъ, несмотря на густой слой румянъ, покрывавшихъ его щеки. Сильнымъ движеніемъ руки онъ рванулъ тяжелую желѣзную дверь клѣтки и, прежде чѣмъ кто-либо успѣлъ остановить его, очутился съ глазу на глазъ съ разъярѣвшими львами.

ГЛАВА XXIV.

Спасена.

ПЕРВЫМЪ движеніемъ Андрюши было заслонить распростертую и окровавленную Сибирочку отъ звѣрей. Но это было не такъ легко сдѣлать. Юнона и подошедшій за нею Цезарь, тоже почуявшій, при видѣ крови, свои инстинкты дикаго звѣря, стояли надъ несчастнымъ ребенкомъ, не смѣя однако еще начать страшную расправу надъ нимъ.

Не медля ни минуты, Андрюша прыгнулъ прямо къ нимъ и ударилъ изо всей силы по головѣ Юнону своимъ дѣтскимъ, но сильнымъ кулакомъ.

Звѣрь взвылъ скорѣе отъ обиды, нежели отъ боли, и мгновенно обратился теперь на новаго врага... Но смѣлый мальчикъ, не давъ Юнонѣ опомниться, бросился къ Сибирочкѣ, схватилъ ее на руки и ринулся съ нею изъ клѣтки. Взбѣшенные звѣри метнулись было слѣдомъ за дѣтями, но голосъ и бичъ мистера Билля привелъ ихъ въ повиновеніе. Одновременно раздался выстрѣлъ на воздухъ, заставившій чутко насторожиться обоихъ—и льва, и львицу. Мистеръ Билль, воспользовавшись смятеніемъ звѣрей, сорвалъ вѣнокъ съ шеи Юноны.

Каково же было изумленіе англичанина, когда онъ

увидѣлъ двѣ острыя иглы, запрятанныя въ зелени лавровыхъ листьевъ этого злополучнаго вѣнка и вонзившіяся въ окровавленную шкуру звѣря.

— Тотъ, кто это сдѣлалъ,—большой негодяй!..—прогремѣлъ мистеръ Билль на весь театръ голосомъ, въ которомъ слышались и гнѣвъ, и угроза.

Въ тотъ же мигъ кто то рыдающій, дрожащій и блѣдный упалъ къ ногамъ укротителя и обнялъ его колѣни.

Это былъ обезумѣвшій отъ горя и испуга Никсъ.

— О, мистеръ Билль! О, мистеръ Билль!—лепеталъ онъ, рыдая.—О, я не хотѣлъ, клянусь... теперь я не хотѣлъ этого... я только прежде... то-есть раньше... прежде... да... да... но не теперь... Я завидовалъ ей... и ему... имъ обоимъ, да... завидовалъ ихъ успѣху и хотѣлъ помѣшать ему... Я не думалъ... не зналъ, что такъ все случится, когда втыкалъ иглы въ вѣнокъ... Я забылъ ихъ вынуть... совсѣмъ позабылъ... Вчера я пересталъ даже думать о мести Сибирочкѣ... Я не могу такъ мучиться... не могу... не могу... прибейте меня... но я не могу больше...

И онъ зарыдалъ еще сильнѣе, закрывъ лицо обѣими руками.

Мистеръ Билль, казалось, сразу понялъ все. Гадкій замыселъ, свершившійся помимо воли свершившаго его тогда, когда рыдающій маленькій преступникъ менѣе всего думалъ о немъ,—мигомъ сталъ ему понятенъ.

Презрѣніе и гнѣвъ отразились на лицѣ англичанина. Онъ оттолкнулъ отъ себя Никса, произнесъ съ ненавистью и дрожью въ голосѣ:

— Уйди отъ меня!.. Мнѣ стыдно, что я считалъ тебя своимъ ученикомъ и честнымъ человѣкомъ!—и быстрыми шагами прошелъ за кулисы.

ГЛАВА XXV.

Крестинъ.

— Ей худо, она умираетъ!

— Доктора, доктора поскорѣе!

— Докторъ здѣсь. Докторъ былъ въ публикѣ. Онъ пришелъ.

— Докторъ, рана смертельна?

— Спасите ее, докторъ!.. Это лучшее дитя въ мірѣ!..

— Она умерла?.. Не правда ли?.. О, неужели правда?..

Всѣ эти возгласы, крики и вопли, все смѣшалось въ одномъ отчаянномъ шумѣ. За кулисы театра набилось столько народу, чужого и своего, интересующагося одинаково горячо участью раненой, что доктору было невозможно отвѣчать на всѣ вопросы. Онъ, впрочемъ, и не думалъ объ этомъ. Всѣ его мысли заняты были несчастной дѣвочкой.

Сибирочка все еще лежала распростертая на диванѣ въ уборной мистера Билля. Надъ нею склонилась ры-

дающая Герта. Поддерживая голову Сибирочки, на колѣняхъ у дивана стоялъ Андрюша, не замѣчая, что кровь, обильно лившаяся изъ груди раненой дѣвочки, пачкала его руки и шутовской клоунскій нарядъ.

Эрнестъ Эрнестовичъ, всѣ пятеро Ивановыхъ, Элла, Дюруа съ Робертомъ и, наконецъ, самъ мистеръ Билль стояли вокругъ дѣвочки, ожидая, что скажетъ докторъ. Послѣдній умѣлыми, ловкими руками уже приступилъ къ перевязкѣ и, раскрывъ израненную грудь ребенка, сталъ разсматривать рану, стараясь во что бы то ни стало прежде всего остановить кровь.

Всѣ замерли въ ожиданіи его приговора. Всѣ молчали... Сибирочка попрежнему лежала безъ чувствъ.

Неожиданно распахнулась дверь, и взволнованная, трепещущая княжна Аля Гордова, объ руку съ отцомъ, вошла въ уборную.

— Она здѣсь, папа!.. О, бѣдная моя Сибирочка! Папа! папа! узнай, пожалуйста, будетъ ли она жива!..— обливаясь слезами, лепетала Аля, таща за руку отца въ уборную, гдѣ лежала ея подруга.

Князь Гордовъ быстрыми шагами подошелъ къ больной. Его аристократическая фигура, изящный костюмъ и взволнованное лицо,—все это заставило присутствующихъ посторониться и дать ему дорогу.

Онъ низко наклонился надъ безчувственной дѣвочкой, желая узнать, дышитъ ли еще она, и вдругъ отшатнулся отъ нея блѣдный какъ смерть, съ громкимъ

крикомъ не то ужаса, не то изумленія... Прямо въ глаза ему блеснулъ странный, знакомый ему предметъ—крестикъ, на который едва ли обратили вниманіе присутствующіе здѣсь люди. Дрожащими руками князь схватилъ крестикъ, повернулъ его оборотной стороною и, наклонившись еще ниже, къ самой груди дѣвочки, къ немалому удивленію окружающихъ, прочелъ надпись, сдѣланную на крестѣ:

„Господи, спаси и помилуй рабу твою Александру!"

И съ крикомъ схватился за голову... .

Это былъ хорошо ему знакомый золотой крестикъ на золотой цѣпочкѣ...

ГЛАВА XXVI.

Что было дальше.

ПРОШЛА минута. Блѣдный, какъ смерть, князь стоялъ надъ распростертой дѣвочкой, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова. Глаза всѣхъ были съ крайнимъ изумленіемъ обращены на него.

— Что съ тобой, папа? Что съ тобой? — испуганно спрашивала отца княжна Аля, теребя его за руку.

При звукѣ ея голоса князь точно проснулся.

— Гдѣ директоръ цирка? — спросилъ онъ глухо, и лицо его странно осунулось и потемнѣло.

— Я здѣсь! — тотчасъ же послышался взволнованный отвѣтъ господина Шольца, и самъ онъ отдѣлился изъ толпы.

— Я сейчасъ увожу дѣвочку къ себѣ, — срывающимся отъ волненія голосомъ, но не допускающимъ возраженія тономъ обратился къ нему князь. — Будетъ ли она жива или умретъ, но я хочу, чтобы она была въ моемъ домѣ. Это дитя безконечно дорого мнѣ! Позаботьтесь о томъ, чтобы больную и доктора помѣстили въ мою карету!

— И меня! О, и меня тоже! Я не могу оставить мою Шуру!—вырвалось изъ груди Андрюши, и его черные глаза съ мольбою остановились на лицѣ князя.

— Хорошо, мальчикъ, ты поѣдешь съ нами. Ты заслужилъ это! Ты не щадилъ жизни для нея! — произнесъ князь, и его смертельно блѣдное лицо снова обратилось къ Сибирочкѣ.

— Дѣвочка приходитъ въ себя. Ея рана, кажется не опасна для жизни! — послышался голосъ доктора, въ эту минуту только что закончившаго перевязку. И, какъ бы въ подтвержденіе его словъ, Сибирочка открыла свои прекрасные, синіе, теперь измученные и страдальческіе глаза.

. . . . . .

Въ ту ночь никто не ложился въ домѣ князя. Самъ князь Гордовъ, докторъ, m-lle Софи и Андрюша сидѣли въ спальнѣ хозяина дома, гдѣ спала раненая Сибирочка.

Эрнестъ Эрнестовичъ Шольцъ и мистеръ Билль, черная Элла и Герта, тоже пріѣхавшіе сюда прямо изъ театра, находились въ гостиной, нетерпѣливо ожидая новыхъ вѣстей...

Княжна Аля переходила отъ нихъ къ больной и отъ больной обратно къ нимъ, сообщая вполголоса о малѣйшей перемѣнѣ въ состояніи общей любимицы.

Сибирочка спала. Этотъ сонъ былъ, по словамъ доктора, для дѣвочки необходимѣе и важнѣе всякаго лекарства.

Рана, дѣйствительно, оказалась не только не смертельной, но и не опасной вовсе. Когти Юноны, сильно порвавъ кожу и мясо на тѣлѣ, не затронули ни одной кости, ни одного сосуда. Больной надо было однако имѣть полный покой и отоспаться хорошенько, и съ этою цѣлью докторъ предписалъ не будить Сибирочку сколько бы она ни спала.

Только передъ утромъ всѣ чужіе уѣхали изъ дома князя, кромѣ Андрюши, трогательно умолявшаго не гнать его отъ постели больной.

— Не только гнать тебя, но буду просить тебя остаться постоянно съ нею. Я сегодня же напишу объ этомъ директору цирка и сдѣлаю все, чтобы онъ отпустилъ тебя совсѣмъ ко мнѣ, — произнесъ князь, съ неизъяснимой лаской кладя руку на голову мальчика. — Ты спасъ ей жизнь и этимъ избавилъ меня отъ большого, большого горя, мой мальчикъ! — съ внутреннимъ

содроганіемъ прибавилъ онъ тихо, и въ его глазахъ Андрюша увидѣлъ слезы.

Уже начало брезжить ясное весеннее утро, уже солнышко ворвалось въ комнату князя, а Сибирочка все еще спала...

Ровно въ семь часовъ утра лакей доложилъ князю, что его хочетъ видѣть какой то мальчикъ по очень важному дѣлу.

Князь на цыпочкахъ осторожно вышелъ изъ комнаты и прошелъ въ гостиную.

Тамъ, нервно теребя въ рукахъ фуражку, стоялъ Никсъ. Онъ въ одну ночь измѣнился почти до неузнаваемости. Страхъ за Сибирочку, жизнь которой могла угаснуть изъ-за него, сдѣлалъ то, что мальчикъ осунулся и похудѣлъ въ одну ночь, какъ послѣ тяжелой и трудной болѣзни.

— Ваше сіятельство... князь... — прошепталъ онъ глухо, увидя передъ собой хозяина дома. — Что она... жива ли?

И глаза его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ впились въ князя.

— Жива и будетъ, дастъ Богъ, скоро здорова! — поспѣшилъ отвѣтить послѣдній.

— Слава Богу! — и мальчикъ широко перекрестился нѣсколько разъ.

— А теперь, — произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, — я долженъ разсказать вамъ всю правду, что я

сдѣлалъ съ нею. Я долженъ снять это бремя съ души. Князь, эта дѣвочка чуть не погибла изъ-за меня. Когда она пріѣхала сюда изъ Сибири, мы съ моею матерью такъ испугались, что рѣшили отправить ее куда-нибудь подальше... Мистеръ Билль долженъ былъ уѣхать отсюда осенью, и я рекомендовалъ ему на службу дѣвочку... Съ перваго же ея выхода въ циркѣ успѣхъ ея у публики сталъ громаднымъ. Посѣтители цирка, восторгаясь Сибирочкой, совсѣмъ разлюбили меня... Разумѣется, я сталъ ей завидовать, сталъ ее ненавидѣть... А тутъ еще прибавилась у меня новая ненависть къ ея названному брату, котораго я считалъ своимъ врагомъ. Чтобы отомстить ей и ему, я придумалъ скверную штуку... Я рѣшилъ осрамить Сибирочку передъ публикой, рѣшилъ испортить ея игру во время перваго представленія новой пьесы. Для этого я досталъ двѣ острыя иглы и воткнулъ ихъ въ вѣнокъ Юноны, зная, что отъ малѣйшаго ощущенія боли львица освирѣпѣетъ и станетъ непокорной. Но вчера, нѣтъ... третьяго дня, то-есть когда моя мать увезла куда то Сибирочку и затѣмъ была взята полицейскими, я былъ такъ взволнованъ и такъ далекъ отъ мести! Вся моя вина была въ томъ, что я совсѣмъ забылъ вынуть изъ вѣнка иглы! И вотъ львица растерзала бы Сибирочку, если бы не подоспѣлъ Андрюша!.. — заключилъ онъ рыданіемъ свою рѣчь и закрылъ лицо руками.

Князь далъ мальчику выплакаться, потомъ положилъ

ему руку на голову и заставилъ его открыть залитое слезами лицо.

— Слушай, мальчикъ, твоя вина велика, но ты можешь искупить ее однимъ чистосердечнымъ признаніемъ, — произнесъ князь серьезнымъ, строгимъ голосомъ, — ты долженъ честно и прямо отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ: почему твоя мать и ты такъ испугались появленія Сибирочки въ Петербургѣ и почему вы хотѣли во что бы то ни стало отдѣлаться отъ нея?

Его глаза впились въ самую глубину глазъ Никса острымъ, пронизывающимъ взглядомъ.

Смертельная блѣдность покрыла лицо послѣдняго. И съ новымъ неистовымъ плачемъ Никсъ упалъ къ ногамъ князя.

— Я все разскажу! Все, все, только спасите мою мать! Не позволяйте сажать ее въ тюрьму. Она не виновата... Я знаю, она сдѣлала все ради насъ, дѣтей... Мы очень нуждались тогда... очень нуждались, князь! О, простите и спасите ее!—прорыдалъ онъ, цѣлуя руки Гордова.

И тутъ же, у ногъ князя, глядя въ его страдальческое лицо, ставшее теперь мертвенно блѣднымъ, Никсъ разсказалъ подробно, какъ его мать, оставшись нищей, изъ любви къ своимъ несчастнымъ дѣтямъ рѣшилась передать князю свою дочь, выдавая ее за маленькую княжну.

Мальчикъ кончилъ свою исповѣдь и съ опущенной головою ждалъ приговора. Его собесѣдникъ молчалъ.

По его лицу текли слезы. Князь угадалъ заранѣе все то, о чемъ говорилъ ему теперь мальчикъ, угадалъ еще тамъ, въ циркѣ, но хотѣлъ теперь имѣть подтвержденіе своей догадки.

Никсъ давно кончилъ свою исповѣдь, а князь все молчалъ и молчалъ, и только крупныя слезы текли по его печальному лицу. Наконецъ, онъ сдѣлалъ невѣроятное усиліе надъ собою и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Успокойся!.. Я сдѣлаю все, чтобы избавить твою мать отъ заслуженныхъ ею непріятностей, и сегодня же буду просить, кого слѣдуетъ, избавить ее отъ наказанія, отъ тюрьмы.

И махнувъ рукой, не слушая горячихъ изліяній благодарности со стороны Никса, князь поспѣшно вышелъ изъ гостиной.

ГЛАВА XXVII.

Двѣ Али — двѣ княжны.

ПРОШЛО нѣсколько дней. Было ясное весеннее утро. Въ той же большой и просторной дѣтской залѣ, гдѣ нѣсколько недѣль тому назадъ маленькая княжна, хозяйка этой залы, угощала свою подругу, Аля, Андрюша и Сибирочка, совсѣмъ уже оправившаяся отъ пережитыхъ потрясеній, играли въ мячъ. Дѣти такъ увлеклись своимъ занятіемъ, что

не замѣтили, какъ вошелъ князь и остановился, любуясь прелестной картиной. Чернокудрый красавецъ-мальчикъ и двѣ бѣленькія и воздушныя, какъ сильфиды, дѣвочки кружились и прыгали, догоняя мячъ.

Сибирочка была сегодня особенно оживлена. Ея прелестное личико разгорѣлось, щечки покрылись румянцемъ, синіе глаза блестѣли, какъ звѣзды.

Князь съ неизъяснимой нѣжностью и тихой грустью смотрѣлъ на нее, удивляясь, какъ онъ могъ не признать столько времени своего родного ребенка, между тѣмъ какъ теперь онъ узналъ бы его изъ тысячи другихъ, ему подобныхъ. Князь забылъ одно: онъ оставилъ свою дѣвочку въ лѣсу, когда ей было только девять мѣсяцевъ отъ роду, а въ этомъ нѣжномъ возрастѣ всѣ маленькія дѣти почти всегда бываютъ похожи другъ на друга.

Взволнованный и потрясенный, онъ думалъ въ эту минуту:

„Дитя окрѣпло настолько, что можетъ узнать истину! Сегодня я могу сказать ей все...“

И тутъ же онъ ласковымъ голосомъ позвалъ дѣвочку:

— Сибирочка, подойди ко мнѣ...

Дѣвочка бросила игру и подбѣжала къ князю. Она уже успѣла привыкнуть къ нему и полюбить въ короткое время этого добраго, ласковаго человѣка. За ней подбѣжала и княжна Аля, подошелъ и Андрюша.

— Довольно, дѣти, играть сегодня. Я пришелъ къ вамъ, чтобы разсказать одну небольшую быль, которая захватила меня сегодня всего. Надѣюсь, вы охотно выслушаете ее,—далеко неспокойнымъ голосомъ произнесъ князь.

— Разсказывай, разсказывай, папа! Я такъ люблю тебя слушать! — прыгая кричала княжна Аля. — Какъ это интересно, должно быть! Ты говоришь, это быль? Значитъ, то, что ты собираешься разсказать, правда?— суетилась она, усаживая въ кресло отца.

— Да, это случилось со мною, когда я былъ молодъ, — произнесъ князь и сѣлъ.

Княжна помѣстилась на скамеечкѣ у его ногъ. Андрюша и Сибирочка присѣли нѣсколько поодаль на стульяхъ.

— Это было давно, девять лѣтъ тому назадъ, — началъ князь и голосъ его дрогнулъ при этомъ.—Однажды по большому сибирскому лѣсу ѣхали сани, запряженныя парой лошадей. Была ночь и стужа, бушевала метель. Путниковъ было трое въ возкѣ: отецъ, малютка-дочь и ея кормилица-няня. Мать дѣвочки умерла лишь два мѣсяца тому назадъ и ея овдовѣвшій мужъ ѣхалъ со своей девятимѣсячной дочуркой въ имѣніе друга, находившееся въ глуши Сибири, чтобы развѣять хоть немного свою тоску послѣ смерти любимой жены. Вдругъ нежданно-негаданно на путниковъ напали волки. Спасенья не было, и молодой отецъ, боясь за участь своего дитяти, велѣлъ ямщику

остановиться, вышелъ изъ саней, снялъ съ себя шубу и, закутавъ въ нее ребенка, привязалъ его къ дереву ремнемъ, чтобы волки не могли добраться до малютки. Онъ едва успѣлъ сдѣлать это, какъ звѣри бросились на несчастныхъ путниковъ и загрызли ихъ почти всѣхъ на смерть. Только отецъ дѣвочки спасся какимъ то чудомъ. Охотники изъ ближайшаго поселка услышали крики и стоны въ лѣсу и поспѣшили на помощь какъ разъ во-время. Несчастный путникъ еще дышалъ. Они подобрали его и унесли къ себѣ въ поселокъ. Ребенка же не нашли. Вскорѣ охотники дали знать другу путника о мѣстѣ нахожденія несчастнаго. Другъ пріѣхалъ и увезъ больного за границу. Здѣсь его болѣзнь приняла тяжелый оборотъ. Четыре года больной пробылъ въ чужой землѣ, и только посылалъ оттуда письмо за письмомъ въ русскія газеты, въ Россію. Это были публикаціи съ просьбами вернуть ему пропавшаго ребенка или сообщить что-либо объ участи послѣдняго. Но никто не могъ сдѣлать этого. Дитя не находилось... Дѣвочка не пропала, однако. Какъ потомъ выяснилось, на другое утро послѣ нападенія волковъ ее нашелъ въ сибирскомъ лѣсу старый птицеловъ. Онъ взялъ малютку къ себѣ и воспиталъ ее какъ умѣлъ. Этого птицелова люди звали дѣдушкой Михайлычемъ...

Тутъ дрожащій и безъ того голосъ князя задрожалъ сильнѣе и разомъ оборвался. Во все время своего разсказа онъ не сводилъ глазъ съ Сибирочки, слѣдя за ней. Сначала дѣвочка вспыхнула до корней своихъ бѣ-

локурыхъ волосъ, когда князь упомянулъ о привязанномъ въ дремучей тайгѣ на деревѣ ребенкѣ. Потомъ прозрачная блѣдность покрыла все ея нѣжное, прекрасное личико. Синіе глаза ея расширились и, горя ярко, ярко, впились теперь въ лицо князя. Ея сердечко забилось такъ сильно, что она должна была прижать къ нему руку, какъ бы сдерживая его удары...

Взоръ князя встрѣтился со взоромъ ребенка.

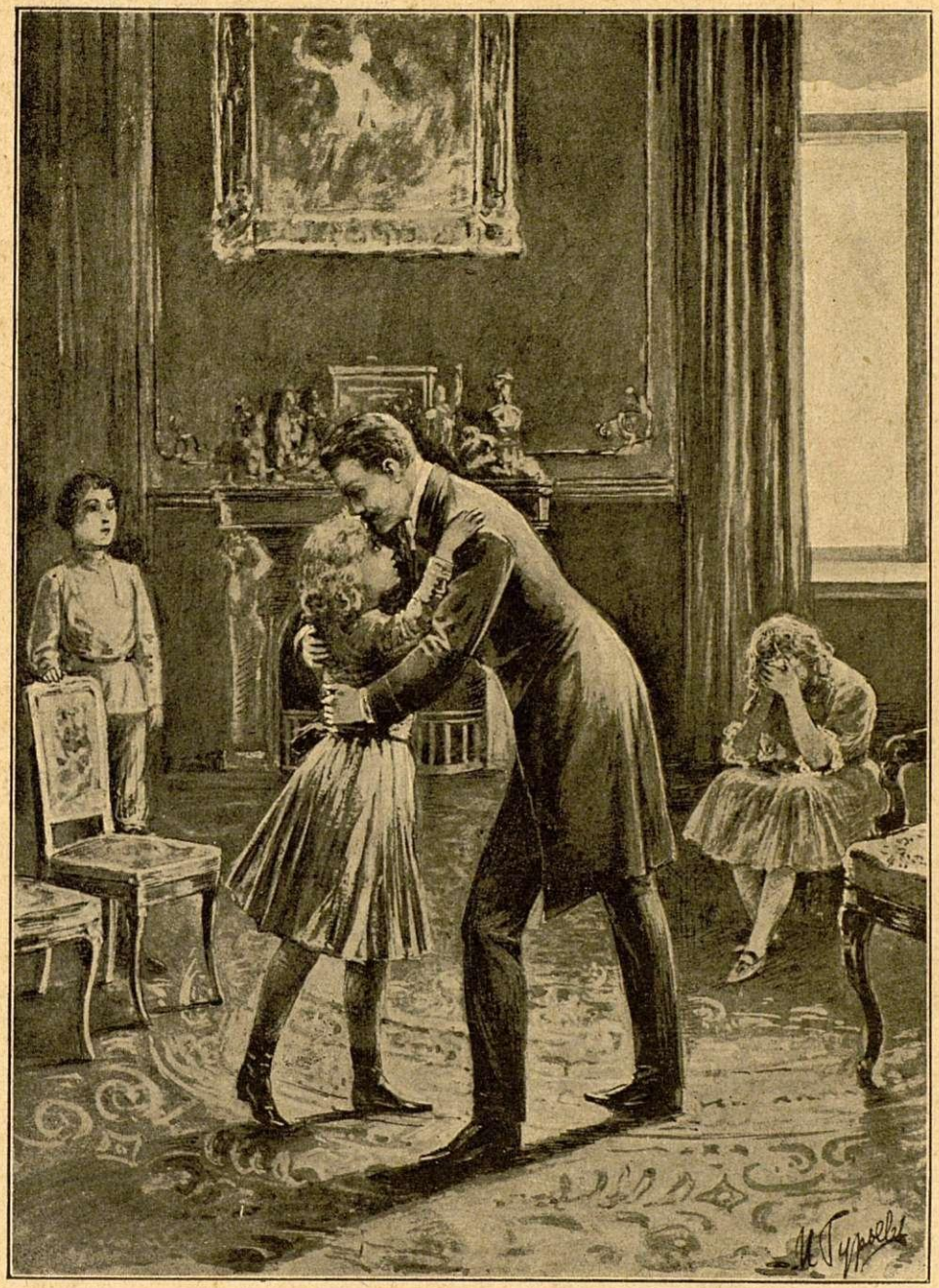
Точно молнія сверкнула передъ обоими въ этотъ мигъ.

Точно солнце засіяло и озарило все то, что находилось до сихъ поръ въ туманѣ. Неописуемое волненіе охватило обоихъ. Князь какъ будто преобразился. Грусть исчезла съ его лица... Безумная отцовская любовь и безконечная нѣжность измѣнили это преображенное, благородное, не по годамъ состарившееся, лицо...

Едва владѣя собою, онъ привсталъ немного съ кресла, трепещущій, взволнованный, блѣдный и протянулъ впередъ руки... Поднялась машинально со своего стула и Сибирочка. Она вся трепетала, вся дрожала отъ непонятнаго ей волненія. Князь шагнулъ къ ней навстрѣчу.

— Это дитя... это... ты... ты была... моя крошка... моя дочь... моя Сибирочка! — прошепталъ онъ чуть слышно и слезы хлынули изъ его глазъ.

— Папа! — прозвенѣлъ милый и нѣжный голосокъ, вырвавшись изъ самой глубины дѣтскаго сердечка, и дрожащая Сибирочка упала на грудь отца.



— Папа!—прозвенѣлъ милый голосокъ...

Прошла минута... можетъ быть, двѣ... можетъ быть, три минуты... можетъ быть, цѣлый часъ прошелъ. Но этотъ часъ показался одной минутой отцу, ласкавшему свою найденную любимую дочурку...

Тихое, чуть слышное всхлипываніе послышалось подлѣ счастливыхъ отца и дочери. Вскорѣ оно усилилось и перешло въ громкое рыданіе. Это плакала мнимая княжна Аля горькими, неутѣшными слезами.

— О, Боже мой, Боже мой! — всхлипывая и задыхаясь въ своемъ волненіи, лепетала дѣвочка, — теперь не я, а Сибирочка будетъ настоящей княжной, а меня отдадутъ на ея мѣсто въ циркъ или туда, откуда ее взяли. Я не хочу! Я не хочу этого... не хочу! Ахъ, я несчастная, несчастная!..—и она еще горше залилась слезами.

Бѣлокурая головка Сибирочки съ трудомъ оторвалась при этихъ словахъ отъ родимой груди. Она соскользнула съ колѣнъ отца, быстро приблизилась къ рыдающей дѣвочкѣ и обняла ее.

— Аля, милая, не плачь, — прошептала она, — ты останешься со мною у папы... Я попрошу его оставить тебя съ нами... Вѣдь ты же не виновата ни въ чемъ. Да, да, папа добрый и оставитъ тебя. Мы будемъ жить всѣ вмѣстѣ... ты, я и Андрюша. Вѣдь правда, папа? Правда?

— Правда, дитя мое, правда, милая моя крошка! — поспѣшилъ отвѣтить князь. —Все будетъ по твоему же-

ланію. Я исполню все, что ты хочешь. Ты столько горя перенесла, моя малютка, что будущая твоя жизнь должна быть полна радостей и свѣта... Я былъ сегодня у госпожи Вихровой. Благодаря моимъ хлопотамъ, ее освободили. Она покаялась во всемъ... Я обѣщалъ ей заботиться о ея дочери такъ же, какъ и о тебѣ, моя Сибирочка, такъ же, какъ и объ Андрюшѣ, котораго воспитаю, не жалѣя ничего. Ты рада, не правда ли, моя крошка?—спросилъ князь, нѣжно цѣлуя дочь.

Андрюша, весь сіяющій и красный, жалъ его руку. Аля обнимала его. Сибирочка прильнула къ его груди.

— А теперь ты разскажешь мнѣ все, что пережила моя дочурка; я хочу знать все,—обратился къ Андрюшѣ князь, и мальчикъ поспѣшилъ исполнить его желаніе.

▫ ▫ ▫

Глубоко взволнованный и потрясенный, выслушалъ отецъ полную печальныхъ событій повѣсть о приключеніяхъ своей маленькой дочери. Его сердце то сжималось, то учащенно билось. Онъ не сдерживалъ слезъ, обильно струившихся по его лицу.

Когда мальчикъ разсказалъ о томъ, какъ черная Элла вырвала Сибирочку изъ рукъ Зуба (Андрюшѣ уже успѣла его маленькая подруга сообщить объ этомъ), неожиданно на порогѣ комнаты появился лакей и почтительно заявилъ о приходѣ новой посѣтительницы изъ цирка. И не успѣлъ князь спросить, что это за посѣтительница, какъ въ дверь залы просунулась чернокожая

сильная Элла, съ букетомъ дешевыхъ весенниxъ цвѣтовъ въ рукахъ.

— Будь здоровъ! Будь здоровъ!—залепетала, сверкая глазами, бѣлками и зубами, негритянка новую, выученную ею, очевидно, недавно фразу и, подойдя къ Сибирочкѣ, сунула ей въ руки цвѣты.

— Вотъ, папа, моя вторая спасительница! — вскричала дѣвочка, схвативъ за руку Эллу и подводя ее къ отцу.

Тотъ ласковымъ взоромъ окинулъ негритянку и крѣпко пожалъ ея черные, какъ сажа, пальцы.

— Объясни ей, Сибирочка, всю мою признательность, — произнесъ князь съ волненіемъ въ голосѣ. — Скажи, что въ благодарность за то, что она сдѣлала для тебя, я дамъ ей все, что она захочетъ... Скажи ей, что ты теперь можешь подарить ей все, все, чего только ни пожелаетъ она. Вѣдь ты теперь моя наслѣдница, богатая княжна...

Едва успѣлъ закончить свою фразу князь, Сибирочка и Андрюша вдвоемъ стали объяснять жестами негритянкѣ всю суть дѣла.

Та только мычала что то въ отвѣтъ и часто, часто кивала своею курчавою головою.

Наконецъ, она, очевидно, поняла все, потому что усиленно зажестикулировала руками, стараясь въ свою очередь пояснить что то, то трогая волосы Сибирочки, то гладя ихъ своими черными пальцами, то покрывая

горячими поцѣлуями ея руки, плечи и кольца бѣлокурыхъ кудрей.

— Что она хочетъ сказать?—спросилъ князь у дочери, глазами указывая на негритянку.

— О, папа, —вскричала потрясенная Сибирочка,— о, папа, она отказывается отъ денегъ, отъ подарка и проситъ только дать ей на память... одинъ локонъ моихъ волосъ...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ЭТУ ночь Сибирочка провела уже въ домѣ своего отца-князя.

Поздно вечеромъ, когда обѣ бѣлокурыя княжны, обѣ Али, уже заснули въ своихъ постелькахъ, дверь въ дѣтскую неслышно отворилась и въ комнату вошелъ князь.

Онъ подошелъ сначала къ мнимой княжнѣ, перекрестилъ и поцѣловалъ ее по привычкѣ, потомъ приблизился къ кроваткѣ своей родной, настоящей дочери.

Сибирочка крѣпко спала. Ея роскошные локоны разметались по подушкѣ, прелестное личико оживилось румянцемъ сна...

Она спала крѣпко, сладко... Ей снились, должно быть, лучезарные сны... Она улыбалась радостно сквозь грезы...

Князь неслышно простеръ надъ ней благословляющую руку, нѣжно поцѣловалъ влажный лобикъ ребенка, потомъ тутъ же, у ея постели, опустился на колѣни и долго, горячо молился о ниспосланіи счастья своей дѣвочкѣ...

КОНЕЦЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ.

стр.

Что было девять лѣтъ назадъ 1

ЧАСТЬ I. ВЪ ГЛУШИ СИБИРИ.

ГЛАВА I. Дѣдушка и внучка. 9
» II. Подъ свистъ вѣтра и пѣснь метели.—Неожиданное горе 13
» III. Сибирочка хочетъ спасти дѣдушку 18
» IV. Четыре мохнатыхъ звѣря 21
» V. Молоденькій благодѣтель.—Лѣсная нора 24
» VI. Сладкій сонъ и горькое пробужденіе. 28
» VII. Голосъ изъ-подъ земли.—Тайна раскрывается . . 33
» VIII. Сибирочка исполняетъ трудное порученіе 43
» IX. Ни хода, ни выхода 51
» X. Въ пещерѣ подъ снѣгомъ 54
» XI. Неожиданность за неожиданностью 58
» XII. Получеловѣкъ-полузвѣрь съ добрымъ сердцемъ . 60
» XIII. Въ чумѣ Нымзы. — Пиршество. — Изъ огня да въ полымя 65
» XIV. Нымза-предатель и Нымза-другъ. 69
» XV. Пурга.—Новая опасность.—У цѣли 77

ЧАСТЬ II. МАЛЕНЬКАЯ УКРОТИТЕЛЬНИЦА ЛЬВОВЪ.

ГЛАВА I. Въ огромномъ городѣ 82
» II. Тяжелое разочарованіе. 87
» III. Никсъ рѣшаетъ дѣло 93
» IV. О томъ, что было пять лѣтъ тому назадъ 99

		стр.
ГЛАВА	V. Мистеръ Билль и господинъ директоръ. — Дѣло сдѣлано.—Легко пріобрѣтенный врагъ . . .	106
»	VI. Новые люди.—Цезарь и Юнона	112
»	VII. Сибирочка и Андрюша вступаютъ на новый путь.—Страшное начало	119
»	VIII. Первый урокъ.	125
»	IX. Драка.—Непримиримый врагъ.—Первый выходъ .	128
»	X. Новый клоунъ m-r Андрэ начинаетъ свои «штучки»	136
»	XI. Маленькая укротительница львовъ.	144
»	XII. Зависть и злоба.—Враги Андрюши и Сибирочки.	149
»	XIII. Письмо.—Сюрпризъ.—Затѣя Никса	154
»	XIV. Таинственная каморка.—Черный духъ.	159
»	XV. Снова княжна Аля.—Счастливый день	169
»	XVI. Новое открытіе. — Страхи г-жи Вихровой. — Выходъ найденъ	180
»	XVII. Радость	190
»	XVIII. Не онъ	196
»	XIX. Снова Зубъ.—Отчаяніе.—Неожиданная защита. .	200
»	XX. Элла дѣйствуетъ.	204
»	XXI. Онѣ вернулись!	206
»	XXII. Христіанка и львы	210
»	XXIII. Ужасъ.—Спаситель	214
»	XXIV. Спасены.	216
»	XXV. Крестикъ	218
»	XXVI. Что было дальше	220
»	XXVII. Двѣ Али—двѣ княжны	226
ЗАКЛЮЧЕНІЕ.		253

ИЗДАНІЯ
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

Поставщиковъ Двора Его Императорскаго Величества

С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, 18; **Москва**, Кузнецкій Мостъ, 12, домъ Джаигаровыхъ и **Москва**, Моховая ул., 22, домъ Чижова и Курындиной (противъ университета).

С. А. ЧИСТЯКОВЪ.

ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Съ картинами, портретами, автографами, медалями и пр. и пр. на отдѣльныхъ таблицахъ и въ текстѣ. Большой томъ, отпечатанный на слоновой бумагѣ. Цѣна 5 руб., въ богатомъ коленк., тисн. золот. и красн., по рисунку акад. Н. С. Самокиша, переплетѣ, съ папочн. футляромъ—6 руб.

Допущено въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. Пр. и въ безплатныя народныя читальни. (Отз. Д-та Нар. Пр. № 17080, 2 іюня 1904 г.).

А. И. КРАСНИЦКІЙ.

ПОДЪ РУССКИМЪ ЗНАМЕНЕМЪ

Повѣсть-хроника эпохи Освободительной войны 1877—1878 гг. Съ картинами и иллюстраціями. Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ папочнымъ футляромъ—3 р. 50 коп.

Допущено въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. Пр. и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отз. Д-та Нар. Пр., № 16280, 25 мая 1903 г.).

К. М. СТАНЮКОВИЧЪ.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ МАЛЬЧИКЪ

Повѣсть изъ временъ Крымской войны. Съ отдѣльн. картин. и иллюстр. художн. Э. К. Соколовскаго, снимками съ соврем. картинъ и портр. героевъ войны. Ц. въ роск. коленк. перепл., съ папочн. футл.—3 р. 50 коп.

Допущено въ ученическія, средн. возр., библіотеки средн. учебн. завед. М. Н. Пр. и въ безпл. народн. библ. и читальни, а также *для выдачи въ награду* ученикамъ означеннаго возраста. (Отз. Д-та Нар. Пр. № 15804, 21 мая 1904 г.).

И. ВОЗДВИЖЕНСКІЙ.

СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНІЕ

и вѣнчаніе на царство Русскихъ Государей

съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Съ 197 иллюстраціями. Ц. въ папкѣ 1 рубль.

Одобрено для ученическихъ, средняго и старшаго возрастовъ, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. Пр., для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. (Отз. Д-та Нар. Пр. № 15748, 23 іюня 1898 г.).

С. М. МАКАРОВА.

РАЗСКАЗЪ МОНЕТЪ

Историческая хроника. Ц. въ коленкоровомъ переплетѣ, съ папочнымъ футляромъ—3 рубля.

Допущено въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. Пр. и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Ж. М. Н. Пр., ноябрь 1902 г.).

ПЕТРЪ УСОВЪ.

ИСТОРІЯ СУВОРОВА

Съ 1 хромолитографіей и 50 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 коп., въ изящн. золототисн. коленк. перепл.—1 р. 75 коп.

Одобрено для фундамент. и ученич., средн. и старш. возр., библіотекъ средн. учебн. зав. М. Н. Пр., а также и для безпл. народн. читал. и библ. (Отз. Д-та Нар. Пр. № 28839, 3 ноября 1900 г.).

СОЧИНЕНІЯ М. Б. ЧИСТЯКОВА.

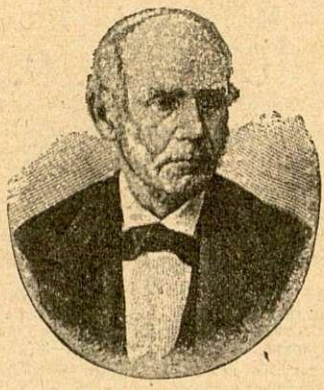
ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.

ЗИМА

Новыя повѣсти и разсказы, преимущественно изъ русскаго быта. Съ 6 хромолит. картинами по рисунк. Шарлеманя. 3-е изданіе. 8 д. Въ изящн. коленкоров. переплетѣ. Цѣна 2 р. 50 к.

ЛѢТО

Новыя повѣсти и разсказы, преимущественно изъ русскаго быта. Съ 6 хромолит. картин. по рис. Н. Дмитріева - Оренбургскаго. 3-е изд. 8 д. Въ изящн. коленк. переплетѣ. Цѣна 2 р 50 к.



ВЕСНА

Новыя повѣсти и разсказы, преимущественно изъ русскаго быта. Съ 6 хромолит. картинами по рисунк. Шарлеманя. 3-е изданіе. 8 д. Въ изящн. коленкоров. переплетѣ. Цѣна 2 р. 50 к.

ОСЕНЬ

Новыя повѣсти и разсказы, преимущественно изъ русскаго быта. Съ 6 хромолит. картинами по рисунк. Шарлеманя. 3-е изданіе. 8 д. Въ изящн. коленкоров. переплетѣ. Цѣна 2 р. 50 к.

М. Б. ЧИСТЯКОВЪ.

„ЗИМА", „ВЕСНА", „ЛѢТО" и „ОСЕНЬ" Учен. Ком. М. Н. Пр. одобрены для библ. среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и народныхъ библіотекъ и читаленъ.

ЧИСТЯКОВЪ безспорно одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ русскихъ дѣтскихъ писателей. Его разсказы, полные глубокаго знанія жизни и согрѣтые душевной теплотою, читаются съ интересомъ и взрослыми, и дѣтьми. Названные выше разсказы принадлежатъ къ наиболѣе удачнымъ произведеніямъ Чистякова. *„Новости"*.

МЕЛКІЙ БЫТЪ

Повѣсти съ хромолитографированными картинами. Въ изящн. картонажѣ.

Цѣна 2 рубля.

КОРНИ И ПЛОДЫ

Повѣсти для дѣтей 9—12-лѣтн. возраста. Съ хромолит. картинами. Въ изящномъ картонажѣ.

Цѣна 2 рубля.

БЫЛОЕ И ВОЗМОЖНОЕ

Повѣсти для дѣтей старшаго возраста съ 8 раскрашенными рис. Въ изящномъ картонажѣ.

Цѣна 2 р. 50 к.

РАДОСТЬ И ГОРЕ

Повѣсти, заимствован. съ нѣм. и англ. для дѣтей старшаго возраста. Съ 6 хромолит. картинами. Въ красивомъ переплетѣ.

Цѣна 2 руб. 50 к.

ПРІЯТНОЕ ПРЕПРОВОЖДЕНІЕ ВРЕМЕНИ

или собраніе употребительнѣйшихъ фантовъ. Книжка, заключающая въ себѣ различныя игры, состоящія изъ движеній и требующія вниманія; въ играхъ этихъ можно показать любезность, умъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя свѣдѣнія. Въ заключеніе описаны фанты, употребляемые въ настоящее время и бывшіе въ употребленіи прежде. Въ 16 д. Цѣна 75 коп.

БѢДНЫЕ ИНДУСЫ

Повѣсть для дѣтей. Съ 4 раскрашенными картинами. Въ изящной папкѣ.

Цѣна 1 рубль.

ГЕРОИНЯ

Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Съ хромолитографированными рисунками, въ красивомъ переплетѣ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ИЗДАНІЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
ПОСТАВЩИКОВЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

37.36.6.63.